

18+

Валерий Васильевич Савинков

В МАЛЕНЬКОМ СИБИРСКОМ ГОРОДКЕ

1930 год: Восстание против коммунизма
на Алтае и голодный бунт в Барнауле

Валерий Савинков

**В маленьком сибирском
городке. 1930 год: Восстание
против коммунизма на Алтае
и голодный бунт в Барнауле**

Савинков В. В.

В маленьком сибирском городке. 1930 год: Восстание против коммунизма на Алтае и голодный бунт в Барнауле / В. В. Савинков —

В книге впервые дана развернутая картина последнего в отечественной истории массового народного восстания 1930 г. — на примере одного из его базовых регионов, Большого Алтая. Издание написано на основе архивных документов, раннесоветской прессы и книг, дневников и записей устных рассказов современников.

Содержание

На Старом Базаре	6
1. Почему Алтай?	7
2. Источники	11
ЧАСТЬ I. НАКАНУНЕ	19
3. Накануне. 1927—1928 гг.	20
4. Рынок разрушен – голод на пороге. 1929—1930 гг.	34
5. Село: чума похуже татарина...	52
ЧАСТЬ II. ПОСЛЕДНЯЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА	58
6. Крестсоюз и чекисты	59
7. Органы и Сопротивление	66
8. пытки и казни	77
9. «Это восстание!»: вилы и кулак в защиту справедливости	94
10. Подпольные центры. «Вставайте под наше черное знамя!»	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

В маленьком сибирском городке 1930 год: Восстание против коммунизма на Алтае и голодный бунт в Барнауле

Валерий Васильевич Савинков

*Моим учителям —
Валентину Ельчанинову
и Соломону Лившицу.
Magistri mei, verba vestra memini.*

© Валерий Васильевич Савинков, 2026

ISBN 978-5-0069-8756-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На Старом Базаре

«Безумный! Ну-ка, воспрянь и исповедай громко перед всеми. Полно укрываться: другого такого времени не дождешься, само царство небесное в рот валится. А ты все откладываешь».

о. Аввакум Петров, послание

Эта история врезалась мне в память на долгие годы.

Во времена советского застоя Алтай жил довольно голодно. В свободной продаже не было ни мясных продуктов, ни фруктов, ни большинства овощей. Несмотря на то, что здесь производили много разных продуктов, жителям этой глухой провинции, отнесенной к низшей в СССР категории снабжения, мало что доставалось.

Мы добирали эту нехватку по-разному. Самым распространенным способом при этом был рынок. Регулярные походы «на Базар» – за картошкой, мясом, яблоками и проч. составляли тогда непременную часть городской культуры.

...В тот день я почему-то оказался один среди крашенных облупившейся зеленой краской рыночных рундуков и старинных дощатых балаганов с коваными шпильями. Мое внимание привлекли крики и гул собравшейся где-то внутри этого лабиринта толпы. На площадке между несколькими торговыми строениями собралось несколько десятков человек. Дюжие мужички-мясники в замаранных кровью фартуках крутили руки довольно-таки замызганному парню в дерюжном пиджачке, а краснощекие тетки-торговки всюю голосили, периодически пытаясь поднести ему леща или пнуть.

Почти налысо стриженный парень, лицо которого было уже отмечено ссадинами, мотался из стороны в сторону. Как и все мальчишки, я с восхищением (но и долей ужаса) смотрел на зрелище.

Кто это такой? Наверное, какой-нибудь шпион?!

Появившаяся в разгар зрелища моя бабушка твердо взяла меня за руку и повела прочь. Вышедшая из старой городской семьи, оказавшейся на Алтае после Гражданской войны, она еще в 30-е годы поступила работать в Госбанк СССР, стала управляющим его городской конторы и, конечно, понимала в этой жизни много больше глупого школьника.

– Не нужно тебе на это смотреть.

– А что это было?!

– Воришку поймали.

– А где милиция, почему они его бьют?

– Ну... хорошо, сейчас не голодный год. Тогда бы его, может, просто убили...

И тут я впервые прослушал с явной неохотой рассказанную небольшую «лекцию» о том, что не все в этой жизни так, как рассказывается в учебниках и советских газетах, о голоде и карточках, о настоящем лице власти и о том, что люди иногда решают проблемы сами – без властей и милиции, и что Базар – это то место, где эти традиции живы более, чем где-либо.

Любимая бабушка давно покинула меня, но я запомнил преподанный ею и случаем урок. За фасадом власти, государства – даже в те времена, когда их людоедский оскал сменяется внешним благополучием – в России часто скрывается некая сила, периодически выходящая на свет, снося все мешающее ей. Иногда она благодетельна, но чаще – страшна и слепа.

1. Почему Алтай?

«Настал 1930 год – конец мучениям. Последний год мучительному коммунизму. Настал 1930 год – конец мучениям. Бей коммунистов, да здравствует царь».

Написанный карандашом лозунг возле дороги в Кузбассе, апрель 1930 г.

...Тема взаимоотношений народа с властью в России всегда была в центре интереса общества и исследователей. В этой работе я постарался собрать и показать максимально широкую картину народного восстания против коммунизма на Алтае в 1930 г. – насколько это позволяют доступные сегодня источники.

Автор рассматривает восстание 1930 г. как последний, третий этап длившегося более чем десятилетие (с мирными перерывами) процесса вооруженного противостояния в России миров модерна и традиции. Эта драматическая борьба проходила на фоне захватившей власть в стране большевистской диктатуры, ловко маневрировавшей в этой ситуации и в итоге оказавшейся ее единственным победителем.

Стремительная модернизация России, видимо, делала конфликт модерна и традиции неизбежным. Однако, те предельно жестокие формы, в которых он реально прошел, безусловно связаны с тем, что эта борьба была взята под контроль умело пользовавшейся и дирижировавшей ей правящей Россией красной диктатурой.

Первый этап этого процесса укладывается в рамки Гражданской войны. В ходе него русская традиция (в основном представленная крестьянством) решает выступить в качестве союзника красного режима, триумфально сокрушив вместе с ним вызывающий ее зависть и недоверие модерн – белый русский город.

Второй этап связан с окончанием этого союза – быстро разглядев реальное чудовищное лицо новой власти, крестьяне отказывают ей в доверии. Этот этап связан с массовыми восстаниями против коммунизма начала 20-х годов. Война крестьянской традиции против большевизма тогда не заканчивается успехом (все восстания были подавлены), однако ее продолжающееся разрастание приводит к тому, что напуганный режим добровольно отступает. Наступают ничья, перемирие – годы нэпа.

Начало третьего этапа можно связать с 1927 г. – перегруппировавшись и найдя нового авторитарного вождя, режим переходит в постепенное наступление, намереваясь создать из России милитаризованный лагерь, готовящийся к глобальной войне. К активной фазе это переходит в конце 1929 – начале 1930 г. – и тогда в ответ на тотальный террор власти вновь возникает последнее в отечественной истории массовое народное восстание против коммунистического режима, втянувшее в свою орбиту по разным подсчетам от 1,5 до 3 млн людей и охватившее в 1930 г. значительную часть Советской России.

Центром протеста тогда вновь стала территория русской традиции. Однако, помимо бесчисленных крестьянских бунтов, в этом году происходит нечто новое – примирение этого мира с русским модерном. И союзниками крестьянских волнений против коммунизма становятся многочисленные городские бунты.

Картина этого последнего в истории России масштабного этапа противостояния народа и власти¹ (по крайней мере, на Алтае) будет представлена в этой книге.

¹ Достаточно объемное протестное и повстанческое движение возникает тогда на Кавказе и в Средней Азии, однако его причины и содержание существенно иные и оно вынесено за тему исследования.

Выбор Алтая не случаен. Как устойчивая историко-географическая страна, он рассматривается многими историками как один из ведущих центров сопротивления коммунистическому режиму в России. Возможно, возникновение здесь этого устойчивого «бандитского мифа» связано с тем, что на Алтае, при всем богатстве его природы, всегда сохранялись необжитые человеком пространства. Эта духовная территория, куда можно было сбежать от невыносимого гнета цивилизации, надолго стала символом ностальгии, утраченных (и, вероятно, скорее всего воображаемых) старых русских доблестей. Там до сих пор по дорогам, с которых нет возврата, скачут с винтовками Бердана наперевес в поисках воли персонажи Шукшина, скрываясь в непроходимых лесах и безжизненных каменистых ущельях – навстречу героической гибели...

В описанных трех периодах войны русского народа с коммунизмом, в других провинциях мы можем найти отдельные, и более яркие примеры. Так, медийно раскрученные традиционные народные вожди юга России выглядят несомненно более яркими личностями на довольно-таки сером по сравнению с ними фоне вождей алтайских красных партизан. А, скажем, антоновское восстание может выглядеть более значительным, чем одновременные антибольшевистские восстания на Алтае.

Однако, только здесь, на равнинах и горах Алтая, все три этапа борьбы русской традиции и модерна оказались представлены в максимально полной, законченной форме. Касаемо первого этапа, Гражданской войны, пожалуй, только лишь на Алтае мы можем говорить о безусловной, победоносной войне традиции, завершившейся в конце 1919 г. самостоятельным захватом крестьянской партизанской армией власти на этой огромной территории, ее основных городов и т. д. И созданием алтайскими красными партизанами претендующего на власть в Сибири просоветского прото-государства. Хотя в других российских провинциях события развивались по примерно такому же сценарию, столь полной, «химически чистой» и объемной победы традиции над модерном мы больше не найдем. Пиком ее торжества над городом и наглядным символом победившего «крестьянского царства» можно счесть демонстративный разгром Кузнецка и погромы Барнаула красными партизанами после их захвата.

Живые переживания и воспоминания именно этого триумфа – создания в России короткого царства крестьянской утопии – питали на Алтае и массовые восстания против коммунистов в начале 20-х годов, и восстание 1930 г.

Пик триумфа «крестьянского царства» на Алтае – 10.12.1919 партизанская армия занимает Барнаул (вероятно, Демидовская площадь). Гравюра (предположительно с несохранившейся фотографии) [4, 1925, 23 декабря].

Важную роль играет здесь и единственный за Уралом значительный голодный бунт горожан – в мае 1930 г. в Барнауле (равно как и серия городских подпольных групп в Барнауле и Бийске). Показавший – что нового идет на смену уходящей «крестьянской лошадке»?

Городские волнения, постепенно замещающие в новейшей России крестьянские бунты, изучены гораздо слабее. Эти инциденты сильно разнесены по времени и пространству и часто проходили в городах, удаленных от столиц и научных центров. Архивные документы по ним предельно разрознены и по-прежнему частично недоступны, в некоторых документальных комплексах эта тема сознательно замалчивалась, а то и фальсифицировалась советскими властями.

Однако, мы должны признать, что традиция городского бунта в современной истории России явно сформировалась уже тогда. *«Города, особенно большие, гораздо чаще оказываются центрами социальных волнений и революций, чем деревни»*, – сделал уже в те годы вывод анализирующий влияние голода на движение масс социолог Питирим Сорокин [258, с.327].

Интересно, что советские городские бунты возникают в годы нэпа первоначально как борьба за права (против полицейского произвола и т.п.). Далее, сделав шаг назад в голодные десятилетия, они прошли путь эволюции от первых волнений за самую базовую потребность – физическое выживание, спасение от голодной смерти (Акмолинск – 1928, Барнаул, Новороссийск – 1930), до бунта уже не за голодный минимум, а за качество питания (Новочеркасск, 1962). Завершившись затем серией восстаний вновь за, как сказали бы сейчас, «права человека». Здесь можно привести пример пришедших на смену голодным волнениям серии городских бунтов против полицейского насилия (Бийск, 1961, Рубцовск, 1974).

Стоит также вспомнить, что Алтай в советский период истории рассматривался отечественными спецслужбами как один из четырех устойчиво существовавших в СССР центров религиозного протеста – речь идет о деятельности здесь разного толка «катакомбных» христианских групп.

Не все важные эпизоды событийного поля протеста удалось воссоздать в должном объеме (прежде всего, из-за закрытости важных архивных фондов). Напротив, от максимально широкого развертывания как минимум трех наиболее значимых тем (Добытинское восстание, восстание «Свободных», повстанческая война в Алтайских горах) я был вынужден отказаться – они представлены лишь ограниченным, кратким очерком, поскольку это не позволяют объемы книги. Напротив, несколько узлов на периферии ареала протеста (в Каменском и Славгородском округах и в предгорьях – в Башелакском (Чарышском), Алтайском, Солонешенском районах) были изучены, видимо, недостаточно полно.

Должен с сожалением признать, что в текущей ситуации от публикации некоторых оценок, эпизодов и имен при подготовке книги мне пришлось принять решение отказаться.

Тем не менее, на сегодня это предельно широкая и впервые уже не фрагментарная, а достаточно цельная и полная картина последнего масштабного выступления русского народа против захватившей власть в стране диктатуры – в одном из тех регионов, где это восстание развернулось максимально широко.

Собранный в ходе работы над книгой за несколько десятилетий материал позволил существенно по-новому взглянуть на уже известные историкам эпизоды народного восстания (организации Дробышева и «Свободных», отряд/банда Чупина, повстанцев в горах). При этом впервые вводится в научный оборот собранная автором на протяжении длительного времени значительная информация о таких существенных эпизодах протеста, как голодный бунт в Барнауле, организации «Охотники», «Народная воля» и многое другое.

Также я бы хотел детально показать тот механизм формирования и управления зонами голода, который создала и пользовалась для управления обществом Советская власть на протяжении десятилетий своей истории. Именно на фоне первых лет его использования Советами и развернулись события этой книги.

И, наконец, в книге будет представлена панорама той жизни, которой жил почти столетие назад маленький сибирский город на Оби – Барнаул. И в несколько меньшей (хотя и совершенно неза заслуженной) степени другие алтайские городки – Бийск, Славгород, Камень-на-Оби, Усть-Пристань².

Автор выражает свою благодарность тем людям, без которых не была бы написана эта книга – профессорам Владимиру Рыжкову и Елене Осокиной, многочисленным скромным сотрудникам архивов и библиотек, помощь которых была для меня бесценна. Особо я должен упомянуть свою бабушку – советника финансовой службы Галину Шишкину, ее старших подруг – сотрудников Запсибкрайисполкома и Госбанка СССР, чьи рассказы о реальностях описанных здесь времен и о многих из людей, ставших героями моей книги, услышанные еще в детстве, требовали того, чтобы они не пропали втуне. Ряд использованных в книге важных источников – записи свидетелей событий тех дней – требуют выразить благодарность моей матери Ларисе Савинковой, ученице одного из основателей устной истории в России, фольклориста Александра Мисюрева, ак. Юрию Афанасьеву и моим товарищам по его Лаборатории устной истории РГГУ, без настояния и помощи которых эти свидетельства не возникли и не увидели бы свет.

² Не имея формально городского статуса, Усть-Чарышская Пристань тогда (уже с конца 19 в.) фактически была процветающим торгово-транспортным городским центром между Барнаулом и Бийском. В 20-е годы алтайские власти рассматривали вопрос присвоения ей статуса города, однако было решено развивать его на площадке ст. Алейская.

2. Источники

*«Ни ожиданий, ни просветов,
Нет сил ни верить, ни желать;
Уста трибунов и поэтов
Замкнула красная печать».*
Алексей Ремизов, 1920 г.

Для изучения истории народного восстания против коммунизма и городских волнений в Барнауле 1930 г. автором привлечены источники нескольких типов.

Источниковым фундаментом данной книги являются архивные документы: преимущественно из коллекций Госархивов Алтайского края и Новосибирской области (ГААК, ГАНУ), алтайских муниципальных архивов, архива ФСБ РФ, а также коллекции Пражского архива белой эмиграции (из фондов б. ЦГАОР – ныне ЦГА РФ). Некоторые документы были получены автором довольно давно из уже ликвидированных (измененных) сегодня архивов/фондов. В этом случае ссылки на архивные дела были по возможности актуализированы (по текущему состоянию). Хотя гарантировать полную сохранность/доступность всех этих документов на сегодня я, понятно, не могу – и сами старые документы не вечны, и при передаче их из одного архивохранилища в другое (да и просто с течением долгих лет) они иногда имеют таинственное обыкновение исчезать.

2.1 Документы «внутренней партии» и Органов. Это имевшие некогда закрытый статус документы руководящих органов ВКП (б) и советских органов политического сыска. Среди них излагающие реальные мероприятия по управлению территорией протоколы закрытых заседаний бюро и сводки Барнаульского окружкома ВКП (б), закрытая переписка руководителей Барнаульского округа с руководством Сибкрая, сводки правительства РСФСР³.

Особенно значимы в раскрытии темы стали документы советской тайной (ОГПУ) и явной полиции (сибирских и алтайских структур НКВД – адмотделов/управлений⁴). Среди них переписка одного из сибирских окружных/областных отделов ОГПУ – Барнаульского – с полпредством ОГПУ по Сибкраю (ПП ОГПУ по СК), получаемые указания. Это Госинфсводки и Спецсводки, отдельные сообщения Барнаульского окротдела ОГПУ и ПП ОГПУ по СК за несколько лет с обзором как ситуации в экономике и социальной сфере, настроений среди различных групп населения Барнаула и его окрестностей, так и общей ситуации с развитием здесь голода и протестов жителей.

В то же время, комплекс этих документов, собранных из разных источников, неполон. Мне не удалось найти и изучить архивные комплексы базовых сводок Барнаульского и Бийского окротделов ОГПУ (и их преемника – Барнаульского оперсектора ОГПУ) за 1930 г.⁵ – в работе были использованы лишь отдельные их спецсводки и сообщения этого периода.

³ Применительно к этим органам и служащим в них людях уже тогда корректным является термин «номенклатура», традиционно связываемый с более поздним периодом. Однако, употребление его в различных рабочих документах власти фиксируется в архивах уже с середины 20-х годов.

⁴ Адмотдел – в описываемое время ведомство советской милиции (в отличие от тайной политической полиции – ОГПУ). Адмотделы являлись структурами двойного подчинения: с одной стороны, входя в состав соответствующего исполкома, с другой стороны их деятельность координировалась НКВД РСФСР. Адмотделы часто выступали партнерами ОГПУ, обеспечивая проведение массовых репрессивных операций. В реальной практике с целью повышения статуса адмотделы могли «перехватывать» дела по политрепрессиям у ОГПУ (такие упреки иногда раздавались, например, чекистами в адрес Барнаульского окружного адмотдела, возглавляемого в 1928—30 г. Иваном Долгих).

⁵ Отчасти это связано с объективной причиной – ликвидацией летом 1930 г. системы округов, что сильно нарушило тогда связность формирования архивных комплексов.

В книге использованы специальные сводки Учетно-осведомительного отдела (УЧОСО) ПП ОГПУ по СК, а также базовый комплект сводок полпредства за январь-октябрь 1930 г.

В работе также использованы достаточно полный комплект (за 1930 г.) Сводок СОУ ОГПУ и ИНФО ОГПУ о фактах отрицательного характера по промпредприятиям и рабочим районам (и сопутствующие сводки), Спецсводок ИНФО ОГПУ о перебоях в снабжении промрайонов и городов, иных сводок, докладов и записок центрального аппарата ОГПУ.

Отдельно стоит упомянуть нечастый для архивной системы России переданный Органами на Алтае в систему госархивов фонд из нескольких десятков тысяч архивно-следственных дел (ГААК, Ф. Р-2000). Богатейшее архивохранилище, покинув систему архивов ФСБ РФ, продолжает пока оставаться доступным. Хотя использование его крайне непросто – из-за предельно примитивного описания дел поиск по их огромному массиву крайне затруднен и требует целого комплекса профессиональных расследовательских методик.

Различные грифы секретности, некогда приданные этим документам, безусловно, не являются гарантией достоверности содержащейся в них информации. Однако, нельзя отрицать того, что для управления обществом власть всегда стремилась к получению адекватной информации о происходящем в нем. И комплексы предназначенных для высших руководителей некогда закрытых документов дают нам гарантии реальности если не каждой цифры и факта, то хотя бы общего содержания информации.

Глубокую оценку противоречивых особенностей этого типа источников дал новосибирский исследователь Алексей Тепляков: *«Обычно насыщенные ценной информацией, они ориентированы на сбор негативного материала, тенденциозны... При заданности рамок негласного и открытого сбора информации – крайне пристрастной, предельно политизированной и часто фальсифицированной полностью либо частично – потенциал этих сводок ограничивается, но остаётся тем не менее высоким за счёт большого процента достоверной или относительно правдивой информации»* [100, с.287].

Как сказано, недостатком этого типа источников прежде всего является его неполнота, иногда доходящая до фрагментарности: эти материалы, преимущественно собранные автором в ходе длительных архивных поисков, по-прежнему могут быть разрозненными и содержат важные для понимания ситуации провалы.

Низкую доступность таких документов можно объяснить тем, что сведения о протестах против советского режима еще с 1930 г. приобрели статус гостайны. В секретной «Краткой инструкции-перечне об охране гостайн в печати» от 12 августа 1930 г. к ним была отнесена следующая информация: *«Не разрешается оглашать в печати сведения о забастовках, массовых антисоветских манифестациях, а также о беспорядках и волнениях в домах заключения и концентрационных лагерях»* [64, с.59]. Авторство предельно жесткого режима секретности в отношении информации о протестах, по-видимому, может быть привязано к личной инициативе и позиции Сталина. Известна его резкая телеграмма 1932 г., излагающая его взгляды именно на эту тему – по поводу статьи главреда газеты «Правда», лишь косвенно содержащей почти незаметный намек на прошедшие тогда забастовки текстильщиков⁶.

⁶ «Протестую против опубликования в „Правде“ статьи Ярославского о рабочих волнениях в Иваново-Вознесенске и смене там партруководства. Статья – явно неправильная с фактической стороны и вредная политически. Своей статьей Ярославский дал иностранным корреспондентам возможность писать о „новом Кронштадте“, якобы „диктовавшем последние решения ЦК и СНК о колхозной торговле“. Кто дал Ярославскому право выступить с такой статьей, наносящей вред партии и явно выгодной нашим врагам? Почему редакция „Правды“ допускает такие безответственные выступления? Почему дают Ярославскому бесконтрольное право пользоваться оружием, которым он не владеет и которым сплошь и рядом злоупотребляет во вред партии? Нельзя ли этому положить конец?» [64, с.59—60].

Гравюра из газеты «Красный Алтай». Советский аппарат пропаганды не стеснялся представлять себя в образе оружия [4, 1925, 5 мая].

Поэтому до наших дней дошли крайне немногочисленные документальные свидетельства реального отношения жителей советской России к правящему ими режиму. Например, мы можем обоснованно предположить, что количество секретных телеграфных записок по прямому проводу на тему голодного бунта между руководством Барнаула и руководителями Сибкрая, могло составлять порядка 30—50 документов. Однако, автору удалось собрать и изучить в различных документальных комплексах лишь десятую их часть (хотя, вероятно, наиболее важных) [138]. Предположительно, важный для историка комплекс этих документов некогда мог храниться в фондах бывшего партийного архива Алтайского края (ныне фонд Ф. П-4 Барнаульского окружкома ВКП (б) в Госархиве Алтайского края). Однако, папка архивного дела «Шифрованные и расшифрованные телеграммы директивного характера от ЦК и Сибкрайкома ВКП (б) (январь 1928 – июнь 1930)» была уничтожена еще советскими партийными архивистами в 1967 г. [18]. Возможно, когда-нибудь новые документы на эту тему будут введены в оборот, хотя на сегодня перспективы этого туманны.

2.2 Доступность документов. Дополнительным фактором сложности является закрытость части сохранившихся архивных документов. Причем речь идет не только о ведомственных архивах (Центральный и региональные архивы ФСБ РФ и т.д.), доступ в которые был крайне сложен и ограничен и ранее, а сейчас практически стал невозможен. Гораздо сложнее в последние годы стал и доступ к фондам госархивов.

В материалах с ограниченным доступом речь идет не только о делах из бывших фондов партийных архивов, где степень ограничений с момента передачи их в систему госархивов почти всегда была существенно выше.

Реальная политика засекречивания архивных дел (в ее текущем правоприменении) динамична и также не относится к числу особо открытых. Так, в 2025 г. в ряде регионов появились первые сообщения о системных ограничениях для исследователей в доступе к архивно-следственным делам. Опыт также показывает, что сейчас практически все архивные дела раннесоветской эпохи перед выдачей проходят дополнительный оперативный контроль на предмет выявления там документов с ограничивающими грифами (учитывая тягу к подобным грифам в культуре советской бюрократии, подобные документы встречаются, мягко говоря, довольно часто). При наличии хотя бы одного такого документа (хотя бы с самым малозначимым грифом) дело может экстренно переводиться в состав не подлежащих выдаче (причем это может касаться и дел совершенно невинного содержания, десятилетиями ранее считавшихся несекретными и свободно выдававшихся исследователям). По-видимому, если раньше архивы все же ориентировались чаще на реальное содержание дел, сейчас этот процесс предельно формализован: есть гриф хотя бы на одной бумажке – все дело оперативно получает статус засек-

реченного (сложно упрекнуть в этом архивистов в той ситуации, которая существует сейчас в России).

Процесс же рассекречивания архивных дел крайне усложнен и ресурсоемок, и фактически он потихоньку замирает. Так, Госархив Новосибирской области за 2024 г. рассмотрел на предмет рассекречивания лишь 14 архивных дел (фонд облстатуправления), при этом рассекречено было лишь 2 дела, частично рассекречены 7 дел, 5 признаны не подлежащими рассекречиванию [77]. Ситуация на Алтае, по-видимому, все же лучше: хотя в двух отчетах Госархива Алтайского края о рассекречивании за 2024 г. содержится лишь краткое описание этих документов, Минкультуры Алткрая утверждает, что количество рассекреченных архивных дел в этом году превысило 30 тысяч [78].

2.3 «Внешние» партийные и иные провластные документы. Это материалы, связанные с деятельностью «внешней партии» в структуре ВКП (б) и контролируемых ею институтов (низовой и средний уровень партсистемы, система Советов, профсоюзы, молодежные, женские организации и т.п.) – документы декоративного фасада советского режима.

Иногда мы имеем дело с «двуслойными» организациями, часть деятельности которых протекает открыто, в преимущественно имитационном «внешнем» режиме, а часть, посвященная реальному управлению, закрыто, во «внутреннем» режиме. Примером этого в советской политической системе являются партийные органы. Начиная с регионального уровня, их деятельность (и формируемые в процессе ее документы) четко делится на открытую и декоративную «внешнюю» часть, где сосредоточены идеологические вопросы, мелкая «социалка» и оргвопросы. И закрытую «внутреннюю», где ведется реальное управление, прежде всего координируется террор для управления нелояльным обществом (в том числе, зачастую – и против «внешней» партии), проходит распределение благ. В применении к Барнаульскому окружному ВКП (б), документы первого типа, на которые приходится более 90% архивных фондов, генерируют проводимые им партконференции, пленумы, открытые заседания бюро. Документы второго типа сосредоточены в рабочей документации аппарата и материалах закрытых заседаний бюро окружкома.

Документами «переходного» типа здесь являются фонды местных правительств – исполкомов. Здесь ожидаемо преобладают документы имитационного, «внешнего» характера. Так, например, мы можем видеть, что в объемных протоколах проходивших в мае 1930 г. едва ли не еженедельно заседаний президиума Барнаульского окрисполкома важнейшая и злободневная для города и округа тема голода полностью игнорируется. Хотя едва ли не в самый день заседания требующая хлеба толпа голодающих горожан могла осаждать квартиру председателя исполкома и угрожала чиновникам побросать их в Обь, в протоколах мы находим лишь мелкую «социалку» и бесконечные неуклюжие попытки регулирования и управления экономикой, еще совсем недавно рыночной и эффективно саморегулируемой.

Однако, «на полях» этих (далеко не идеально сохранившихся) фондов все же возможно найти многочисленные важные для понимания ситуации с голодом цифры и факты. В особенности здесь ценны оказались второстепенные экспертные документы, подготовленные для советских вождей специалистами неидеологизированных властных ведомств (Окрплана, Госбанка и Окрфина, ведомствами по торговле, статистике и труду). Особняком здесь стоят крайне профессиональные и объективные обзоры экономики округа, подготовленные Конъюнктурным бюро Барнаульского Окрплана (секретарь бюро Николай Шерстобоев⁷, пред. Окрплана Масленников).

⁷ Их фактический автор, Николай Тихонович Шерстобоев до революции работал в Барнауле землеустроителем (на 1910 г. – не имеющий чина производитель работ) [28]. Согласно данным Алтайкрайстата, Шерстобоев-старший также состоял (с 1894 г. – по начало 20 в.) статистиком статотдела Главного управления Алтайского горного округа, участвовал в составлении сельхозобзоров округа [29]. С 1925 г. статистик-экономист Барнаульской окружной плановой комиссии, секретарь Конъюнктурного бюро [203, л.4,19,40]. Разработанная им методика применения статметодов к обширному массиву исторической,

В целом этот тип источников выглядит весьма ценным, однако уровень альтернативного изображения реальности в нем часто запредельно велик. Например, объемные материалы проходившей как раз в мае 1930 г. в разгар голодных волнений на улицах Барнаула окружной партконференции описывают столь далекую от реальности картину, что как-то связать ее с тем, что в действительности происходило тогда на площадях и заводах, мне не представляется возможным – такое, ощущение, что описываемый партактивистами Барнаул был расположен на другой планете.

В то же время, в закрытых информационных материалах компартии – например, в секретных информационных сводках и закрытых протоколах Барнаульского окружкома ВКП (б) – архивы сохранили многочисленные примеры того, что и в ходе даже столь парадных публичных мероприятий тогда еще могли вестись жесткие споры, выступали недовольные. Однако, их голосов мы не найдем ни на страницах советских газет, ни в текстах «парадных» отчетных документов. Сегодня они слышны лишь во фрагментарно сохранившихся внутренних документах режима. Например, советская тайная полиция прямо пишет о том, что реальная картина выступлений на упомянутой партконференции была совершенно другой – активисты ожидаемо больше говорили о голоде в Барнауле, а не о мировой революции. *«На районной партийной конференции в Барнауле наряду с здоровым обсуждением вопросов продовольственного снабжения имел место ряд выступлений, сводящихся к тому, что «политика партии на данный отрезок времени должна исходить из голодного состояния рабочего желудка, т.е. сначала изжить продовольственные затруднения, накормить рабочего, а потом строить социализм»* – пишет в сводке 31 мая 1930 г. ИНФО ОГПУ [72, с. 944].

2.4 Периодика. Карты и иллюстрации. В работе использованы источники из коллекций раннесоветской периодики Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. Шишкова, Новосибирской государственной областной научной библиотеки, научной библиотеки Томского государственного университета.

Вопреки расхожему мнению, местная пресса (прежде всего официальное издание властей Барнаульского округа – газета «Красный Алтай») является ценным источником не только о жизни того времени, но и по теме протестов, а также голода в Барнауле и на Алтае. Несмотря на то, что и сами факты террора властей, массового голода, и вызванных этим волнений в ней полностью замалчиваются, ценность издания довольно велика. Это единственный канал общения власти и населения – как информационного, так и пропагандистского. И если первое (объявления властей, публикация документов) ценно само по себе, то и пропагандистские материалы могут дать многое – при их сопоставлении с фактами тех дней из других, более приближенных к реальной обстановке источников.

Так, например, собравший пол-Барнаула показательный процесс в июле 1930 г. над убившим жену *«отличавшимся большой половой распущенностью»* советским активистом-«двадцатипятилетником», неожиданно иллюстрирует нам – почему именно Ребрихинский район, где подвизался этот коллективизатор, стал тогда одним из центров протестов против коммунизма на Алтае.

Значимые факты, касающиеся как ранних реалий жизни Барнаула, так и взаимоотношения образованного класса и советского режима, мы можем найти в газете «Жизнь Алтая».

Любопытные штрихи к ситуации и позиции властей дают издания Сибкрайкома ВКП (б) – газета «Советская Сибирь», журнал «На ленинском пути», издававшийся в 1928—1930 гг. в Новосибирске близкий к крайкому авангардистский литературно-политический журнал «Настоящее», многочисленные отраслевые издания того времени.

экономической и иной информации о регионе вошла в «большую науку» вместе с его сыном, покинувший Барнаул в 1927 г., Вадимом Шерстобоевым (1900—1963), впоследствии известнейшим сибирским экономистом и историком.

Географические объекты Барнаульского округа определены преимущественно с использованием комплекта топографических карт прошлого века из коллекции библиотеки Университета штата Техас. Карты были изданы The Army Map Service, Corps of Engineers, US Army (Washington, D.C.) в 1955 г. со ссылкой на использованную информацию обработанных карт Генштаба Красной Армии 1934—1938 гг. Однако, особенности съемки их алтайских листов позволяют обоснованно предположить, что в них отражены реальности более раннего периода – 1925—1930 гг.

Ряд локаций Барнаула и Усть-Пристани были существенно уточнены с помощью данных уникальных крупномасштабных карт лоции Оби 1933 г.⁸ [230].

Также использованы планы города Барнаула 1923 и 1925 г. (последний план – в двух версиях), Административная карта Сибирского края 1930 г., карта Барнаульского района Западно-Сибирского края 1930 г., картографические сборники Барнаульского округа 1929 г. [228] и округов Сибкрая (б.г., предположительно 1928—29 г.) [229].

Иллюстрации в книге преимущественно представлены фотографиями и гравюрами из раннесоветских газет и журналов. Должен извиниться за иногда их откровенно невысокое качество – я думаю, вы понимаете, каков был реальный уровень полиграфии в отдаленной русской провинции столетней давности (да и век хранения на дальних полках архивов и библиотек не добавил старым газетам качества). Я постарался сделать здесь то, что было можно – но иногда не очень-то преуспел. Надеюсь, что невысокое качество изображений здесь компенсируется чувством подлинности и «ароматом времени» – ведь это именно те самые фото и картинки, которые видели, раскрывая по утрам газету, столетие назад наши предки.

Можно также отметить, что ряд портретов героев книги (партизаны Кожин и Захаров, эсеры Кривчиков и Зимачев и др.) ранее не были известны и введены в научный оборот. Хотя сами эти люди часто упоминаются в раннесоветской истории, мне в этих многочисленных публикациях так и не удалось найти их лица – и я рад, что вы здесь сможете их увидеть. Отдельно стоит упомянуть немногочисленные фото героев книги, сохранившиеся в архивно-следственных делах (например, такого выдающегося человека как главы заговора «Охотников» Андрея Мальцева).

2.5 Материалы личных архивов, устные записи современников событий. Первое место среди них по значимости занимают воспоминания молодого барнаульца Бориса Сущенко (12.02.1909 – 80-е годы), с 2020 г. хранящиеся в архиве проекта Прожито [6] при Европейском университете в СПб. Дневник содержит 318 записей за период 1930—1936 гг. и в полном объеме не публиковался и до последнего времени не был доступен исследователям. Сущенко – достаточно благополучный по тем временам молодой человек, получивший в Барнауле среднее образование и мечтающий о вузе. Его отец – бывший торговый служащий, его семья имеет дом в центре Барнаула, корову и, по-видимому, огород. В 1930—32 г. молодой человек работал в Барнауле техническим сотрудником в системе распределения продовольствия, работником мельничного предприятия. Помимо уникальных заметок на эту тему, его дневник сохранил также важные оценки жизни Барнаула того времени (зарплаты, цены, система торговли, безработица, отношение к советскому начальству и т.п.).

Автором использованы документы из личного и семейного архивов. Наиболее значимыми являются записи воспоминаний учителя и художника из Усть-Пристани Георгия Волкова, в 20-е годы прошлого века – низового работника советской властной системы на Алтае. Важные материалы о повстанческом движении в Алтайских горах содержатся в записи воспоминаний местного партработника и краеведа Петра Антонова (в свои последние годы Антонов, с которым меня познакомил краевед Борис Кадиков, жил в Горно-Алтайске).

⁸ Карты составлены на основе съемки 1897 г., основное русло Оби актуализировано съемкой 1930—33 г.

2.6 Литература. В книге использованы дореволюционные и раннесоветские издания из фондов научной библиотеки Томского госуниверситета, Национальных библиотек Республик Алтай и Хакасия, Омской государственной областной научной библиотеки.

Крайне важны сборники документов советской эпохи и справочники, публикация которых преимущественно связана с 90-ми годами – началом нулевых, затем этот процесс постепенно затухает. Здесь прежде всего можно упомянуть сборники документов – российско-финский 10-томник «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.)» и российско-французский 5-томник «Советская деревня глазами ОГПУ – НКВД» – колоссальные по объему и значимости. Для уточнения архивных материалов по личностям людей, руководивших Барнаулом, крайне полезен был подготовленный проф. Сергеем Папковым (Институт истории СО РАН) научный справочник «Руководящие кадры Сибири» (2020), и другие работы этого автора.

В процессе написания книги были использованы и материалы публикаций историков, изучавших близкие темы.

Говоря о классиках, стоит отметить Питирима Сорокина, в особенности его профильный труд об управляемом голоде «Голод как фактор», написанный еще в его «советский» период.

Для понимания социальной антропологии вырастающего из крестьянской традиции повстанчества и бандитизма много ценного я взял в классических трудах Эрика Хобсбаума, прежде всего – в его давней (хотя и актуализированной автором на закате своей долгой жизни, в 2000 г.) работе «Бандиты» (равно как в исследованиях его школы – учеников и оппонентов). Старый марксист, возможно, бывал излишне прямолинеен в использовании политэкономии своих кумиров, и явно избегал упоминать что-либо на темы бандитизма советского периода русской истории. Однако, это не делает собранный им по всему миру материал менее богатым и уникальным, а выводы и наблюдения – удивительно тонкими и глубокими.

Среди авторов, которые значительным образом повлияли на данную работу, стоит особо назвать проф. Елену Осокину (Университет Южной Каролины), и прежде всего ее фундаментальный труд «За фасадом «сталинского изобилия» (1999). Чрезвычайно значимы работы проф. Евгения Добренко (Венецианский университет), в особенности его книга по культуре и мышлению людей сталинского периода «Поздний сталинизм: эстетика политики» (2020).

Нельзя не упомянуть труды многолетнего ведущего исследователя темы народного сопротивления коммунистическому режиму в раннесоветский период проф. Владимира Шишкина (Институт истории СО РАН), равно как и его многочисленных учеников, построенные на огромном количестве архивного материала. Стоит отметить, впрочем, что автор не всегда разделяет концептуальные подходы школы Шишкина, зачастую, по его мнению, неоправданно комплиментарной по отношению к правившей Россией власти. Эта позиция, к сожалению, иногда приводит представителей этой школы к оценкам и выводам, недостаточно обоснованным фактически.

Много уникальных фактов и глубоких оценок, в особенности по советской тайной полиции в Сибири, можно найти в работах ведущего сегодня в исследовании этой темы историка Алексея Теплякова (Новосибирский госуниверситет).

На Алтае ряд трудов по раннесоветской истории и репрессивной системе был опубликован проф. Виктором Разгоном и его ученицей, б. директором ГААК Галиной Ждановой. Правда, в последнее десятилетие, после изменения политического климата вокруг этой темы, их интерес к ней, похоже, был утрачен.

Стоит отметить также сложившуюся на Алтае группу «полицейских историков», возникшую вокруг Барнаульского юридического института МВД РФ и Алтайского государственного технического университета (например, проф. Евгений Суверов и его ученики). Сюда же можно отнести исторические книги бывшего сотрудника МВД Алексея Кобелева, труды «полицейских историков» Новосибирска, других регионов. В многочисленных публикациях и диссертациях

циях этих людей можно найти много материала о раннесоветском периоде, об истории Органов на Алтае. Однако, достаточно слабое владение общей исторической проблематикой, а иногда – и ведомственная ограниченность – регулярно приводит многих из этих авторов как к частным фактическим ошибкам, так и к сомнительным выводам.

Из алтайских исследователей нужно особо упомянуть архивиста Василия Гришаева. Серия исследований по истории Алтая сталинского периода ставшего историком храброго артиллерийского полковника, основана на огромном количестве архивных источников, экспедиций автора и устных рассказов – записей участников событий. К сожалению, Гришаев в своих трудах часто отходил от академического стандарта подачи собранного им материала, а большая часть его архива, даже спустя два десятилетия после его смерти, недоступна.

Незадолго до своего конца, в 2006 г., 80-летний историк горько посетовал на то, что тема исследования советского периода, преступлений режима против народа и документы об этом, вновь закрываются и обрастают запретами, а неизданным книгам по истории Алтая, похоже, так и не увидеть свет [41, 2006, 27 ноября].

Хотелось бы верить, что мой старший коллега тогда ошибся...

ЧАСТЬ I. НАКАНУНЕ

Прежде чем приступить к описанию картины последнего массового восстания против коммунизма в России, нам необходимо увидеть – что, как и когда привело к этому? Тем более, что сопровождавшие становление тоталитарной диктатуры в России действия власти существенно различались в столицах и провинции, на территории городов и на сельских просторах.

Краткий очерк того, как это происходило после нескольких коротких лет «нормальной жизни» нэпа, когда обретшее нового авторитарного вождя большевистское государство взяло курс на построение в России готовящегося к глобальной войне милитаризованного лагеря, будет представлен в этой части. И фундаментом всего этого на десятилетия станет голод, ставший в Советской России основной управляющей обществом технологией режима.

Сияющий коммунистический «град на холме»: гравюра из «Красного Алтая» (июль 1930 г.) Реальность оказалась куда хуже: голод, нищета, бараки, бесправие, аресты и концлагеря.

В полной мере этот курс затронул и Алтай, породив здесь последнюю в нашей истории массовую волну открытого народного сопротивления.

3. Накануне. 1927—1928 гг.

«Жертвам голодным, погибшим от сытой власти».

Надпись на венке рабочим, убитых большевиками в голодном бунте в 1918 г.

3.1 Управляемый голод Ленина. Едва ли стоит подробно освещать здесь тему «управляемого голода» – политики советского режима по манипуляции продовольствием, как о способе управления враждебным обществом. Это отдельная большая и значимая тема. Стоит лишь сказать, что ее автор – это, безусловно, первый советский вождь Владимир Ленин, многократно развивавший ее в своих работах. Вождь большевиков не скрывал, что он скопировал эту идею из германской практики времен WWI, что он с ноткой восхищенной зависти характеризовал как *«гениально организованный голод»* [15, с.15]. *«Хлебная монополия и хлебные карточки созданы не нами, а воюющим капиталистическим государством,»* – признавался Ленин.

Манипуляции продовольствием, «управляемый голод» – по его задумке – должны были стать основой основ террористической политики Советского режима по отношению к нелояльному обществу. *«Хлебная монополия, хлебная карточка... это средство контроля и принуждения к труду сильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало. Нам надо не только „запугать“ капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всеилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление,»* – так набрасывал он контуры системы управляемого голода осенью 1917 г. – еще до Октябрьского переворота [16, с.310].

ется скудным питанием, карточками и периодическими голодовками). Крестьянские хозяйства, составлявшие в 20-е годы более 80% населения страны, активно выращивали тогда зерно и скот, частично потребляя их сами, частично вывозя на свободный рынок. К этой же модели относилось «старое» население традиционных городов, как правило, имевшее собственный дом, огород, домашний скот (алтайские газеты того времени регулярно публикуют морализаторские статьи с осуждением такой категории горожан, именуемых «садогородниками»).

Вот как описывал ситуацию тех лет на Алтае Георгий Волков, работавший с 1922 г. делопроизводителем и секретарем волостного (затем – районного) исполкома в богатом приобском торговом городке (формально селе) Усть-Чарышской Пристан⁹. Входя на тот момент в Бийский округ, логистически Усть-Пристань довольно близка и хорошо связана и с Барнаулом и с Бийском, находясь практически посередине, на основной тогда для Алтая грузовой и транспортно-магистральной – обском пути Бийск – Барнаул – Камень-на-Оби – Новосибирск.

Воспоминания о продовольственном изобилии, пришедшем в 1922 г. с началом нэпа, явно запали в душу Волкова: *«Продразверстка проходила при мне – никакой борьбы, никакого шума [в Усть-Пристан⁹] не было, все было нормально. Потом это быстро произошло... денежную реформу провели, червонцы появились. Все это удивительно быстро, удивительно гладко. Помню, где сейчас райсад, вскоре, как объявили нэп, на этом месте на всей площади появился базар. И чего только не появилось! Помню, кучами мороженые караси, сенной ряд, мясной ряд, различные магазины – торговцы появились. Откуда что появилось? Просто было удивительно... А деньги были величиной огромной – скажем, 10 коп. – это была величина. Скажем, я, как делопроизводитель получал 12 рублей червонцами... А тогда мясо стоило 10 коп. фунт. Все удивлялись – откуда что взялось? Наши учпристанские торговцы – построили моментально свои ларьки, магазинчики – появилась мануфактура, красный товар¹⁰. Удивительно все это! Был магазин деревянный на площади – в нем появилось все, вина всякие, не представляете – церковное в том числе, продукты, конфеты всех сортов, сахар комовой и головками, знаете, таким белым конусом, Все, что угодно. Пожалуйста, только деньги давай. А деньги были дорогие...»* [67].

Крестьянский и «садогороднический» базар был залогом продовольственного благополучия раннесоветского города. Торговали на нем как сами крестьяне и жители городов, так и частные торговцы, контролируемые в эти годы до 75% из более чем полумиллиона существовавших тогда в СССР точек розничной торговли (лавки, ларьки, палатки, торговля вразнос и т.п.). *«Частник был очень мобилен – забирался в глухие уголки, скупая продукцию, перебрасывал ее на рынки отдаленных районов, перепродавал мелким рыночным торговцам, владельцам ларьков, палаток, ресторанов, чайных, кафе, снабжал кустарей, занимавшихся промыслами, делал запасы, дожидаясь более выгодных условий продажи,»* – так описывает ситуацию тех лет в своем фундаментальном труде проф. Елена Осокина. Кроме того, в городах процветала выросшая из опыта «мешочников»¹¹ времен Гражданской войны практика поездок горожан в деревню для мелкооптовой закупки продовольствия. Они (иногда создавая для таких переговоров неформальные – на советском новоязе «дикие» – закупочные товарищества) скупали зерно/крупы/муку небольшими партиями, переправляя запасы затем в города сами или отправляя ящики с ними как посылки по почте *«под видом вещей»* [13, с.38, 53].

⁹ В 20-30-е годы в разговоре и документах превалировала сокращенная форма этого названия – Уч-Пристань (иногда Уч-Пристань), в послевоенное время стали чаще говорить – Усть-Пристань. Этот населенный пункт, наряду с Барнаулом и Бийском, станет одним из центральных в нашей истории.

¹⁰ Качественные ткани и редкие, дорогие, красивые товары (устар. выражение).

¹¹ Писатель-формалист Виктор Шкловский в вышедшей в Берлине в 1923 г. мемуарной книге «Сентиментальное путешествие» употребляет иное бытовавшее тогда их название – «двухпудники» (по предельно разреженному к перевозке весу).

3.3 Приход голода: 1927—1928. Традиционно новый (и уже окончательный, с небольшими перерывами – фактически почти на полвека¹²) приход «управляемого голода» связывается с 1927 г. К этому времени, пережив краткий период борьбы вождей и кланов внутри большевистской верхушки, Советская Россия вернулась к авторитаризму («сталинизму»). Новый лидер и его окружение взяли курс на построение в стране милитаризованного военного лагеря, направив все силы на подготовку к глобальной войне. В этой связи советский режим начинает построение системы тотального контроля над обществом и экономикой. Основной целью усилий становится наращивание военного потенциала, на что и направлена вся политика активного экономического развития («индустриализация», «коллективизация»).

Нельзя сказать, что частная экономика в Советской России в период нэпа совершенно благоденствовала – даже тогда режим постоянно дискриминировал ее. Например, советские власти крайне негативно относились в те годы к уже упомянутым самостоятельно создаваемым крестьянами и горожанами кооперативам (а ведь именно такое движение недавно – в начале 20 века – стало основным драйвером развития экономики на Алтае). Действовавшие с помощью разных схем и моделей самостоятельности кооперативы, пытавшиеся выйти из-под опеки и контроля властей, именовались «дикими» и ставились тогда под наблюдение советской тайной полиции. По данным Всесоюзного кооперативно-промышленного союза, на август 1925 г. 450 тыс. кустарей и ремесленников состояли в 11 тыс. промкооперативов, из которых почти половина – 4 тыс., и были «дикими» [164, 2016, 23 мая].

Сводка №34 информотдела ОГПУ (28.11.1925) описывает три случая создания таких «диких» кооперативов в Барнаульском округе, явно не скрывая своих опасений этим процессом.

«Член правления Сорочинского потребобщества и зажиточный Слугин говорил группе крестьян: «Ну их, партийных, к черту! Сдаю лавку и большие не хочу работать в кооперативе. Какого черта работать, когда нет нисколько мужицкой инициативы. Мы создадим свои кооперативы, где будет только мужик участвовать, установим пай, хотя бы в 50 руб., но тогда кооператив будет всецело наш, у меня уже есть человек 40, разделяющих мою мысль. Главное, выработаем свой устав и членами более нигде вступить не будем, чтобы нами никто не командовал, шушеры (бедноты) разной у нас будет меньше, партийцам тоже труднее будет залезть. Нам нужна мужицкая инициатива, а этого в кооперативе до сих пор нет. Райком РКП что хочет, то и делает». Присутствующие крестьяне поддержали Слугина.

Аналогичный случай имелся в с. Бобровке, где группу крестьян в 30 чел. агитировал быв. кондуктор Малицкий, говоря: «Нужно организовать группой, сначала человек 10, и открыть свою торговлю, не подчиняющуюся никаким высшим кооперативным органам». Крестьяне поддержали Малицкого. В с. Тальменке быв. торговцы Муранов, Суслов и др. в числе четырех человек создают «дикую» артель. Муранов вносит пай в 500 руб., а остальные для этой цели продают свои имущества» [66, с.364].

Однако, в 1927 г. советский режим перешел от наблюдения, подозрений и точечных репрессий к системному курсу на силовую ликвидацию рыночной экономики – по инициативе Политбюро ВКП (б) начались массовые аресты и конфискации. Давление на торговлю и продовольственный рынок в советских газетах связывалось с интересами индустриального развития.

В реальности же документы ясно показывают, что руководство СССР стремилось монополизировать продовольствие и максимально свободно манипулировать им как для продажи за рубеж (для получения валюты), так и для организации премиального снабжения силового и гражданского аппарата режима, персонала промилитарных индустриальных проектов, и наоборот – для дискриминации тех, кто не выглядел в глазах советских вождей ценными.

¹² Последняя значительная по массовости голодовка в СССР относится к концу 60-х годов.

Недолго продержался и золотой червонец – соблазн манипуляций для власти здесь был слишком велик. Террор был дополнен выпуском необеспеченных денег – вместо планируемых 200 млн рублей уже в 1927/28 году эмиссия составила 337 млн. Это вызвало рост денежных доходов (преимущественно на промпредприятиях, где зарплата выросла на 10,5% вместо 7,2% по плану).

Необеспеченные деньги при нехватке товарной массы стали разгонять инфляцию (оцениваемую в тот год в размере до 40%) и товарный дефицит. Прежде всего он проявился в перебоях в торговле хлебом и другими основными продуктами питания. К концу 1927 г. в стране поползли панические слухи, очереди, скандалы, драки в магазинах стали повсеместны.

3.4 Русский хлеб. Хлеб исторически занимал особое место в питании русского народа. В раннесоветское время печеный хлеб часто становился единственным продуктом на столе – и благополучными семьями в народе считались те, кто к нему могли добавить два других основных элемента народной диеты голодных времен – несколько вареных картошек¹³ или порцию «пустой» каши. В рассказах о прошлом мы регулярно встречаем признания о том, что утром рабочий/колхозник съедал полкило (или даже больше) ржаного хлеба. И часто это могло быть его единственной трапезой за день. «*Пицца многих рабочих и служащих – чай да хлеб,*» – подтверждает такие наблюдения на примере Барнаула газета «Красный Алтай» [4, 1930, 11 февраля].

Подтверждают это и данные советских статистиков: потребление хлебных продуктов (хлеб в переводе на муку, мука, крупа, макаронные изделия) в 1928 г. они оценивают как самое высокое в отечественной истории – 214 кг в год на человека (1913 – 200 кг, 1928 – 214 кг, 1937 – 192 кг, 1940 – 195 кг, 1950 – 172 кг) [68].

Проф. Осокина, говоря о стандарте ежедневного меню тех лет члена городской рабочей семьи, определяет его так: «*треть буханки черного хлеба, два-три ломтя белого, тарелка каши, слегка одобренная постным маслом, тарелка овощного или рыбного супа с крошечным кусочком рыбы в 30 гр., две-три картофелины с кусочком мяса в 40—70 гр, стакан молока каждые четыре дня, которое отдавалось в семье детям, кипяток почти без заварки, несколько кусков сахара, горстка дешевых конфет*» [13, с.152]. При этом надо учитывать, что речь идет о привилегированной (по нормам пайкового снабжения) для тех лет категории рядовых советских граждан, своего рода «среднем классе» того времени.

Выращивание зерна было основным в хозяйстве Барнаульского округа (и шире – всего Алтая). «*Зерновое хозяйство с твердыми сортами пшеницы, а затем маслоделие, зарождавшееся в Сибири именно здесь, создали округу славу Сибирской житницы,*», – писал в июне 1929 г. руководивший тогда этой территорией ответсекретарь Барокружкома ВКП (б) Исаак Нусинов [2, л.11].

Для понимания оборота хлеба (зерна) в жизни человека и страны важно также понимать – в каких параметрах шло тогда его производство (урожайность и т.п.). Базовые данные об этом (на 1930/31 сельскохозяйственный год) мы находим в документе Барнаульского окрисполкома (протокол заседания №47, август 1930 г.) [26, л.111]. Урожайность зерновых тогда фиксировалась на Алтае на следующем уровне:

¹³ Массовый рост производства/потребления картофеля – сомнительное достижение именно голодного периода советской эпохи. В среднем по СССР к финалу сталинского периода этот рост составлял 210% к 1913 г., а по Западной Сибири – даже 540%. Потребление же картофеля на душу населения росло так: 1913 – 75 кг, 1928 – 130 кг, 1937 – 151 кг, 1940 – 118 кг, 1950 – 241 кг [68].

Культура	Колхозы	Единоличники
Пшеница	11 ц/га	10,6 ц/га
Рожь	13,7 ц/га	13,7 ц/га
Овес	11,5 ц/га	11,5 ц/га
Просо	11,5 ц/га	11,5 ц/га

Норма резервирования зерна на посев в это время были сравнимы с современными, но все несколько меньше: пшеница – 1 ц/га, овес – 1,17 ц/га, рожь – 1,2 ц/га, просо – 0,3 ц/га.

Еще одним важным элементом баланса являлась рассчитываемая властями норма хлебного питания на одного едока (включавшая резерв для корма животным). В сельской части Барнаульского округа она определялась в 289 кг на год в колхозном секторе и в 261 кг в индивидуальном секторе. Подобных норм снабжения хлебом для горожан не рассчитывалось, однако данные о снабжении городов зерном/мукой показывают, что они должны были составлять порядка двух третей от нормы для сельского жителя. В целом же по Барнаульскому округу норма потребления зерна на едока оценивалась властями в 240 кг на год [26, л.50].

Остальное зерно поступало на товарный рынок.

3.5 Первые удары по рынку: хлеб и масло. С приходом 1928 г. (а затем – с каждым последующим годом) ситуация вокруг продуктов питания стала становиться на Алтае все более критической. Сначала это коснулось лишь их части (хотя и самых значимых) – хлеба/муки, коровьего (сливочного) и растительного масла.

Так, по оценке Барокрторготдела, годовая потребность Барнаула в муке составляла на 1927 г. порядка 6800 тонн. Учитывая то, что порядка 40% этой муки население приобретало тогда на базаре, централизованное снабжение города мукой (с реализацией преимущественно через Центральный рабочий кооператив, ЦРК) требовало поставок 4800 тонн.

Городской Центральный рабочий кооператив (ЦРК) в Барнауле был создан еще в 1923 г. по декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 23 декабря 1923 г. и постановлению ЦРК на базе ликвидированного Барнаульского отделения Единого потребительского общества – для организационного снабжения рабочих и служащих продуктами и промтоварами за счет государственных, кооперативных фондов и местных заготовок.

ЦРК помимо централизованного снабжения имели право самостоятельно заготавливать продукты и товары широкого потребления. В 1923—25 гг. Барнаульский ЦРК входил в рабочую секцию Алтайского губпотребсоюза; с 1925 г. он был подчинен Сибирскому (с 1930 г. – Западно-Сибирскому) крайпотребсоюзу, а в 1935 г. упразднен.

ЦРК первоначально выполнял вспомогательные функции для снабжения рабочих. Однако, уничтожение большей части торговой сети и всеобщий товарный дефицит сделали его склады, распределители и магазины важнейшей частью торгово-распределительной системы (двумя другими крупными торговыми сетями в Барнауле были магазины местных отделений государственного АО Акорт¹⁴ и работавшего преимущественно с транспортниками кооперативного Новсибтпо¹⁵).

В реальности в 1926/27 для ЦРК в Барнаул было поставлено и реализовано 4442 тонны муки, что хотя и несколько меньше расчетной цифры, но было безболезненно демпфировано рынком. «До января [1928] особой остроты со снабжением мукой не было,» – так описы-

¹⁴ Западно-Сибирское государственное акционерное общество розничной торговли «Акорт», Новосибирск (существовало в 1926—34 г.)

¹⁵ Новосибирское транспортное потребительское общество – базирующаяся в Новосибирске кооперативная структура, созданная для снабжения транспортников Сибири. В Новосибирске сохранился памятник архитектуры – построенное в 1927 г. конструктивистское здание «Универмаг НовсибТПО» (Ленина, 86).

вает ситуацию в Барнауле в Докладе о снабжении тарифицированного населения инспектор (а вскоре – начальник) Барокрторготдела В. В. Крюков [38, л.40].

Однако, на 1927/28 потребность в муке резко возросла – до 8417 тонны. Отчасти это вызвано ростом численности получающих пайки, но в основном – тем, что 1613 т муки потребовалось зарезервировать и поставить на городской хлебозавод для производства печеного хлеба (активно раскупавшегося не только горожанами, но и начавшими испытывать проблемы с хлебом жителями сельских окрестностей Барнаула).

Стоит подчеркнуть, что слова «поставка муки» в применении к Барнаулу (да и в целом для Алтая) носят условный характер. Уже тогда город являлся не только крупнейшим центром хранения и транспортировки алтайского зерна, он был и значительным центром производства муки, лишь менее 10% которой направлялось для нужд местного населения.

Здесь мы обращаемся к дневнику Бориса Сущенко, в конце 1931 – начале 1932 г. работавшего кочегаром на городской мельнице. Въедливый интеллигентный юноше не только кидал уголь в топки мельничных паровиков, но и оставил в своем дневнике расчеты производительности работавшего в круглосуточном режиме (хотя и с периодическими остановками для ремонта) крупнейшего мельничного предприятия. *«При полной загрузке всех станков мельница давала 85% муки 350—450 мешков; отрубей 70—100 мешков; 96% – 80—130 мешков – это за 8 часов, а с переходом на простой размол дает 96% – 450—600 мешков за смену. Мешок [весит нетто] 75 кило,»* – пишет он [6, 1932, 22 января]. Эти расчеты показывают, что производство муки в Барнауле ориентировочно должно было составлять порядка 6000 тонн в месяц. Кроме того, в границах Барнаульского округа действовали еще 6 мельниц [85, с.42].

Однако, Сибкрайторготдел утвердил снабжение Барнаульского ЦРК на 1928 г. лишь на 5472 тонны муки (64,3% от заявки), включая в эту цифру муку для хлебозавода.

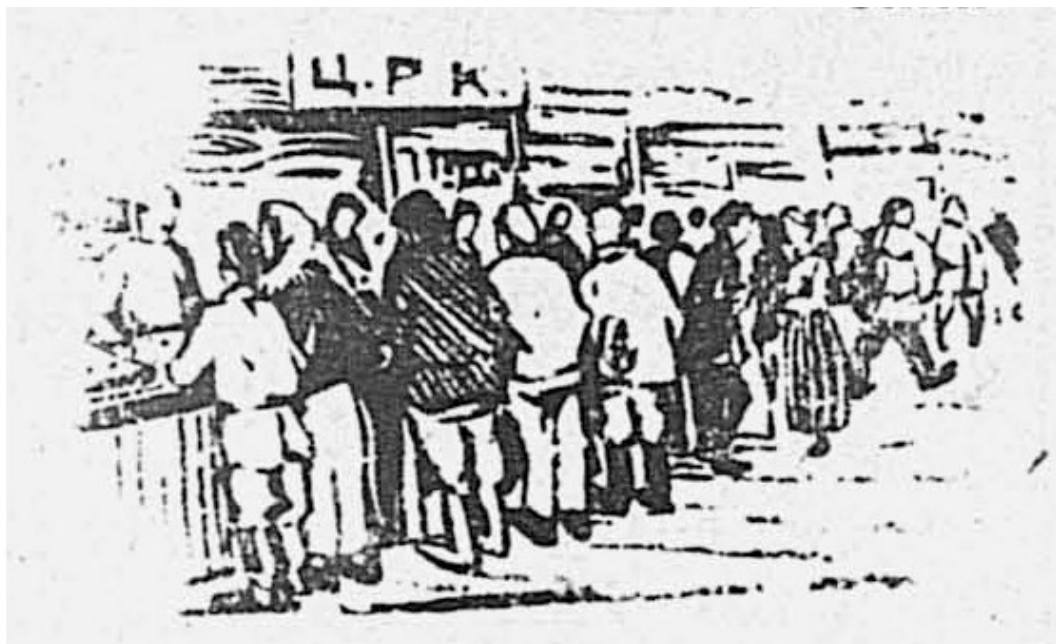
Вторая по величине торговая сеть города – Акорт – получила на 1927/28 еще 1800 тонн муки (при заявке на 3760 тонн). *«Таким образом, недоснабжение налицо. Отпуск муки в данный момент Акортом производится детдомам, больницам и другим организациям, таким образом на снабжении тарифицированного населения за последние месяцы не остается ничего,»* – пишет в уже упомянутом докладе Крюков [38, л.42].

Ситуацию усугубило то, что с 1 февраля 1928 г. был введен ухудшенный госстандарт по производству муки. В его рамках выход муки из зерна был повышен с 75 до 80 процентов.

Эта «рационализация» в особенности повлияла на «народную» муку 3 сорта – *«качество последней значительно ухудшилось и потребитель ее избегает... При смешении 1 и 3 сорта (что было возможно при прежнем стандарте) хлеб получается низкого качества, вроде ржаного низкосортного,»* – отмечал Барокрторготдел [38, л.41].

В итоге с февраля 1928 г. по магазинам ЦРК в Барнауле была введена норма отпуска муки по 10 кг на одного едока, в трех магазинах из десяти, торговавших мукой, ее продажа была *«временно закрыта»*, рассказывает Крюков.

В результате очереди, скандалы и драки в магазинах, антиправительственные выступления стали захлестывать и алтайскую столицу. Об этом пишет и Крюков: *«Переход на норму (10 кг на едока) вызвал недовольство со стороны тарифицированного населения»* [Там же].

Очередь в лавку ЦРК в Барнауле. Гравюра с фотографии (4, 1926, 25 мая).

Госинфсводка Барнаульского окротдела ОГПУ дает подробности такого инцидента, произошедшего в Барнауле в мае 1928 г.: «16 мая толпа покупателей выстроилась у магазина ЦРК... Среди собравшейся толпы покупателей наблюдались такого рода недовольства: «Давай муки, стоим и так третий день в очереди... Соввласть очевидно дожидается того, что было в Семипалатинске. Если так будет дальше, то здесь тоже терпение лопнет» [20, л.95].

Помимо хлеба/муки, проблемы в 1928 г. возникли в Барнауле и вокруг еще одного важного продукта питания, также массово производимого на Алтае, масла – коровьего (сливочного) и растительного (подсолнечного). Причиной перебоев здесь стали объемные продажи советским правительством масла за границу, а также вывоз его для снабжения различных промплощадок.

Перевозка произведенных в «коллективе» деревянных бочек с сибирским сливочным маслом [266, 1929, №1, с.31].

Алтайское сливочное масло – это уникальный феномен, создавший в начале 20 века самую процветающую здесь отрасль сельского хозяйства. Спрос европейских рынков на него привел тогда к быстрому появлению на Алтае сети закупочно-перерабатывающих кооперативов, появлению большого количества небольших молочных предприятий. Однако, советский режим, захватив контроль над этим быстрорастущим самоуправляемым рыночным производством, в считанные годы обрушил его.

Пока же в 1928 г. сливочное масло еще активно производилось, но уже исчезло в магазинах Барнаула. *«Наряды на масло удовлетворяются Молсоюзом несвоевременно и не полностью... Молсоюз мотивирует несвоевременность выполнения необходимостью отгрузки масла на Запад для экспорта, – сообщает доклад Барокрторготдела, – Таким образом, со снабжением маслом в настоящем 27/28 году дело обстоит значительно хуже, чем в прошлом году. Фактически уже сейчас имеется недоснабжение тарифицированного населения маслом и в будущем полного удовлетворения потребностей в масле не предполагается»* [38, л.45].

«Гораздо хуже дело обстоит с растительным маслом,» – пессимистично замечает Крюков. – *«На 1927/28 от Барнаула поступила заявка на 69 тонн, поступило 9 тонн, дальнейшее поступление неизвестно... На данный момент [растительного] масла нет и имея в виду общий недостаток масла в Союзе, надо полагать, что в будущем заявка ЦРК удовлетворена не будет»* [Там же].

В то же время, ряд продуктов в 1928 г. еще в достаточном количестве присутствовал на базаре и в магазинах города. Благополучной оставалась ситуация по мясу, рыбе (в том числе даже морской), сахару.

3.6 «Борщевой набор»: сто лет под прицелом властей. Особый интерес вызывает ситуация вокруг снабжения населения овощами. Исследование на примере Барнаула вопроса вокруг (пользуясь современным термином) «борщевого набора» показывает – когда российский режим решил взять на себя контроль и регулирование производства и распределения продуктов этого вида.

Снабжение города овощами всегда являлось саморегулируемым процессом. Часть овощей барнаульцы выращивали сами, на своих огородах, часть привозилась на базар крестьянами. В целом потребность города в овощах (включая картофель) по состоянию на 1930 г. оценивалась властями в 18 тыс. тонн [4, 1930, 25 марта]. Однако, в рамках установления тотального контроля над экономикой и обществом было решено ликвидировать весь этот ранее стабильно действовавший механизм, ставя препоны для частных огородов, крестьянской торговли на базаре и перейдя к централизованной поставке овощей в государственные магазины. В Барнауле такой процесс был начат в сентябре 1927 г., для этого была задействована сеть магазинов ЦРК.

Похоже, что эти планы вождей вызвали тогда оторопь даже у готовых ко многому советских торговцев. В Барнауле они робко жалуются властям на то, что у них нет специализированных помещений (прежде всего овощных складов) и опыта работы с картошкой и морковкой. Однако, уже на период августа 1927/1928 гос/кооп торговле был сверстан план *«на удовлетворение минимальных потребностей тарифицированного населения не превышая 5% по всей овощной группе»* (план выполнен лишь на 75%). А на следующий год планировалось расширить госторговлю овощами до 20% от потребного.

Доклад Крюкова содержит интересный расчет того, сколько овощей в год должен съесть барнаулец – для удовлетворения своих «минимальных потребностей».

Картофель 67,324 кг

Капуста 3,6 кг

Лук и чеснок 6,522 кг

Свекла 4,095 кг

Морковь 4,095 кг

Огурцы 2,867 кг

Помидоры 1,237 кг

Арбузы 5,835 кг

Любопытную информацию дает финальное замечание разработчиков, показывающее особенности культурного и пищевого кода старой городской России. Сто лет назад жители алтайских городов в массе не были знакомы с помидорами и даже в условиях плохого снабжения избегали покупать эти странные овощи. *«Помидор заготовлено больше чем предполагалось по плану. Реализация их идет слабее, нежели других овощей, так как потребитель не привык к этому продукту»* [38, л.46].

3.7 Атака на крестьян и торговцев. Крестьянство к этому времени пока жило по-прежнему. Однако, в смутной ситуации оно почти прекратило продажу зерна государственным заготовителям, тем более, что их цены, на начало периода мало отличавшиеся от рыночных, уже стали в несколько раз ниже тех, что предлагал частник. И если двумя годами ранее в аналогичной ситуации Политбюро санкционировало рост закупочных госцен на хлеб (за счет снижения ассигнований на индустриализацию), к 1928 г. уже находившееся под контролем Иосифа Сталина высшее советское руководство отказалось это делать. 24 декабря 1927 г. в своей директиве «О хлебозаготовках» Политбюро заявило: *«Считать недопустимым повышение хлебных цен и воспретить постановку этого вопроса в печати, советских и партийных органах»* [13, с.50].

Среди крестьян принудительно распространялся «крестьянский заем», воспринимаемый ими как новый, второй налог (фактически он им и был). В качестве альтернативы в 1928 г. была сделана попытка направить на обмен на хлеб в деревню до 80% имевшихся в стране скудных фондов потребительских промтоваров. Однако, она провалилась – в связи с мошенническим поведением самих организаторов, массовой коррупцией и воровством.

Проиграв экономическое соревнование с частником, власти начали репрессии против частных торговцев, заготовителей и скупщиков продовольствия (а затем и владевших запасами крестьян). В результате к апрелю 1928 г. на хлебном рынке в стране было арестовано 4930 торговцев-«хлебников», на кожевенном – 2964 человека. Полпредство ОГПУ по Сибкраю, комментируя в докладной записке в январе 1928 г. итоги этой операции, отмечало, что *«закрытие заводов наиболее широко проведено по Барнаульскому округу, где из 106 обследованных кожзаводов закрыто 104; овчинных мастерских обследовано 58, закрыто 57. Очевидно столь большое закрытие кожзаводов по данному округу и послужило причиной большого недовольства крестьян, о чем поступают к нам данные из округа»* [66, с.648—649].

В итоге *«склады продуктов, деньги, золото оказались в руках ОГПУ и Наркомфина... Частник стал уходить с рынка»* [13, с.55].

Закупочные (а иногда в небольшой степени и розничные) цены на хлеб после погрома на рынке временно резко пошли вниз. Вот как оценивало итоги операции в Барнаульском округе ЭКУ ОГПУ (Докладная записка о проведении массовых репрессий против спекулятивных элементов на хлебном рынке СССР, 2 февраля 1928 г.). *«Произведенный арест наиболее злостных частников повысил темп заготовок и в первые же два дня после операции Сибторг заготовил до 800 пуд., а Хлебпродукт до 500 пуд. хлеба. Арест частников способствовал также понижению цен на хлеб на рынке, до этого превышавших конвенционные от 50 до 100%. Частники поспешили заключить с местным Внуторгком соглашение о ценах на хлеб и фураж»* [66, с.683].

Однако, этот эффект был краток и быстро сошел на нет. А вот разгромленный рынок надолго заложил основы голодных десятилетий советской истории, создав недоверие и недо-

вольство советским режимом у миллионов людей. Барнаульский окротдел ОГПУ в этой связи уже в мае 1928 г. отмечал, что среди частных торговцев Барнаула стали часто отмечаться проявления ненависти к власти («контр-революционные настроения») (Госинфсводка №5, 25.4—25.5.1928).

Торговец Кучерин Емельян Иванович: *«Скоро ли, наконец, иностранные капиталисты помогут нам убрать всю эту сволочь коммунистов. В газетах пишут, что должна быть война, а ее все нет, а жизнь становится прямо невозможной. Случись война я первый возьму простой нож и начну резать коммунистов, ни одной-бы сволочи не оставил в живых».*

Торговец-крестьянин («кулак») Голосов: *«Вот теперь то мы дожили, что стали настоящими рабами. Собралась кучка разбойников и хулиганов и управляют народом, а мы боимся этой сволочи. Грабят нас среди бела дня, а крестьян тоже так ограбили, что нет ни пуда излишков. Скоро народ образумится и прикончит всех этих гадов, а потом снова заживем по старому»* [20, л.97].

Руководствующая «марксистской» картиной мира советская тайная полиция давно и тщательно вела наблюдение за сообществом торговцев, считавшихся потенциальными опасными заговорщиками, стараясь внедрить своих осведомителей как минимум во все крупные фирмы.

Вот как рассказывается об этом в сводке по хлебозаготовкам Барокротдела ОГПУ (28.10.1925 г.).

«Все указанные [частные хлеботорговые] фирмы нами разрабатываются. Спецосведомление ЭКО по хлеботорговому рынку, будучи невалифицированным и главным образом не имея связи с фирмами – извне осветить все интересующие нас моменты не может. ЭКО¹⁶ стоит перед задачей иметь внутреннее осведомление в указанных фирмах» [21, л.186].

Торговцы на Алтае были заметны и даже имели объединяющие их структуры. Так, в Барнауле с 6.10.1924 действовал Комитет базарных торговцев (председатель – Казаков, комитет имел правление и ревкомиссию). А в Рубцовске Комитет рыночных торговцев действовал с 1.9.1924 (имел зарегистрированный устав) [22, л.1—2].

Однако, ни тогда, ни потом – во время голодных волнений в Барнауле в мае 1930 г. – не было отмечено случаев активного участия профессиональных торговцев и представителей нэпманской «советской буржуазии» в протестах.

Были ли исключения? В марте 1930 г. центральный аппарат ОГПУ с пафосом отчитался о ликвидации в Барнауле повстанческой группы (123 человека), возглавляемой *«барнаульским торговцем и заводчиком Мальцевым»* [65, с.274—275]. Однако, первичные архивные документы по этому делу показали, что одного из значительных героев этой книги Андрея Мальцева можно было назвать много кем – плотником, лодочником, кожевником, матросом, охотником и рыбаком – но прежде всего идеалистом, уязвленным страданиями окружающих его людей (хотя в молодости он действительно недолго и неудачно пытался дубить кожи и продавать в своем доме муку соседям).

Лозунг восстановления свободной торговли был актуален и часто обсуждался многочисленными в то время группами недовольных, входил в «стандартный» протестный набор. Однако, он понимался широкими массами недовольных людей не в интересах «совбуров» («советских буржуев»), а прежде всего как возможность свободно продать результаты труда своего (либо своей кооперативной группы). Профессиональные же торговцы предпочитали тогда в лучшем случае тихо переехать в какой-нибудь глухой угол, но чаще – шли на службу в систему советской торговли/распределения, активно формируя там криминальные механизмы советского «черного рынка». И, видимо, не случайно, одна из наиболее мрач-

¹⁶ ЭКО – экономический отдел в составе полпредств и подчиненных ему окружных отделов ОГПУ. Эта система входила в состав Экономического управления ОГПУ (ЭКУ).

ных фигур книги – секретный агент-провокатор ОГПУ Амплей Девятков, выдавший на смерть и заключение в концлагеря сотни земляков, был профессиональным крупным торговцем (пуш-ниной) в Барнауле.

3.8 Визит Сталина на Алтай. Также был предпринят натиск на крестьян. С этой целью ряд руководителей СССР отправились в вояжи по регионам. Именно в рамках этой кампании в январе-феврале 1928 г. прошла известная поездка Сталина в Сибирь и на Алтай, по итогам которой апробированные им лично насильственные методы изъятия хлеба у крестьян и их аресты стали прославляться властями как некий «урало-сибирский метод». 17—18 января Сталин был в Новосибирске, где принял участие в заседании бюро Сибкрайкома. 22 января прибыл в Барнаул, где провел совещание с алтайскими кадрами, 23 января был в Рубцовске, где провел еще одно совещание.

[4, 1930, 25 июня]

Это путешествие Сталина по Сибири внешне носило тайный характер. Контролируемая Сибкрайкомом местная пресса – и «Советская Сибирь», и «Красный Алтай» – о нем не сообщала (хотя количество написанных в истерическом тоне публикаций о заготовках хлеба в те дни явно аномально). Однако, серия многолюдных встреч явно делала секрет поездки условным.

Замалчивание визита Сталина в Сибирь (и ряд других косвенных фактов) стали основой для версии об оформившихся тогда трениях между ним и сибирским лидером Сергеем Сырцовым по крестьянскому вопросу. В противовес подходу Сталина, Сырцов якобы предлагал мягкие методы «вхождения крестьянства в социализм». Однако, подтверждающие такие споры документы историками до сих пор не найдены. Напротив, все доступные на сегодня документы свидетельствуют, что команда Сырцова, как минимум проявила лояльность к требовавшему чрезвычайных методов и террора гостю.

После этой и подобных поездок советские власти на местах стали активно выставлять крестьянамкратно повышенные суммы налога, переносить сроки его уплаты и широко применять продажу с торгов имущества и домов тех, кто не имел возможности погасить недоимку.

Тем не менее, в Барнаульском округе (и в целом в Сибири) «новая политика» Сталина и его группы вызвала массовое возмущение местных партийцев и советских работников: даже в этой среде представители советской элиты часто сравнивали ее с худшими временами военного коммунизма и пророчили возмущения и восстания (впрочем, Сталина на Алтае неприятливо встретила даже природа: 25 января в Барнауле было -43 градуса, были отменены занятия в школах).

Полпредство ОГПУ по Сибкраю в информсводке «Отношение партийцев и комсомольцев деревни к проводимым мероприятиям по хлебозаготовкам» приводит большую подборку

таких высказываний. Наиболее любопытно из них заявление председателя сельсовета Усть-Пристани члена ВЛКСМ Пинегина, который при жителях села 14 января 1928 г. говорил по поводу новой практики сбора налогов: *«На 10-ю годовщину коммунисты с ума сошли или сходят. Не может быть, чтобы налог собирали на строительство. Прошлый год тоже налог был, но его не собирали из-под палки, как сейчас. Куда это годится, когда продают последнюю корову или лошадь за бесценок? Разве этим поднимется хозяйство? Крестьянам, видимо, придется ковать пики, как в 1919—20 гг., и стоять за себя. Полная обираловка...»* [66, с.686].

Агентура ОГПУ стала фиксировать антиправительственные высказывания даже среди военнослужащих (в дислоцированных в Барнауле 63 стрелковом полку и 65 конвойной роте). Госинфсводка Барокротдела ОГПУ за февраль 1928 г. приводит как типический среди военных своеобразный призыв пройти карательной экспедицией по советским учреждениям на местах: *«Послать бы им по старому карательный отряд, да всыпать какому-нибудь председателю 20-ть нагаек, тогда бы он узнал, что такое представляет из себя Красная армия»* [20, л.37].

Это также резко усилило негативное отношение к режиму, даже среди тех, кто еще недавно считал себя его сторонниками. Вот несколько типичных высказываний «по текущему моменту», зафиксированный в Госинфсводке Барокротдела ОГПУ в марте 1928 г.:

«Снова пришел двадцатый год, за свой хлеб привлекают к ответственности, да еще и выгребают. Надо снова ковать пики и идти воевать против коммунистов» (б/партизан Голубев, с. Буканское, Мамонтовский район).

«До каких пор из нас мужиков будут пить кровь коммунисты. Но недолго им придется с нас шкуры сдирать. Летом мы начнем всех коммунистов душиить и поставим на престол нашего царя-батюшку Николая, один он только нам защитник» (Василий Чирков, с. Долгово, Мамонтовский район) [20, л.46,48].

Хлеб у крестьян тогда удалось изъять (формально – закупить за цены существенно ниже рыночных). Однако, в 1927/28 гг.. несмотря на репрессии, сталинское государство заготовило хлеба даже меньше чем в предыдущем, еще «мирном» нэповском году (11 млн тонн против 11,6 млн тонн). Хлеба для прокормления элиты режима, силовиков и персонала новых военно-промышленных проектов не хватало, и в 1928 г. его не только не экспортировали, но даже вынуждены были закупать за границей.

3.9 Советские магазины не справляются. К тому же, лишившаяся в результате насилия выращенного зерна часть сельского населения в 1928 г. массово ринулась в города для приобретения там печеного хлеба. Фактическая выпечка хлеба в городах росла, превышая потребности горожан, однако хлеба все равно не хватало. Не справлялись после разгрома большей части точек частной торговли с новым объемом задач и чахлые сети государственно-кооперативных магазинов (список таких магазинов в Барнауле приведен в Приложении №1).

Власть пыталась наращивать их количество (и даже добивалась в этом скромных успехов). Так, например, контролировавший в Барнаульском округе сеть сельских кооперативных лавок Алтайский союз потребительских обществ, отчитался о годовичном росте количества «сельпо» на 27,6% (с 304 в 1927/28 г. до 388 в 1928/29г.) и росте их продаж на 40,1% [25, л.38]. Однако даже такое бурное развитие на руинах частной торговли (напомним, до начала репрессий она включала порядка 75% торгующих точек) было совершенно недостаточным. Например, та же сеть «сельпо» на момент отчета покрывала (в виде пайщиков) лишь 17,71% от населения округа.

Но даже рост количества сельпо никак не компенсировал товарный голод, возникший после разгрома частной торговли. Сельские кооперативные лавки тогда стояли пустыми (исключением была водка), однако даже редкий завоз зачастую дорогого и не самого нужного товара приводил к тому, что туда сбегались местные жители, возникали очереди и драки. В письме Сталину оказавшийся в глубинке для заготовки хлеба городской рабочий описывал

жалкий ассортимент типичного сельпо того времени: *«Соли нет хорошей – пустячного предмета. Немолотая, комьями, только для скота. Мыла простого нет больше месяца. Подметок – необходимого товара для крестьянина нет. Имеется только 3 носовых платка и 10 пар валяных серых сапог да половина полки вина. Вот – деревенский кооператив»* [13, с.116—117].

Еще скромнее были достижения в городе. В апреле 1928 г. Барокрисполком подробно рассмотрел вопрос о продовольственном снабжении тарифицированного населения Барнаула. И предложил местным филиалам базировавшихся в Новосибирске и Москве торговых сетей Акорт и ЦРК расширить в алтайской столице розничную сеть [38, л.168]. Однако, она так и осталась совершенно недостаточной и многочасовые очереди стали обычным явлением.

В результате системного развала советским режимом рыночных механизмов, рынок важнейшего продукта – хлеба – стал первым разрушенным рынком продовольствия, а первыми карточками стали хлебные.

4. Рынок разрушен – голод на пороге. 1929—1930 гг.

«Последний хлеб выгребли, последнюю домашность продают, все стали голодные, холодные, босые и разутые... Нам не нужна этака Соввласть, а надо такую какая у нас была только Соввласть в 26—27 году, а 28—29 году уже стали угнетать трудящихся».
Анонимное письмо, Быстрый Исток, январь 1930 г.

К 1929 г. темпы вложений в индустриальные проекты были увеличены. И это еще сильнее обострило ситуацию с продовольствием – рабочих все чаще становится нечем кормить. В ответ Политбюро продолжило курс на разгром частной торговли и силовое изъятие хлеба у крестьян. Однако, в кампанию 1928/29 гг. зерна советским режимом было мобилизовано вновь меньше прошлогоднего – 10,8 млн тонн (а продовольственного зерна – меньше на 20%).

Весной 1929 г. в «Докладной записке информотдела ОГПУ о продовольственном положении сельских местностей СССР» впервые зафиксированы массовые сообщения о голоде (включая голодное опухание и случаи голодной смерти) в сельской местности – на Северо-Западе, Западе и Центре России, на юге Украины, на Дальнем Востоке и в Забайкалье [66. с.875—881].

Выход виделся в распространении в стране карточной системы.

4.1 Карточная система. Считается, что хлебные карточки (на право покупки какого-то количества хлеба по госцене) и разные их суррогаты стихийно начали массово вводиться местными властями на местах к лету 1928 г. Фактически, этот процесс мог возникнуть и значительно раньше – в Барнауле, например, власти начали вести подсчет населения, получающего нерыночное снабжение, уже с 1926 г.

При этом нужно понимать, что советские продовольственные карточки – это не наказание. Это привилегия, льгота – доступная далеко не всем. По примерным подсчетам специалистов, карточки получали поначалу лишь около 10—15% населения СССР. Любые карточки (в мемуарной литературе тех лет упоминаются такие их виды, как хлебно-продуктовые, индустриальные, ударные, карточка в столовую, дополнительного снабжения) означали, что только этот человек мог купить по госцене (существенно более низкой, чем рыночная) дефицитный товар, как правило, в строго определенном месте в данном городе. Карточки ограничивали объем покупки, а иногда – количество покупок. Как правило, в них указывалась месячная норма покупки (на хлеб – дневная норма). Часто в карточках – «заборных книжках» с разноцветными (по крайней мере, в тогдашнем Барнауле) талонами, которые чаще всего выдавались на предприятии, был необходим регулярно обновляемый (иногда – еженедельно) штамп этой конторы, свидетельствующий о том, что этот человек не уволен и выходит на работу [17, с.45]. В итоге карточки (их формальная отмена относится к 1935 г.) позволяли властям не только нормировать продажи, но и вести контроль за населением и учет его покупок.

Даже в период их стихийного появления, карточки затрагивали почти исключительно города (и прежде всего «значимую» для режима часть городского населения).

В первые годы карточной системы процент горожан, обеспеченных карточным снабжением, мог достигать до 30—50%. Где-то на таком уровне документы фиксируют и количество «тарифицированного»¹⁷ (выражаясь языком советских газет) населения в примерно 80-тысячном тогда Барнауле. Так, в 1926/27 годах количество таких людей составляло 11.800 человек, в 1927/28 – 12.579 человек [38, л.40]. Таким образом, при средней «семейности», оценивае-

¹⁷ Термин имеет в виду то, что эти люди имеют право приобретать какое-то количество продуктов и промтоваров нерыночным путем, при этом чаще всего по «государственным» ценам («тарифам»), существенно более низким, чем рыночные.

мой властями Барокруга в 3 человека) карточками было обеспечено в Барнауле в первые годы их введения порядка 36—38 тыс. человек.

На селе, где жило почти 80% населения страны, снабжение продуктами и промтоварами по «государственным» ценам, коснулось лишь небольших групп – районного и сельского начальства (в особенности выделялись созданные в начале 30-х политотделы совхозов и МТС), «агентов города» – прежде всего, живущий в сельской местности персонал железнодорожного и водного транспорта (в Барнаульском округе таких «сельских» транспортников было, включая семьи, около 5,5 тыс. человек – менее 1% населения округа). Получали их и работники немногочисленных тогда совхозов – документы, правда, показывают, что шло оно крайне неритмично [71, с.800].

В итоге 14 февраля 1929 г. Политбюро утвердило постановление, вводящее не позднее 1 марта всеобщие карточки на хлеб на всей территории СССР [13, с.66]. По всей потребляющей полосе России, Закавказья, Белоруссии и Украины хлеб населению должен был отпускаться по специальным заборным книжкам. Книжки получало только трудовое население городов. В СССР было введено 4 зоны продовольственного снабжения, ставшие на много лет основой для нескольких сортов «качества жизни»:

- Москва и Ленинград.
- Наиболее значимые «промышленные города».
- Неиндустриальные города.
- Сельская местность.

Постановлением был установлен предельный размер хлебного пайка. Так, в промышленных городах и фабрично-заводских поселках для рабочих и служащих заводов он составлял 600 граммов печеного хлеба в день; для членов семей рабочих, служащих и их семей, безработных и прочих трудящихся – 300 граммов (в обоих столицах эти нормы были установлены в полтора раза выше – при том, что и качество хлеба там было существенно выше).

Понимание факта того, что население СССР разделено режимом на несколько «сортов», было широко распространено в народе. Своего рода символическим фактом этого можно считать инцидент на Харьковском паровозостроительном заводе (июнь 1929 г.). Когда советские начальники предложили рабочим этого одного из крупнейших в СССР промпредприятий организовать соревнование с московскими рабочими, в ответ, по данным ИНФО ОГПУ, они услышали: *«Вызова принимать не надо, так как московские рабочие получают белый хлеб, а мы черный»* [71, с.102]. То же самое могло сказать про себя и большинство населения советской России.

Жители СССР того времени, рассортированные режимом в сложные иерархии доступа к материальным благам, фактически были равны. Это была сложно устроенная иерархическая система, но воистину – лишь тотальной бедности. Однако, чем меньше были различия, тем больше советский человек цеплялся за данные ему властью привилегии, пусть даже часто иллюзорные. *«В его сознании лишний кусок хлеба и мяса, доступ в специальный распределитель (пусть даже его ассортимент мало чем отличался от других), лишний метр жилой площади, дополнительный рубль в зарплате могли восприниматься как существенные различия и преимущества. Тем более, если об этом каждый день твердила официальная пропаганда. Обладание лишний куском хлеба и лишней парой штанов в обществе бедняков могло иметь не меньшее значение в сознании людей, чем обладание лишней машиной или домом в обществе состоятельных людей»* [13, с.126].

После введения всеобщих карточек на хлеб количество групп населения с разными нормами выдачи по карточкам росло – однако, введение таких групп и норм для них первоначально было прерогативой местных властей.

Свободная продажа хлеба без карточек приезжим в городах сохранялась, но только из того, что оставалось после обеспечения получателей пайков, и по повышенной (чаще всего – двойной) цене.

В реальности «гениально организованный голод» в СССР не получился – введение карточек на хлеб затянулось до середины 1929 г. и выдержать универсальные нормы выдачи слабому советскому аппарату не удалось. Реальные нормы продажи дешевого «карточного» хлеба по регионам сильно различались.

При этом общая ситуация с продовольствием продолжала ухудшаться. Из-за неурожая сахарной свеклы и крупяных культур в 1929 г. возникли перебои с этими продуктами. А недостаток фуража (овса), в обстановке массового террора, конфискаций и хаоса «коллективизации», привел к повсеместному массовому забою скота и последующим на десятилетия перебоям с мясом.

Во второй половине 1929 года в регионах стали стихийно массово вводиться местные карточки на проблемные продукты – масло, мясо, крупы, сахар (с запозданием, в июле 1930 г. Политбюро ввело во всем СССР карточную систему на мясо).

В Барнаульском округе с осени 1929 г. власти перешли к сложному ежемесячному определению норм отпуска продуктов питания и товаров – получаемых по заборным книжкам горожанами и по сдаточным квитанциям (Союзхлеба и Масложирсиндиката) – приезжающими в Барнаул крестьянами. Нормы определялись на специальном ежемесячном совещании при Барокрторготделе (однако, фактически выдержать их удавалось далеко не всегда).

Страдающие от нехватки еще недавно доступных продуктов жители Барнаула хитрили, всячески старались обойти эти препоны (например, пытаясь получить по одной заборной книжке сразу в нескольких торговых сетях больше нормы дешевых продуктов по госценам). Об этом свидетельствует принятое на сентябрьском совещании требование: *«ЦПК, Акорт, Новосибтто и ДТК при отпуске товаров, отпуск которых нормируется, производят обязательную запись в заборной книжке, с тем, чтобы потребитель получивший свою норму в одной организации не мог получить вторично за это же время в другой организации»* [51, л.69].

Хаоса добавляло то, что карточки (заборные книжки) в реальности выдавались совершенно беспорядочно. Об этом свидетельствует совсекретная Справка ИНФО ОГПУ о недочетах в работе кооперации промрайонов и городов Союза (январь – июнь 1930 г.). Слабый советский аппарат традиционно не мог справиться с новыми для него сложными задачами: *«Неналаженность учета потребителей, что обуславливает в одних районах значительный перерасход продуктов, а в других – резкий недостаток основных продуктов; несвоевременная доставка продуктов в магазины и плохая организация распределения, в результате чего очереди у магазинов носят хронический характер; массовая порча продуктов и продажа недоброкачественных продуктов; безынициативность и нераспорядительность в организации заготовок и в использовании местных ресурсов; факты вопиющей бесхозяйственности в организации пригородных хозяйств; неналаженность общественного питания и т. д. – все эти ненормальности, в той или иной мере, характерны для кооперативных организаций большинства промрайонов и городов»* [71, с.393].

Учет карточек был крайне запутан, они часто выдавались без расписок, при уходе с работы не отбирались у работника. *«Хранение заборных книжек, карточек и дополнительных талонов поставлено настолько плохо, что каждый желающий может их достать,»* – отмечает ОГПУ, ссылаясь на то, что 8 июня был задержан безработный, у которого обнаружено 39 хлебных карточек.

Хуже всего приходилось приехавшим в город крестьянам с их жалкими квитанциями, свидетельствующими о том, что власти забрали у них продукты их труда (оцененные при этом, по данным Конъюнктурного бюро Барокрплана, часто в размере лишь около 10% от реальных цен свободного рынка). Получить что-то за эти «долговые рубли» – лишь десятую часть

стоимости изъятого у них хлеба и молока – было крайне непросто. Так, в сентябре 1929 г. таким приехавшим в Барнаул сельским хлебосдатчикам было решено не продавать сахар, хлеб и мясо. При этом одновременно получить хоть какой-то товар они могли лишь на пятую часть того долга, который признавало за собой перед ними государство [51, л.70].

4.2 Госторговля: «будет только хуже». На это накладывалось то, что после разгрома частника маленькая и слабая сеть гос/коопторговли не справлялась – продукты завозились туда с огромными задержками, разворовывались в пути, пропадали от недостатков при хранении и т. п. Неистребимый запах портящихся продуктов на десятилетия стал своего рода визитной карточкой большинства советских продовольственных магазинов. Сводки ОГПУ переполнены подобными примерами – в основном массовой порче подвергалась мясо и рыба, овощи, молочная продукция [71, с.396—398].

Даже спустя несколько лет после разгрома большей части частной торговли, в 1930 г., эти магазинные сети в Барнауле по-прежнему оценивались как совершенно недостаточные. *«Есть ли в наших барнаульских условиях необходимость строительства магазинов и приспособления существующих к требованиям рабочего? Ведь торговали же целые годы в тех помещениях, которые главным образом остались от частников?»* – задается вопросом «Красный Алтай» [4, 1930, 22 января]. Местный официоз приходит к выводу о том, что многие старые магазины в Барнауле убоги¹⁸ и в городе нужно много новых. Однако, кроме маниловских планов собрать с людей деньги и создать потом еще один фонд для строительства новых магазинов, решения проблемы не предлагается.

Характерной чертой советской торговли (помимо очередей, обсчета/обвеса/пересортицы) стала ее предельная бесхозяйственность. Нельзя сказать, что такие подходы не были присущи в России и частным торговцам (когда они еще были) – эта сфера всегда отличалась высоким уровнем мелкого мошенничества. Однако, в те времена конкуренция и надзор стоявшего в стороне от торговли государства ограничивали аппетиты торговых мошенников, заставляли их искать «креативные» схемы. Так, в 1926 г., уже в финале существования частной торговли, у барнаульских торговцев Плисковского и Тумановой милиция изъяла пакеты для завертывания покупок, во дно которых был аккуратно вклеен слой смешанного с клейстером песка [4, 1926, 24 февраля]. Подобные мошеннические таланты (хотя и в более простом исполнении) вскоре оказались массово востребованы десятилетиями уже в советской торговле и пышно расцвели в ней.

На фоне тотального дефицита востребованных у населения товаров, госторговля закупала странные товары, не пользующиеся спросом, омертвляя на многие сезоны невеликие оборотные средства. Это показала проведенная в начале 1930 г. проверка крупнейшей торговой сети ЦРК в Барнауле. Проверка выявила, что на складах ЦРК зависло закупленного на 700 тыс. рублей не востребованного потребителем «готового платья» (из-за этого ЦРК находился в предбанкротном состоянии) – меха и меховые изделия, галантерейные товары (расчески, пуговицы и пр.), чулки [4, 1930, 5 марта].

Заинтересованные лишь в «самоснабжении» (так в те годы называли махинации с дефицитными товарами по госценам) совторговцы массово гноили товар, равнодушно глядя на миллионы голодающих соотечественников. Масштаб этой проблемы был описан в отчете по итогам массовой проверки гос/кооп магазинов Барнаула уже в феврале 1930 г. Внезапной проверке («налете») 176 контролеров тогда подверглись 56 магазинов сетей ЦРК, Акорт и Новсибтпо. В условиях уже неотвратимо надвигавшегося тогда на алтайскую столицу голодного кризиса,

¹⁸ Вот как описывает издание магазин №18 ЦРК. *«18-й не что иное как худой амбар, с горем пополам приспособленный к торговле... Помещение маленькое, темное, сырое и совершенно необорудованное. Полки в магазине примитивны. Ассортимент товаров совершенно ограничен»* [4, 1930, 22 января].

в мае вылившегося в массовый уличный бунт горожан, проверка выявила картину объемного уничтожения продуктов в торговле.

«В магазине №2 ЦРК комиссией обнаружены в продаже совершенно негодные к употреблению мандарины и перловая крупа. Крупа находилась открытой, в ней масса крысиного помета.

В магазине №6 ЦРК соль и сахар хранятся вместе на сыром полу. Через худую крышу в запас магазина наносится снег и портит товары.

В магазине №19 комиссия нашла лук, сложенный в мешках на голую землю. Гнилые огурцы хранятся вместе с хорошими. Свежая рыба сложена вместе с соленой и покрыта грязным, кровавым покрывалом от мяса. Вместе с хлебом – грязные тряпки и солома.

В маг. №20 ЦРК из-за плохого хранения целую бочку испорченных помидоров вывезли на отвал.

В маг. №29 хранение товаров самое антисанитарное. Под прилавком найдено много булок хлеба, изъеденных крысами. Много испорченных конфет. Кругом пыль и грязь...

В магазинах Акорта и Новсибтпо также обнаружены факты безответственного отношения к хранению продуктов» [4, 1930, 2 марта].

Большой резонанс в Барнауле имел скандал, когда сотрудники ЦРК (рыбной лавки на базаре) испортили сданные туда рыбаками 4 июня 1930 г. 160 кг обской стерляди. Несколько дней ЦРК отказывался передать рыбу столовым, а когда, наконец, согласился, выяснилось, что она полностью протухла и *«была выброшена в яму, как совершенно непригодная к употреблению»* [4, 1930, 18 июня]. А в августе разразился скандал с магазином №98 Акорт – в подвале комиссия там обнаружили 300 пудов мяса, которое заведующий *«никому не выдавал, в результате все мясо протухло и начинает гнить»* [4, 1930, 2 августа].

И контролеры, и возмущенные поведение торговцев простые люди тогда еще не понимали – все, что они увидели за прилавком и в подсобках, это не сбой, это норма поведения для того типа торговли/распределения, которое было создано в стране.

«За эти годы Россия стала сплошь преступной страной, – делал печальный вывод П. Сорокин. – Трудно найти, особенно в местах, охваченных голодом, такого человека, который так или иначе не был бы повинен в том или ином продовольственном преступлении: в мелкой или крупной краже, в мелком или крупном обмане и мошенничестве с пайками, карточками и т.п.» [258, с.273].

Поскольку гос./кооп. магазины не справлялись с потоком покупателей, выдача по карточкам могла частично переноситься на предприятия (то же самое касалось выдачи промтоваров по особым квазикарточкам – талонам и ордерам). Для этого на предприятиях были задействованы специальные структуры.

Помимо общегосударственной карточной системы, предприятия могли выдавать/продавать своим работникам какие-нибудь дефицитные промтовары или продукты «от себя». Часто это могла быть их собственная бракованная или низкосортная продукция – однако даже она, полученная в виде «премиального» бонуса к зарплате (либо с вычетом из нее – но по предельно низкой «госцене») – пользовалась большим спросом. Такую ситуацию описывает Борис Сущенко, устроившийся в ноябре 1931 г. на работу кочегара на Барнаульскую мельницу.

«Подкатчик угля получает жалованье 38 руб (!) плюс бусу¹⁹ мучного 10 пудов, который продает по 3—4 рубля пуд. Таким образом из рабочих создаются спекулянты! А кочегар говорят получает 4 цнт. т.е. 24 пуда. Вот буду спекулировать! Эх!» – пишет он в дневнике [6, 1931, 26 ноября]. Нарочито-бодряческий тон молодого человека о «спекуляции» не должен обманывать – газеты тогда пестрели явно знакомыми ему случаями о задержаниях на базарах

¹⁹ По определению словаря Даля, бус – *«мучная пыль, особ. на мельнице, которую и называют иногда бусихой»*. Обычно использовалась на корм скоту.

людей, продававших там что-то, полученное от предприятия либо по карточкам. В концлагерь за это обычно не отправляли, но заработать открепление от карточного снабжения и клеймо «спекулянта», на годы препятствующее карьере и разным соцльготам, было очень просто.

Тем не менее, дважды полученные им выдачи (по 200 кг мучной пыли) оборотистый сын бывшего барнаульского торговца продал (предусмотрительно – через родственников) за 60 и за 74 рубля, а всего эта негодия позволила ему увеличить свой месячный доход до 175 рублей (втрое выше средней зарплаты рабочего в Барнауле).

Также юноша упоминает о выдаче ему мельницей *«мануфактуры по 6 м. цена сатин 3.50 бельевое на простыни 5 руб за метр. В общем цены чисто божеские отнюдь не „спекулятивные“!»* [6, 1932, 17 января].

Подобные ситуации были характерны для предприятий по всему СССР – голодные рабочие пытались «монетизировать» любые, иногда весьма экзотические бонусы. *«В некоторых случаях рабочие пополняют свой бюджет за счет продажи получаемых талонов на топливо, абонементов в театры и т.д.»* – отмечало ИНФО ОГПУ в «Докладной записке по вопросам зарплаты на госпредприятиях за январь-август 1930 г.» [71, с.495].

Действовали и крупные распределительные центры (частично работавшие и как сети открытых для всех магазинов). В Барнауле крупнейшая сеть закрытых распределителей действовала при ЦРК, структуры под таким названием действовали тогда также во многих других крупных городах (впоследствии их заменили «Отделы рабочего снабжения», ОРСы).

Система продажи товаров в кооперативной торговле, где для членов кооператива действовали именные членские «заборные книжки» (фактически тоже своего рода локальные карточки, со временем объединившиеся с ними), была довольно сложной. Если товара было достаточно, кооперативы могли продавать его свободно. При недостатке товара (а недостаток был практически повсеместен) вводились ограничения. Прежде всего, ограничивался максимальный размер свободной покупки (например, 1 кг черного хлеба в одни руки). Более жесткой ограничительной мерой являлось возможность покупки товара только членами кооператива (иногда продажа для членов кооператива сочеталась со «свободной» продажей – но «свободные» нормы отпуска были ниже, а цены – выше).

Так, Борис Сущенко в своем дневнике (октябрь 1931 г.) описывает случай массовой продажи пайщикам ЦРК Барнаула керосина: *«Где то на станции ж/д прямо из цистерн выдает ЦРК керосин по 20 литров на пайщика. По всему городу вонь керосинная – тащат ведрами и бутылками – запасается народишка!»* [6, 1921, 6 октября].

Не стоит также слишком серьезно воспринимать все эти слова – «кооператив», «правление», «пайщики» и т. п. По факту власть распоряжалась кооперативными торговыми структурами, их сотрудниками, ресурсами и собственностью столь же свободно, как и тем, что находилось в секторе госторговли.

Например, на заседании президиума Барнаульского окрисполкома 29 июля 1930 г.²⁰ у барнаульского ЦРК изъяли несколько вагонов муки для передачи ее в систему сельских лавок. *«Учитывая тяжелое продовольственное положение колхозов и батрацко-бедняцкого населения округа позаимствовать у Барнаульского ЦРК из фондов на рабочее снабжение 10.000 пудов муки. Обязать правление ЦРК обеспечить отгрузку муки»* [26, л.7].

Мирных барнаульских советских торговцев в любой момент могли «мобилизовать» и заставить, например, не продавать пролетариям селедку, а отправить помогать местным чекистам в выселении объявленных кулаками алтайских крестьян – причем, оплачивалось все это из кассы торговой сети.

²⁰ Именно на этом заседании было также принято в своем роде историческое решение об организации (в связи с ликвидацией округа) просуществовавшего до финала советского строя Барнаульского горисполкома. Фактическое исполнение этого решения, впрочем, состоялось несколькими месяцами позднее.

Так, 2 апреля 1930 г. председатель Барокрисполкома Григорий Барышков направил управляющему барнаульским отделением торгсети Акорт с пометкой «Совершенно секретно. Только лично» следующее послание: «*В ОИК поступили сведения, что ряд руководителей государственных, торговых учреждений и предприятий отказываются в принятии расходов по командировкам, связанным с проведением кампании по выселению кулака как класса, произведенных лицами, мобилизованными и переданными в распоряжение Окротдела ОГПУ. ... Суточные деньги этим лицам выплачиваются из расчета... не менее 2 р. 50 копеек...*» [46. л.91].

По рассказу Бориса Сущенко, центральный склад ЦРК в Барнауле, где он работал, распределял поступившие туда товары (по госценам) по следующей иерархии – и члены кооператива в ней стояли не на первом месте. Сначала товарами обеспечивались два специальных распределителя – для ответработников и для сотрудников Органов. И лишь затем товары шли в закрытые распределителя для рабочих – членов кооператива. Оставшиеся товары могли направляться в обычную торговую сеть ЦРК (но таких товаров практически никогда не оставалось).

4.3 Катастрофа со скотом. К концу 1929 – началу 1930 гг. положение в стране продолжало ухудшаться (особенно с хлебом, мясом и жирами). Куда делось мясо? По данным секретной правительственной сводки на февраль 1930 г. государственная статистика оценивала вызванное массовым изъятием зерна у крестьян сокращение стада (всего лишь с осени 1929 г.) в доминировавшем на тот момент индивидуальном секторе: по лошадям – на 2,5%, по КРС – на 17,6%, по свиньям – на 24,7%, по овцам и козам – на 26,3% [19, л.33].

Коллективизированных лошадей кормят запаренной соломой. Артель «Звезда Алтая», Бийский округ [266, 1930, №9, с.15].

Власти в Сибири вполне сознавали и эти результаты и их связь с проводимой политикой. «*В округах Сибири за последнее время наблюдается массовое истребление крупного рогатого скота и свиней, вызываемое соображением нехозяйственного порядка и угрожающее состоянию и развитию животноводства*», – так стыдливо начинается посвященное этому вопросу постановление Сибкрайисполкома (№8 от 7.1.1930)²¹, фактически признающее собственную

²¹ Аналогичная ситуация поразила и сибирское пчеловодство, столь распространенное на Алтае. «*За последнее время в кулацко-зажиточной части деревни наблюдаются случаи сокращения и полной ликвидации пчеловодного хозяйства, вызы-*

ответственность за возникший кризис. О цифрах потерь скота в Сибири в это время говорилось в отчете члена Запсибкрайкома ВКП (б) М. Т. Зуева на партконференции в Барнауле в июне 1931 г. По его данным, в 1930 г. поголовье крупного рогатого скота в крае уменьшилось с 5867 тыс. до 3396 тыс., количество лошадей снизилось с 3522 тыс. до 2691 тыс., овец – с 11.064 тыс. до 6448 тыс. [73, с. 61].

В итоге посевная кампания 1930 г. в Советской России проводилась с массовым использованием коров (вместо лошадей). Данных об этом на Алтае нет, однако в целом эти факты власти в СССР не замалчивали, видимо, не осознавая их чудовищности²².

Отобранные у крестьян коровы на колхозном дворе (коммуна «Красный партизан», с. Карасево) [266, 1930, №4, с.26].

Положение усугубляла всеобщая бесхозяйственность, вороватость и низкая компетентность всего советского аппарата власти. Обобщественный скот (и прежде всего лошади) на Алтае массово гибли от бескормицы и болезней.

Вот как описывал эту ситуацию (на конец марта 1930 г.) на совещании в Барокружкоме ВКП (б) секретарь Алейского райкома (положение в районе было признано типичным):

«Положение со скотом в районе, в особенности с лошадьми, чрезвычайно скверное. Имеется масса случаев падежа скота. Были дни, когда до 50 голов скота погибали от голода и ящура. Если не будут приняты решительные меры к заброске в район фуража, мы будем вынуждены свести на-нет молочный скот и передать фураж тягловой силе. В районе начали вскрывать все крыши, организуя массовый поход на проведение этого мероприятия,» – излагает доклад партчиновника «Красный Алтай в передовице *«Положение угрожающее. Надо использовать все кормовые запасы, вплоть до соломенных крыш»* [4, 1930, 26 марта].

ваемые не соображениями хозяйственного порядка, а уклонением от налоговых обложений» (постановление №7 Сибкрайисполкома 27.12.1929)

²² С гордостью сообщал «Красный Алтай» в качестве примера для алтайских аграриев, что в плодородном Урюпинском округе (междуречье низовий Волги и Дона) *«проходит отбор 47.000 коров для весенних полевых работ. Коровы пополняют недостающую в округе тягловую силу. Проводится подкорм коров и обучение их ходить в упряжке»* [4, 1930, 25 марта].

Однако, кроме репрессий и новых бессмысленных и неисполнимых приказов (прекратить резать скот и т.п.) вожди Сибкрая и Алтая не могли предложить ничего – ни попавшему под их власть народу, ни своему аппарату управления.

Впоследствии именно это катастрофическое сокращение стада оценивалось советскими правительственными экспертами как тот переломный момент, который затем на несколько десятилетий оставил страну без достаточного количества белковых продуктов. Такая оценка была дана четверть века спустя – в сов. секретном докладе 1955 г. ЦСУ СССР, Института экономики АН СССР и Института питания Академии меднаук СССР предсовмина СССР Николаю Булганину об уровне потребления основных продовольственных и промышленных товаров в СССР на душу населения.

«Неблагополучное положение с потреблением продуктов животноводства объясняется тем, что по ряду продуктов питания производство на душу населения еще не достигло уровня 1928 года. В 1954 году производство мяса и сала находилось почти на уровне 1928 года, а производство молока ниже 1928 года на 5 процентов. Обеспеченность населения продуктивным скотом на 1 января 1954 года была ниже, чем на 1 января 1928 года. На 1 января 1928 года в расчете на 100 душ населения СССР было крупного рогатого скота 40 голов, в том числе коров – 20 голов, овец и коз – 71 голова, свиней – 15 голов, а на 1 января 1954 года было крупного рогатого скота – 28 голов, в том числе коров – 13 голов, овец и коз – 59 голов и свиней – 17 голов,» – так оценивает доклад последствия катастрофы в животноводстве рубежа 1929–1930 г. [68].

4.4 Развал рынка продолжается – голод на пороге. Вскоре после введения выдача пайков стала запаздывать, а нормы выдачи по-тихому снижались, отмечало Экономическое управление ОГПУ. В ряде регионов с пайкового снабжения были сняты рабочие предприятий, связанных с сельским хозяйством [13, с.69]. С октября 1929 г. были введены нормы снабжения столиц, а, забегая вперед, с лета 1930 г. – Кузбасса – уже не только хлебом, но всеми основными продуктами. А к началу 1931 г., в ситуации угрозы массового голода, руководство СССР установило нормы снабжения для всех городов страны.

Тем временем по всей стране цены на свободном рынке, все более становившимся «черным рынком», продолжали расти, причем рост был обеспечен почти исключительно лишь продуктами питания. *«Индекс розничных цен указывает на подорожание как сельхозпродуктов, так и промышленных товаров,»* – утверждали в мае 1930 г. алтайские экономисты. Однако, в Барнауле, по состоянию на 1 мая 1930 г. цены на сельхозпродукты выросли втрое (к ценам годичной давности). При этом цены на промтовары тоже показали рост – но лишь на скромные 9,6% [27, л.30].

Особо критическим положение с ценами стало в апреле 1930 г. – они практически вышли из-под контроля. Только за апрель цены на сельхозпродукты в Барнаульском округе поднялись на 27,2%. Рост цен на промтовары составил 4,8%. Так, например хлебные товары подорожали за месяц на 24%, овощные – на 33,9%, мясные – на 31,2%, молочные – на 13,2%. Падение цен (на 18%) показал только сахар.

Символической точкой окончания старых, рыночных времен стало переименование в это время Наркомата торговли в Наркомат снабжения.

Однако, худшее еще было впереди...

4.5 Смерть рынка. В 1930 г. также прошла новая волна репрессий и запретов против частной торговли, в итоге ее объем (в целом по стране) в розничном товарообороте сократился до 5,6% (а в 1931 г. она была полностью запрещена).

Примерно на такие же параметры удушения частной торговли первоначально ориентировались и гражданские власти Барнаульского округа. Окрисполком, обсуждая в ноябре 1929 г. планы на следующий год, констатировал необходимость *«дальнейшего сокращения частной торговли»* с доведением *«удельного веса частника до 5,1%»* (с оборотом в 4.05 млн руб.) [39,

л.4об]. Однако, в процесс тогда вмешались местные партийные власти и эти планы были перевыполнены.

В результате в Барнауле и на Алтае конец местного купечества произошел ранее – не в 1931 г., а уже в феврале 1930 г. Именно в этом месяце здесь были вынуждены закрыться последние частные торговые фирмы. *«Частная торговля. К началу февраля в районах 5 предприятий и в городе 27. Но в начале февраля все они ликвидировались по причине отсутствия товаров и значительного налогового обложения,»* – отмечает Конъюнктурное бюро Барокрплана. Закрыв свой бизнес, многие из последних алтайских купцов предпочли покинуть Барнаул (решение, выглядящее вполне дальновидным). *«Частник разъезжается на Телебес²³, в Алтай, Ачинский и другие округа,»* – утверждает автор обзора экономики Николай Шерстобоев [30, л.41]. Уехали не все, но оставшиеся, наверное, об этом пожалели. Как афористично высказался по этому поводу исследователь купечества проф. Валерий Скубневский, их ожидало лишь три варианта судьбы: эмиграция, репрессии, адаптация [227, с.88].

Оставшиеся в городе торговцы подвергались травле: их шельмовали в советской печати, требовали увольнять с тех мест, куда они смогли устроиться. Типичным для того времени является такой призыв «Красного Алтая»: *«Выбросить торгоша. Правление Новсибтпо держит на службе бывшего торгоша Баклейн. 2-го февраля Окрфо описал все вещи Баклейн за неплательщика налога. Новсибтпо нужно выбросить из аппарата бывшего торгоша»* [4, 1930, 7 февраля].

Репрессии коснулись не только местных торговцев, но даже отдельно живущих членов их семей. Так, Барнаульский окружком ВКП (б), получив в январе 1930 г. данные о том, что сын одного из бывших городских торговцев служит красноармейцем, требовал в рамках «антикупеческой» кампании от Окрвоенкомата разыскать молодого человека *«на предмет изъятия его из Красной Армии»* [33, л.5].

Автор Конъюнктурного обзора скромно, но твердо констатирует, что полноценно заместить в Барнауле закрытые торговые точки и сети не удалось. *«Замещение частника частично проведено общественными и кооперативными организациями,»* – такой вывод делает Шерстобоев [30, л.41].

Террор местных властей против частной торговли и закрытие ее последних точек привел в феврале 1930 г. к появлению в Барнауле волны панических слухов. Жители города активно обсуждали, что то ли 15, то ли 20 февраля власти закроют в городе базар и барахолку, ставшие для большинства последним источником экстренной покупки еды и дефицитных промтоваров. *«Эти слухи носились особенно 13 февраля. В этот день крестьяне, привезшие на базар продукты, разъехались с рынка, не закончив продажи,»* – заявил ст. инспектор Барокрторготдела П. Литухин. В появлении паники и слухов, дестабилизирующих и так крайне неритмичный рынок снабжения города продуктами, власти, конечно, обвинили не себя, а «классовых врагов и их агентов». *«Они хотят, чтобы крестьянин вез свои продукты не на легальный рынок, а сбывал их где-нибудь в укромном уголке или на дороге спекулянтам, которые потом будут драть в три дорожка с рабочего»* [4, 1930, 15 февраля].

Однако, понимание того, что ставшие приметой советского образа жизни очереди и дефицит товаров связаны с разгромом режимом частной торговли, не было чуждо в Советской России и простым людям. Вот, например, как излагает этот вопрос появившаяся 2 марта 1930 г. в Сталинграде листовка (в сводке ИНФО ОГПУ). *«Товарищи! Вы видите, как народ*

²³ Телебес (в современной фонетике Тельбес) – активно развиваемая с 1926 г. властями Сибкрая промплощадка по добыче железной руды на крайнем юге Кузбасса (по соседству с современной курортной зоной Шерегеш). Предполагалось построить там крупный металлургический комбинат, что было впоследствии реализовано – но в нынешнем Новокузнецке. С 1930 г. поселок Тельбес быстро развился в небольшой горный городок, где жило несколько тысяч человек и действовало управление железорудного района. Людей привлекали туда высокие заработки и улучшенное снабжение. После войны добыча руды была прекращена, а рудник заброшен (фактически, как и сам поселок, где сейчас осталось лишь около двух десятков жителей).

страдает в настоящее время. Разве мы боролись за то, чтобы строить очереди и стоять в них до поздней ночи голодными? Нет, мы боролись за свободу, но ее нет. Это, товарищи, лишь потому, что уничтожают частную торговлю... Отбирают имущество у невинных, бедных граждан. Насильно толкают в колхозы. Товарищи, возьмем оружие в руки и очистим страну от этих тварей. Долой колхозы! Руки прочь от частной собственности! Долой коммунизм! Долой социализм!» [71, с.186].

4.6 Погром «бывших» в Барнауле. В своем обзоре Николай Шерстобоев не имел возможности осветить реальные обстоятельства вокруг «значительного налогового обложения», на фоне которого прошел разгром фирм последних алтайских купцов. Хотя масштаб организованных Барнаульским окружкомом ВКП (б) под руководством Федора Истомина погромов, прокатившихся в первые дни 1930 г. в Барнауле, напоминавших недоброй памяти месяцы первой Советской власти (конец 1917 – июнь 1918), был столь объемён, что, несомненно, коснулся если не самой семьи «бывших» – барнаульских старожилов Шерстобоевых, то многих их знакомых.

В начале января партийные власти провели в Барнауле массовую «операцию» по изъятию личного имущества и ценностей у семей *«бывших торговцев и городской буржуазии»*. Формально реквизиторы ссылались на то, что эти люди имеют долг по произвольно начисленным на них и неуплаченным огромным суммам налогов. Как отмечается в протоколе №31-б закрытого заседания Бюро Барнаульского окружкома ВКП (б) 12 января 1930 г., в ходе операции было изъято разных ценностей и денег на 95.100 рублей (при тогдашней среднемесячной зарплате в Барнауле около 50 рублей).

Для проведения массовых обысков и реквизиций партийными вождями Барнаула было решено широко привлечь городских рабочих: вместо становящегося все более дефицитным хлеба им решили дать возможность показать свою власть над «бывшими». Всего для проведения операции было привлечено 450 рабочих (это практически десятая часть от всей их численности в Барнауле). Количество подвергнутых разгрому домов горожан не указано, однако численность привлеченных для обысков и конфискации людей свидетельствует о том, что речь идет как минимум о нескольких сотнях подвергнутых экзекуции семей барнаульцев.

Вопреки ожиданиям местных коммунистических вождей, «операция» встретила не взрыв энтузиазма, а волну возмущения рабочих – в том числе, со стороны группы членов компартии. *«Отдельные рабочие, в частности имеющие собственность, рассматривают эту операцию как незаконные действия, внося в рабочую среду различные кривотолки,»* – говорится в протоколе окружкома. При этом группа коммунистов демонстративно сбежала с предваряющего погромы совещания *«в целях уклонения от операции»*. По-видимому, речь идет о довольно значительной группе рабочих-коммунистов – поскольку Барокружком ВКП (б) не сумел сразу составить список их имен и требует установить их и привлечь к ответственности вплоть до исключения из партии.

Организаторы погрома «сквозь зубы» признают, что массовое недовольство было вызвано и тем, что в ходе «операции» были допущены ошибки – *«отдельные факты описи у служащих, благодаря путанице в адресах и фамилиях»*.

А спустя несколько дней после «операции» Барокрфинотдел начал проводить в городе аукционы по продаже конфискованного у барнаульцев добра. Первые торги прошли 30 января (затем – 12 февраля), во дворе учреждения (Гоголя, 50). На продажу сначала было предложено имущество 11-ти семей горожан, представленных как «неисправные налогоплательщики» (на вторых торгах – 18 семей). Всем желающим предлагалось поторговаться за право приобрести у организаторов погрома его «плоды» – лошадей, коз, комодов, столов, швейных машинок, тумбочек, зеркал, кроватей, мясорубок, примусов, самоваров, седел, хомутов, лопат, колес, лодки, телег, саней, сельхозинвентаря, картин, мягких кресел, часов стенных и карманных [4, 1930, 28 января, 10 февраля]. С конца марта распродажа конфиската стала произво-

даться без торгов прямо со склада Окрфо. *«Имеется колоссальный выбор мебели, швейных машин и других вещей. В первую очередь будет продаваться рабочим, имеющим ордера и профбилеты,»* – прельщали власти желающих приобрести к зримым плодам организованного ими грабежа барнаульцев [4, 1930, 27 марта].

Финальной точкой, расставляющей акценты в этой нечистоплотной истории стало закрытое решение Бюро Окружкома ВКП (б) о «нецелесообразности» сдавать в Госбанк СССР изъятые у барнаульцев золотые и серебряные вещи (золотые часы, серебряные сервизы и т.п.). Было предложено *«реализовать их на зарубежных рынках»*, а при невозможности выполнить замечательную рекомендацию – было дано разрешение *«реализовать»* их уже и на внутреннем рынке [33, л.4,5].

4.7 Отчаянный поиск денег: все продать за границу. Понятно, что ни золотые часы, ни серебряные ложечки, отнятые у барнаульцев подручными правившего тогда этой территорией зловещего чекиста-алкоголика Истомина, не дошли ни до «заграничных рынков», ни до «торгов» во дворе финотдела. Но вот собранный на Алтае и по России хлеб при этом активно вывозился за границу, оставляя в стране ширящиеся очаги уже часто становящегося смертельным голода. Во внутренних документах вожди СССР не скрывали цели вывоза хлеба – подготовку к глобальной войне, вырученные деньги шли на военные или военно-промышленные проекты.

В одном из писем Молотову в августе 1930 г. Сталин требовал: *«Микоян сообщает, что заготовки растут и каждый день вывозим хлеба 1—1,5 млн. пудов. Я думаю, что этого мало. Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3—4 мил пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов... Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба»* [14, с.203—204]. Суммарно в течение лишь августа 1930 г. Сталин требовал обеспечить срочную продажу за границу 2—2,4 млн тонн зерна. *«Если за эти 1 ½ месяца не вывезем 130—150 мил пудов хлеба, наше валютное положение может стать потом прямо отчаянным. Еще раз: надо форсировать вывоз хлеба из всех сил»* [14, с.198]. В сентябре 1930 г. Политбюро потребовало от Наркомторга отгрузить для продажи за границу 1,6 млн тонн зерновых, в октябре – еще 2,16 млн тонн [108, с. 342, 347].

Всего же по секретному Постановлению коллегии наркомата внешней и внутренней торговли СССР (6 августа) на 1930/31 г. было решено продать за границу 4,68 млн тонн зерновых (+0,56 млн тонн бобовых, семян, жмыхов и пр.) [108, с.341].

Хотя эти документы имели секретный характер, нельзя сказать, что простые люди не понимали стремление руководства СССР выжать из них все, чтобы продать за границу. ИНФО ОГПУ в этой связи направило Сталину характерную листовку, появившуюся 6 марта 1930 г. в Поволжье: *«Все съестное, жировое ест наш враг буржуазия, а рабочим, что гнилое, процветай наша Россия. За границу икру, овощи, лимон и апельсин, а оттуда, будто в помощь, шлюют изломанных машин»* [71, с.146]. А вот как довольно прозорливо отреагировали на вывоз продовольствия за границу рабочие Владивостока (ИНФО ОГПУ приводит текст распространенной там в конце апреля 1930 г. листовки): *«Беглецы из других стран – коминтерновцы, одуррачили нас, темных рабочих. Создали послушную партию из умственно ненормальных людей, создали принудительный аппарат и вывозят теперь за границу все: кур, гусей, яйца, сахар, кожи, мануфактуру, рыбу, лес, масло и керосин, и даже тряпье и старые галоши, а мы, как дураки, стоим в очередях за нищенским пайком, дети наши бледнеют от малокровия, и мы сами с больными желудками выходим на работу, где от нас требуют фанатичности производительности труда, соревнования и т. д. А дальше – голод и нищета, болезни и смерть... Группа рабочих»* [71, с.218].

Тем не менее, практически одновременно, 5 марта, Политбюро решает *«произвести дополнительный вывоз 5 млн пуд. пшеницы из государственного резервного фонда»* (Протокол

№119 заседания политбюро ЦК ВКП (б) об экспортно-импортном плане на март 1930 г.) [108, с.339]

Голодный кризис стимулировало также то, что Политбюро в 1930 г. приняло решение увеличить неприкосновенный запас зерна на случай войны до 120 млн пудов (почти 2 млн тонн).

4.8 Новые «прибыльщики»: охота на котлов и хомяков. Хотя руководство СССР полностью закрепило за собой распоряжение основным ресурсом Алтая – зерном, не стоит думать, что местные власти после этого остановили процесс поиска – что бы еще можно «выжать» из попавших под их владычество территорий и их населения, чтобы продать это за границу? Вопрос о поиске и мобилизации «экспортных ресурсов» в те годы постоянно обсуждается местной гражданской властью, иногда принимая откровенно комические формы.

Вот, например, сбор каких категорий «экспортного сырья» для поставки на мировые рынки контролировал в первом квартале 1930 г. Барнаульский окрисполком: пушнина, мехсырье, мелкое кожсырье, овчина, щетина, конволос, шерсть коровья, кишки говяжьи и бараньи, рога скотские и мелких животных, роговой стержень, копыта скотские и мелких животных, масло коровье, птица домашняя битая, дичь²⁴, пух-перо, яйца, кость полевая, шкурки диких птиц (почему-то прежде всего – сорок), тряпье. Планировалось собрать этого особо ценного сырья на 1,149 млн рублей за квартал (план был выполнен на 90%) [40, л.1].

Невыполнение плана стимулировало алтайских вождей на поиск неучтенных резервов. Так, чтобы пополнить незакрытый план по ценной пушнине, Президиум Барокрисполкома решил развернуть прямо в Барнауле массовую охоту жителей на собак, котиков и почему-то – хомяков. Для этого в Приложении к п.5 (заготовки экспортного сырья) протокола Президиума Окрисполкома от 13.01.1930 было решено: *«Предложить Сибторгу шире развернуть деятельность в городе по заготовке шкурок собак, кошек, хомяка путем заключения договоров с ИТД²⁵, с артелями собаколовов, путем изготовления и снабжения населения, учреждений, складов крысоловками и пр.»* [39, л.38].

Для повышения доходности добычи экспортных ресурсов в отраслях с наиболее тяжелыми условиями труда, где отказывались работать вольнонаемные рабочие, руководство Сибкрая уже в июле 1930 г. предлагало массово использовать принудительный труд выселенных из своих сел крестьян (включая детей от 16-летнего возраста). Об этом говорится в секретном циркуляре Сибкрайисполкома и Сибкрайадмоддела, разосланном местным властям. В связи с нехваткой рабсилы на экспортных предприятиях (Лестрест, Лесохим, Ж/д строй) документ предлагает им направлять туда трудоспособных «кулаков» и членов их семей от 16 лет [49, л.39].

4.9 Эмиссия и инфляция. Серебряная монета. В попытках покрыть дефицит бюджета советский режим активно прибегал к необеспеченной эмиссии денег, разгоняя потребительскую инфляцию. Председатель правления Госбанка СССР Георгий Пятаков в письме Сталину отмечал, что с конца 1928 по июль 1930 г. в обращение было выпущено 1556 млн рублей, в то время как за всю пятилетку планировалось выпустить 1250 млн [13, с.74]. При недостатке товарной массы и разгроме большей части торговой сети необеспеченные деньги давили на рынок, рождая самые болезненные перекосы цен.

²⁴ Любопытный анализ по потенциалу добычи «дичи» из барнаульских лесов и лугов содержится в Заключении Окрплана о второстепенных экспортных статьях территории (здесь мы вновь узнаем неповторимый стиль Ник. Шерстобоева). *«Вследствие незначительности лесных массивов округа, запасы таежной и боровой дичи (рябчик, глухарь) весьма ограничены... Большую экспортную ценность представляет перепел, повсеместно встречающийся в степной и лесостепной части округа. Промысел ранее существовал, но в последние годы, вследствие отсутствия рынка сбыта и других причин, прекратился. Восстановление его вполне возможно. Продукция будет составлять ежегодно несколько десятков тысяч штук птицы»* [38, л.29—30].

²⁵ Исправтруддом – основное учреждение в рамках городской тюрьмы, с 1926 г. по настоящее время она размещается в помещениях бывшего женского монастыря на берегу Барнаулки.

Примером такого можно считать исчезновение из обращения серебряной монеты. Выпускаемая Госбанком серебряная монета с весны 1930 г. стала немедленно исчезать из обращения (с апреля, по оценке Пятакова): люди начали откладывать ее дома – хранить ее «на черный день». Перестали сдавать серебро в Госбанк работники магазинов и транспорта. В конторах Госбанка на местах возник ажиотажный спрос людей на разменное серебро. Пиком стала фактическая отвязка курса серебряной монеты от бумажных денег – в Госбанке отмечали, что оставшиеся частные торговцы и крестьяне на рынках стали продавать товары на серебро дешевле. Так, 16 июня 1930 г. ИНФО ОГПУ отмечало, что *«разменной серебряной монеты в достаточном количестве нет, что вызвало резкое повышение цен на частном рынке (на ассигнации продукты стоят в полтора раза дороже, чем на серебро)»* [71, с.334].

В Барнауле первые открытые свидетельства исчезновения серебряной монеты относятся к июлю 1930 г. *«Недостаток мелкой серебряной монеты ощущается в городе. На некоторых кассах объявление: „Просим платить без сдачи“. Недостаток серебра объясняется отливом его в деревню,»* – писал в те дни «Красный Алтай» [4, 1930, 15 июля].

Нехватка монеты могла привести к появлению на местах заменяющих ее суррогатных «денег». Так, в августе ЦРК в Барнауле для замены исчезнувшей серебряной монеты ввел «абонементы», которыми можно было расплачиваться за приобретаемый пайковый хлеб [4, 1930, 23 августа].

А в августе начались репрессии против тех, у кого находили запас таких монет. Коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу 9 человек, у которых нашли запас серебряных монет [4, 1930, 25 августа]. 8 августа прошло сообщение и о шести барнаульцах, у которых также нашли монеты и потребовали предать *«заслуженному суровому наказанию»*.

Это Казанцев Л. П., до 1920 г. следователь, затем служитель культа. При обыске у него изъяли 130 руб. советской серебряной монеты, 21 рубль золотыми монетами Российской империи, 25 золотых изделий (браслеты, кольца), 77 серебряных изделий и шпагу. *«Этот фрукт, конечно, арестован»*.

У Дмитриева Н. И., б. кассира железной дороги и б. крупного барнаульского торговца, изъяли на 65 рублей советского серебра. У кассира Алтсоюза Мокина А. И. изъяли серебряных монет на 97,5 рублей, *«из них было спрятано в печке 167 штук полтинников»*. У базарного торговца Сурина В. Г. изъяли 162 рубля серебряной монетой, у Савина В. – 231 рубль 15 копеек, у служащего Барокркомпома Попова Е. Т. – 144,45 рубля и дефицитные товары.

«Вот они – виновники недостатка разменной монеты. Отдельные лица города Барнаула всяческими путями старались собирать разменную монету и держали у себя в кошельке и прятали в квартире,» – негодовал местный официоз [4, 1930, 8 августа].

Подобная конфискационная акция в январе, проведенная в Барнауле Окружкомом ВКП (б), вызвала тогда в городе волну возмущения. Привлеченные к ней коммунистическими вождями рабочие, даже члены партии, оценили ее как грабеж и всячески старались улизнуть от участия. Однако, местное начальство, еще в тот раз отказавшись передать конфискованные серебряные ложечки и золотые часы в Госбанк, презрев трудности, вошло во вкус, подвергая людей репрессиям за найденные у них легальные советские полтинники.

В условиях контроля над информацией, власть по полной пользовалась этими возможностями, беззастенчиво обвиняя людей в собственных грехах – инфляции, возникшей из-за печати необеспеченных денег. *«Виновником теперяшних затруднений с разменом является только наш классовый враг. Распространяемые слухи, будто советское правительство производит изъятие серебряной монеты, являются абсолютно вздорными,»* – вопреки очевидности убеждал неосведомленных людей «Красный Алтай» [4, 1930, 8 августа].

В итоге, в январе 1932 г. Политбюро решило прекратить чеканку серебряной монеты, навсегда заменив ее никелевой и медной [13, с.74—75].

4.10 Водка для народа. Еще одним ресурсом изъятия у населения стал безудержный выпуск властями дешевой водки (крупным центром ее производства в Сибири был Барнаул).

В Российской империи в 1914 г. в связи с войной был введен ограниченный «сухой закон» (запрет на продажу крепких спиртных напитков). Власти Барнаула тогда пошли дальше, ходатайствуя о запрете продажи в городе не только водки, но и вина и даже пива. *«Все общественные организации, законодательные учреждения и правительство за последнее время направляют усилия к отрезвлению народа. Какой вред приносит пьянство все знают и все видят ту пользу, которая получилась благодаря закрытию, по случаю военного времени, казенных винных лавок и других трактирных заведений. Мы видим, как раздетые, вследствие злоупотребления спиртными напитками, теперь одеваются. Те, которые ни одного гроша не несли в свою семью, теперь отдают свои заработки семье и благословляют судьбу. Нужно, чтобы это состояние не было временным, нужно сознательное решение о закрытии, для слабых волею, заведений для продажи вина и пива навсегда»*, – требовал поддержанный решением гласных гордумы городской голова Александр Лесневский²⁶ [120, с.191].

«Сухой закон» был продлен большевиками при Ленине и отменен в 1925 г. Сталиным, видевшим в госмонополии на водку для народа важнейший канал, позволяющий режиму печатать необеспеченные деньги, а затем изымать их назад для своих нужд из оборота, подавляя при этом и темпы неизбежной инфляции.

Важной составляющей этой новой политики являлось максимально жесткое давление на частное винокурение – внешне необъяснимая, но при этом предельно репрессивная политика²⁷ в отношении самогонарения имела место практически во все время существования советского режима.

...В преддверии перехода к массовому выпуску монопольной государственной водки в 1924 г. Президиум ВЦИК запросил у президиума Алтгубисполкома доклад о частном винокурении в этом традиционном зерновом регионе.

Себестоимость ведра (12 литров) самогонки в Алтайской губернии на финал периода «сухого закона» (1923 г.) оценивалась в среднем в 2,5 рубля (в 2 рубля в Барнауле). При этом розничная цена ведра по губернии составляла 8 рублей (10—12 рублей в Барнауле). Это обеспечивало рентабельность частного винокурения в диапазоне 320—600%.

²⁶ Лесневский Александр Адольфович (1866—1934) – межевой инженер, статский советник, в 1913—16 г. городской голова Барнаула. Его усадьба в Барнауле («Дом Лесневского», Ползунова,56) имеет статус памятника архитектуры. В 1917 г., после национализации дома, уехал в Новосибирск, где и прожил остаток жизни.

²⁷ «Обычными административными мерами борьбы с тайным винокурением являются обыски и облавы,» – отмечал Алтгубисполком. Уже в 1923 г. на Алтае было проведено 7864 таких обысков [52, л.21].

Агитационная карикатура 1928 г. против самогонщиков в «Красном Алтае» [4, 1928, 25 января].

Общее потребление самогона в регионе оценивалось в 2,5 ведра (30 литров) в год на хозяйство (всего – 520 тыс. ведер/6,24 млн литров). Затраты зерна на его производство составляли тогда на Алтае 1 кг зерна на 0,5 литра напитка. А общий годовой объем расходов зерна был оценен губисполкомом в размере 15,1 тыс. тонн [52, л.21,23].

Перевод этого более чем значительного объема зерна (для сравнения – это вдвое выше тогдашней годовой потребности Барнаула в продовольственном зерне) в область государственного монопольного производства водки был оценен как приемлемый. Производство и продажи водки в Советской России (и на Алтае) начало стремительно расти. «Алкоголь теперь можно было купить в винных магазинах, садах и парках, в пивных, многих столовых, чайных, кипяточных и других «жывопырках,» – отмечает историк девиантных форм поведения [247, с.42].

Но ранее, в сытые годы нэпа, зерно, потребляемое для вроде бы нелегального, но повсеместного частного винокурения, никак не влияло на обладавшую серьезным запасом стабильности продовольственную обеспеченность страны. А в новое время государственные заводы гнали из зерна водку посреди моря нарастающей с каждым годом нехватки продуктов и голодного кризиса. Однако, зерно для водки государством находилось всегда, даже в периоды острого голода.

Особую актуальность массовый выпуск водки приобрел к 1930 г. – в связи с поиском советским режимом источников денег для военно-индустриальных программ. 1 сентября 1930 г. Сталин в письме Молотову прямо требует увеличить выпуск водки для увеличения военных расходов.

«Откуда взять деньги? Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки... серьезное развитие гражданской авиации тоже потребует уйму денег, для чего опять же придется апеллировать к водке» [14, с.209—210].

Действительно, накануне голодного бунта в Барнауле действующий здесь Госспиртпром отчитался о розничных оборотах по продаже алкоголя – в апреле 1930 г. они составили 370% к апрелю 1929 г. (а к апрелю 1922 г. – 712%) [27, л.29]. При этом торгующие водкой в Барнауле лавки Центроспирта были своеобразными территориями экстерриториальности – производители «водки для народа» чувствовали себя едва ли не доверенными лицами Кремля и могли дерзко игнорировать действия и пожелания местных властей.

Так, летом 1930 г. в Барнауле возник масштабный конфликт вокруг ставшей криминально-злочинным рассадником такой лавки на ул. Интернациональной/пер. Социалистическом. Не знающие, кто и что стоит за планами масштабного спаивания народа, наивные местные жители организовали кампанию протеста, доведя дело до СМИ и Горсовета. «Отцы города», однако, в ответ на упреки, смущенно отрапортовали: *«Горсовет закрыть винную лавку совсем не имеет права. Он поднял вопрос перед спиртзаводом... получен ответ – Лавка №850 по Социалистическому переулку имеет большую пропускную способность. Перенос ее в другое место повлечет сокращение сбыта и излишние расходы»*²⁸ [4, 1930, 26 июля].

4.11 Манипуляции с зарплатой. Наконец, еще одним способом изъятия денег у людей стала проведенная перетарификация в промышленности (кампания началась с лета 1929 г., но максимально широко развернулась только к началу 1930 г.) – нормы выработки для рабочих были повышены, а расценки снижены (десятилетия спустя, очередная попытка такой манипуляции приведет к известному городскому бунту в Новочеркасске).

Именно снижение зарплаты из-за манипуляций с тарифами и продовольственные проблемы были в 1930 г. основной причиной недовольства рабочих, признавало ИНФО ОГПУ в совсекретной «Докладной записке по вопросам зарплаты на госпредприятиях за январь-август 1930 г.» (в результате за 8 месяцев в стране произошло 147 забастовок с 11.833 участниками). *«На значительном числе предприятий одновременно со снижением расценок на 50% и выше были установлены чрезмерные нормы выработки,»* – говорится в документе [71, с.493]. Авторы документа связывают урезание зарплат с позицией администрации предприятий, однако такая скоординированная в рамках страны масштабная кампания едва ли могла быть произволом мелких заводских начальников. Сейчас известно, что все документы о ней (и вызванных ею проблемах на местах) аккуратно поступали Сталину и эта инициатива отражала позицию Политбюро на повсеместный поиск свободных ресурсов.

В итоге зарплата упала в 1,5—2 раза – по оценке ОГПУ, прежде всего у квалифицированных рабочих. Это признавало и ИНФО ОГПУ в обзоре по состоянию на май 1930 г.: *«Отмечен ряд фактов, когда расценки урезаются от 20 до 50% и выше, и устанавливаются столь высокие нормы, что рабочие не в состоянии их выполнить»* [71, с.261]. Так, токарь в механическом цехе после перетарификации стал получать вместо 100 руб. – 48 руб., литейщик 50—60 руб. вместо 90 руб. [13, с.75].

Примерно такой же уровень средней зарплаты у рабочих Барнаула после перетарификации фиксируют и местные экономисты. Так, средняя зарплата рабочего в марте 1930 г. состав-

²⁸ В августе 1930 г. вопрос все-таки по-тихому «дожали» и скандальную лавку перевели на ул. Льва Толстого, в дом квартирного бюро.

ляла здесь 56,96 рублей. «Заработная плата в марте возросла, но реальное значение ее понизилось», – говорится в обзоре экономики округа [27, л.34]. Из-за инфляции рост номинальной зарплаты (+5,4% в марте к февралю) вылился в падение зарплаты реальной (-6%).

Лидерами по падению зарплаты среди барнаульских заводов (март к февралю) стали пимокатный – на 16%, овчинный – на 7,5%, шубный – на 10%, дрожжевой – на 8,9%.

Как и везде, манипуляции с тарифами в Барнауле затронули прежде всего квалифицированных рабочих. Так, железнодорожники в январе 1930 г. жаловались на то, что слесари 5—6 разрядов с солидным стажем стали получать по 60 рублей в месяц. При этом, для сравнения, зарплата за «не требующую квалификации» работу проводниц вагонов и мойщиц подвижного состава оказалась выше – 70 рублей [4, 1930, 30 января].

5. Село: чума похуже татарина...

«Они вправе восстать – и с осени будем жить по-старому, будем верить в Бога и снова будет легко и хорошо жить».

Проповедь священника Терентия Потапкина, Шелаболиха, июль 1930 г.

5.1 «Коллективы»: Разгром и голод на селе. Весь 1929 год напряжение в алтайском селе непрерывно сгущалось. Первая половина года прошла под знаком массовых изъятий хлеба у крестьян. Часто на них накладывали огромные произвольные «налоговые штрафы» (чаще всего, в 5-кратном размере от оценочной стоимости несданного), после чего описывали и продавали с торгов имущество и дом. Только в Барнаульском округе из-за этого в 1929 г. возникло 3 случая массовых беспорядков – вооруженные топорами, вилами и дубинами крестьяне пытались защитить своих земляков (с. Ново-Тараба Верх-Чумышского района – 28—29 марта, 200 человек, набат, стрельба милиции; с. Сунгай Верх-Чумышского района – 31 марта, 150 человек; с. Хабазино Чистюньского района – 31 марта, 500 человек, стрельба милиции, одна раненая). Еще два случая массовых беспорядков на этой же почве ОГПУ зафиксировало в Каменском округе (с. Трубачево, Куликовский район – 8 июня, 100 человек; Каменский район, село не названо – 10 июня, количество участников не названо) [66, с.868—870, 918].

Однако, к финалу года все стало значительно хуже. С осени 1929 г. в СССР был запущен процесс насильственного сгона крестьян в разного рода «коллективы» (достигший пика в марте 1930 г.).

Активист проводит учет изымаемого у крестьянина имущества, конец 1929 г., с. Бугры [266, 1930, №2, с.39].

Так, если в Барнаульском округе на 20 января 1930 г. было коллективизировано 12,2% крестьянских хозяйств (15.635 хозяйств), то уже к 10 марта, на пике процесса, их количество выросло до 74,5% (74.502 хозяйства) [19, л.52]. Для преимущественно аграрного в тот момент Алтая эти месяцы вылились в полный разгром жизни на селе, ставший катастрофой, в чем-то подобный старому татарскому нашествию. Провести коллективизацию в считанные месяцы требовало Политбюро ВКП (б), дважды за эти месяцы (15 декабря 1929 г. и 2 февраля 1930 г.) контрольные цифры этого процесса повышались по инициативе 1-ого секретаря Сибкрайкома ВКП (б) Роберта Эйхе [69, с.142].

5.2 Села: бунты множатся. У не вступивших в колхозы крестьян продолжают отнимать хлеб, вменять им огромные долги и штрафы, описывать и продавать в погашение их имущество.

«Как быть с кулаками?» – задается вопросом «Красный Алтай». *«Нужно экспроприровать у кулаков средства, включая жилища²⁹... Наиболее злостные кулаки должны быть изгнаны,»* – дается ответ со ссылкой на рекомендации руководящего кампанией Колхозцентра [4, 1930, 16 января]. Цели массового террора в селе ставились открыто – при этом не скрывалось, что они идут из Москвы.

Массовые беспорядки в этой связи продолжаются и осенью 1929 г. Так, Секретный отдел ОГПУ сообщал, что в октябре в с. Каргон Бийского округа толпа в 150 человек оказала вооруженное сопротивление изъятию имущества у кулака «хлебозажимщика», в с. Фунтики Барнаульского округа толпа не допустила изъятия имущества у кулака, а в с. Карасево Барнаульского округа группой в 12 чел. была сделана попытка освободить арестованных за антисоветскую агитацию кулаков, избит сельисполнитель [66, с.984].

Беспорядки из-за грабежей крестьян проходят все жестче и перерастают в кровавые столкновения с жертвами. Так, 14 октября в с. Корчино Каменского округа около 300 человек препятствовали изъятию хлеба у местного жителя. *«Когда явившиеся председельсовета [Антипов] и [старший] милиционер [Улитин] потребовали у него ключи от амбара, он отказался их выдать. После этого было приступлено к взлому замка у кулака. Слух о принудительном изъятии хлеба у кулака быстро распространился по селу и к его дому стала собираться толпа крестьян, в числе которых по случаю престольного праздника было много пьяных. Собравшаяся толпа насчитывала до 300 чел. При выходе из амбара, где в это время производилась насыпка хлеба в мешки милиционером, из толпы выделилась вдова-беднячка и стала кричать: „Бей гадов-паразитов!“, а присутствовавший в толпе родственник кулака ударил милиционера колом по голове. После этого к милиционеру подбежали два середняка и стали его избивать, причем один из середняков сорвал с милиционера револьвер и два раза выстрелил в него. После убийства милиционера эти же середняки набросились на председельсовета и стали его избивать. Когда председельсовета был в бессознательном состоянии, из толпы в него был произведен выстрел, ранивший его в голову»* [66, с.999].

Однако, ни жертвы, ни нарастающее гражданское противостояние поначалу никак не беспокоит советский режим – он уверен, что у него хватит силового ресурса задавить террором любое сопротивление, а лояльность подданных на отдаленной, глубоко традиционной периферии его не очень-то беспокоит. Все изменило начавшееся массовое народное восстание против коммунизма, достигшее пика в марте 1930 г.

5.3 У кого кружилась голова? Пиковых показателей (70—75%) процесс «коллективизации» на Алтае достиг в марте (см. Приложение 8). В целом эти цифры соответствуют общим показателям по стране. Поэтому неудивительно, что начавшееся в сельских местностях России

²⁹ Массово отобранные дома и постройки затем распродавались властями всем желающим. Например, 21.1.1930 Барокрфинотдел выставил на продажу 100 домов, *«отчужденных у неплательщиков государственных и местных налогов и сборов»*. Желающих приманивали тем, что *«осмотр домов и других строений производится в любое время. Оплата продаваемых строений по соглашению»* [4, 1930, 21 января].

осенью 1929 г. восстание против коммунистического режима, развязавшего массовый антикрестьянский террор, своих пиковых показателей достигает как раз именно в марте 1930 г.

Вышедший за всякие рамки чрезвычайный объем насилия в ходе этой кампании признавался во внутренних документах и самой Соввластью. Вот как оценивали первые месяцы «коллективизации» в Сибири авторы написанной 15 марта 1930 г. секретной Записки об отрицательных явлениях в ходе коллективизации в Сибири – зампред ОГПУ Генрих Ягоды и начальник СОУ ОГПУ Ефим Евдокимов, подготовленной ими для Сталина.

«Административно-принудительный метод, зачастую в грубой форме, при организации колхозов слабо изживается; факты „раскулачивания“ середняков и даже бедняков, семей красноармейцев, бывших партизан продолжают иметь место. Причем мотивы к раскулачиванию приводятся: „антиколхозные настроения“, „подкулачник“, несдача семфонда, неуплата денег за трактор и т. п. Конфискация при раскулачивании полностью имущества отмечается повсеместно при большом количестве фактов издевательства, мародерства и физического насилия.» – пишут советскому вождю руководители ОГПУ [71, с.719].

При этом среди 18 сибирских округов выделялись шесть «наиболее пораженных в отношении искривлений и перегибов», в их числе – Барнаульский и Бийский. ОГПУ заявило о том, что все эти месяцы оно информировала местные власти о нарушениях, однако реакция была крайне слабой.

Волна ежедневных новостей о волнениях и восстаниях, идущая отовсюду, заставила советского диктатора лавировать. Режим принял решение о временном тактическом отступлении: вскоре после публикации 2 марта статьи Сталина «Головокружение от успехов» объемы насилия были временно снижены³⁰. Крестьян стали отпускать из колхозов – анализ архивной статистики показывает, что в Барнаульском округе, по справке окружкома ВКП (б), с 10 марта по 20 апреля 1930 г. количество «коллективизированных» крестьянских хозяйств уменьшилось почти вдвое – с 74,5 до 43,6% [1, л. 52].

13 апреля 1930 г. властям в Барнауле на эту тему поступила телеграмма №441, переданная через представителя ОГПУ. В ней излагалось принятое накануне 12 апреля закрытое (в статусе «не для печати») Постановление ЦК ВКП (б), в котором вместо террора в отношении крестьянам-единоличникам в связи с сокращением сева предлагалось дать на время посевной ряд льгот [23, л.14].

Реакция последовала практически тут же – виновным в «перегибах» был объявлен ответсекретарь Барокружкома ВКП (б) Николай Разницын – он (и несколько ответработников) были сняты с занимаемых постов.

Бюро Барокружкома ВКП (б) в приложении к протоколу №70-б от 13 апреля так пояснило эту ситуацию: *«Бюро считает необходимым полностью признать допущенные им крупнейшие ошибки в руководстве колхозным строительством в округе... Бюро взяло явно неправильную линию в деле установления сверху обязательного строительства коммун (77,1%) ... Бюро Округкома постановляет освободить от обязанностей секретаря Округкома тов. Разницына... Временное исполнение обязанностей секретаря Округкома возложить на члена Бюро ОК тов. Барышкова»* [34, л.127].

Наказание Разницына, занимавшего свою должность менее месяца (избран на эту должность Барокружкомом 18 марта, этим же днем подписан его первый документ на этом посту) [35, л.2], однако, носило явно ритуальный характер. Так, его предшественник на этом посту, Федор Истомин, возглавлявший Барокружком ВКП (б) с осени 1929 г. и, собственно, и совершивший почти все из того, что вменили Разницыну, не пострадал.

³⁰ На Алтае она была опубликована 3—4 марта – хотя текст и был экстренно передан туда телеграфом, из-за технического сбоя публикация задержалась [4, 1930, 3—4 марта].

10 марта был по решению Сибкрайкома он был откомандирован в его распоряжение, получив затем в марте пост 1 секретаря Ойротского обкома ВКП (б) и продолжая спокойно работать там [33, л.24]. Характерно, что содержательный мандат Сибкрайкома ВКП (б) в Горном Алтае для Истомина (только что прошедшего с чудовищными насилиями коллективизацию в Барнаульском округе), включал в себя смягчение насильственной коллективизации против этнических алтайцев и подавление «русского национализма» [4, 1930, 14 марта]. Нечистый на руку бывший чекист, вскоре завершивший свою карьеру в связи с тяжелым алкоголизмом, конечно, был самой для этого подходящей кандидатурой.

Приметой времени стала также и прошедшая серия демонстративных (с публичным освещением в советской прессе) наказаний низовых совработников. Типичным здесь предстает дело по осуждению «сладкоедов» в Белооярском район: в с. Бажево сняли с должности и осудили председельсовета Толстоброва (2 года ЛС) и председателя коммуны «Фрунзевец» Беликова (2,5 года ЛС) – за то, что при раскулачивании грабили земляков, *«для личных надобностей брали у середняков такие продукты, как варенье, мед и ягоды»* [4, 1930, 17 марта].

Но никак не пострадал верховный организатор кампании террора против крестьян в Сибири Роберт Эйхе – все эти кадровые телодвижения, по-видимому, и были предприняты доверенным выдвиженцем Сталина, чтобы отвести от себя волну негодования шокированного реалиями «коллективизации» высшего и среднего руководства Сибкрая.

И действительно – после того, как крестьяне провели вызывавший опасения Кремля весенний сев, а волна восстаний была подавлена, насильственная коллективизация и репрессии вновь возобновились.

5.4 Голод в селах. Рубеж 1929—30 г. стал временем конфискации режимом максимально возможного количества продовольственных ресурсов (общий объем по стране изъятого государством у крестьян зерна в 1929/1930 г. радикально поднялся – до 16,1 млн тонн).

Столь же значителен был рост изъятия зерна на Алтае. Так, ИНФО ОГПУ в сводке по состоянию на 26.1.1930 отмечало, что в Барнаульском округе в колхозах удалось собрать существенно больше зерна, чем планировали специалисты Окрколхозсоюза (6,16 тыс. тонн вместо 4,6 тыс. тонн).

Те же специалисты, кто сознавал опасность последствий таких масштабных перекосов продовольственных балансов, подвергались репрессиям. Так, в Барнаульском округе ОГПУ связало стремление агрономов Окрколхозсоюза Стародубцева и Антоновича уменьшить изъятия зерна у крестьян с «вредительством» (первого обвинили, что он «бывший меньшевик», а второго заклеили «сыном помещика»).

Однако, тайная полиция констатировала, что курс на то, чтобы оставить у крестьян часть зерна, разделяли не только «спецы», но даже и некоторые из барнаульских партфункционеров: *«В своих стремлениях всячески преуменьшить товарные возможности колхозов, специалистам иногда удается заручиться поддержкой со стороны руководящих колхозсоюзами парт [ийных] работников»* [65, с.156].

Напомню, что формально это зерно не забиралось безвозмездно – крестьяне получали документы с расчетом долга государства за изъятие у них продукты, но они были многократно ниже реальных рыночных цен. *«О степени разрыва с заготовительными ценами дает понятие сравнение по пшенице, расцениваемой на вольном рынке в десять раз дороже против заготовительной цены»*, – отмечает в этой связи «Конъюнктурный обзор народного хозяйства Барнаульского округа в апреле 1930 г.» [27, л. 38].

Силовое и часто бессистемное изъятие такой массы зерна обеспечило уже весной 1930 г. вспышки массового голода.

«Прошедший 1929 год по сравнению с предыдущим годом для Барнаульского округа был годом неурожайным. При этом необходимо отметить, что многие бедняки, питая надежды, что весной они получают семена и продовольствие, сдали государству не только товарные

излишки, но и почти все свои зерновые запасы, оставив для себя на пропитание незначительное количество», – так излагает состояние дел (на 15 мая 1930 г.) УЧОСО полпредства ОГПУ по Сибкраю в «Докладной записке о продовольственных затруднениях деревни и города и настроениях в связи с этим всех слоев населения» [5, л.30]. «Товароснабжение крестьян и тарифицированного населения деревни находится в катастрофическом состоянии, повсеместно наблюдается полное отсутствие товаров первой необходимости, как-то: сахару, спичек, табаку, папирос, керосину, продуктов, кожевенных и других товаров» [5, л. 34].

Итогом этого весной 1930 г. стали массовые случаи голода в алтайской деревне, включая случаи голодной смерти и смертельных отравлений при употреблении в пищу падали и суррогатов.

Голод носил системный, организованный советским режимом характер: так, в целом в Сибири, по расчетам, приведенным в «Справке ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на Северном Кавказе и Сибири» (27.05.1930) для снабжения лишенных хлеба крестьян с 1 апреля по 1 октября было необходимо 112 тыс. тонн зерна, а рассчитывать можно было лишь на выделенные властью 32 тыс. тонн [65, с.361]. Поэтому начавшийся весной голод продолжился в алтайской деревне и летом 1930 г.

«По многим колхозам и единоличникам отмечается полное отсутствие продовольствия, наряду с этим и случаи голодания. Вследствие этого в отдельных местах наблюдается массовое нищенство колхозников и единоличника. Многие колхозы и единоличники, особенно беднота и батраки, в связи с полным отсутствием всех с/х продуктов употребляют в пищу подыхающих или подохших лошадей», – так описывает Барокротдел ОГПУ ситуацию в алтайской деревне на 20 мая 1930 г. в «Докладной записке о ходе весенней посевной кампании и настроениях всех слоев населения» [5, л.57].

Барнаульские чекисты отмечают места массовых сельских голодовок: коммуны «Красная звезда», «Алтайский партизан» Шадринского района, единоличники села Шадрино, коммуна «Победитель» Залесовский район, коммуны села Аристово и села Залесово, коммуна «Роза Люксембург» Чумышского района³¹.

«В селе Кучук Павловского района. В данное время по селу наблюдается массовое нищенство... Бедняк Мусохранов Абрам имеющий семью в 7 человек, голодает несколько дней... Аналогичные факты есть по колхозам села Кучук. Коммуна „Луч“ хлеба не имеет, коммунарсы едят, что попало, вплоть до полудохлой лошади. Есть случаи, что коммунарсы ходят по миру. Коммуне угрожает голодовка... Село Калистратиха Шадринского района бедняк Медведев за неимением хлеба ходит на скотские могилы, обрезает несгнившие места у лошадей и тем питается» [5, л. 57].

5.5 Телячье фрикасе. На обратной полюсе советской социальной пирамиды также ели мясные блюда. Живой и подробный рассказ о быте провинциальной советской элиты в Сибири сохранился в мемуарной книге Агнессы Аргиропуло³² (1903—1982), жены Сергея Миронова/Меера Короля (1894—1940), в декабре 1936 – августе 1937 г. начальника управления НКВД по Западно-Сибирскому краю.

Супруга главы сибирских чекистов в своих воспоминаниях³³ рассказывала о шокировавших ее впечатлениях от первого визита в роскошную резиденцию Роберта Эйхе в Новоси-

³¹ За несколько дней до этого, 10 мая, в докладной записке ОГПУ дается еще один список голодающих сел – преимущественно, в близких окрестностях Барнаула: коммуна «Новая деревня», Ивановка, коммуна им. Мамонтова, Власиха, коммуна «Алтайский партизан», Петров Лог, коммуна «Заря социализма», Шадрино, коммуна «Красная звезда», Калманка, коммуна «Ильич», Гоньба, сельхозартель «Просвет», Рассказиха, коммуна «Красные орлы», Панфилово, коммуна «Спартак», Павловский район, коммуна села Иня [5, л.78—79].

³² Отец Аргиропуло – грек-беженец из Турции, приказчик в одной из лавок Барнаула, мать – родилась в зажиточной русской семье барнаульских горожан.

³³ «Сибирские» страницы мемуаров Алексей Тепляков характеризует «как отличающиеся добросовестностью и хорошо проверяемые по известным источникам» [100, с. 352].

бирске. Руководитель Сибири, требовавший морить голодом жителей подмандатных регионов, во время обеда порекомендовал тогда ей выбрать в меню телячьи ножки фрикасе.

[4, 1930, 8 июня]

«Я заказала. Оказалось – из прозрачных хрящиков телятины спрессованные крупные куски в виде лепешек, в яичках, обваляны в сухарях и поджарены,» – повествует она [61, с.82]. Сибирские партийные вожди отдавали дань и здоровому питанию. Зимой к их столу поставляли свежие овощи, выращенные в специальных теплицах.

...Террор, а с весны 1930 г. еще и голод, поразивший уже не только село, но и города, неизбежно вели к нарастанию и в финале – к взрыву протеста. Им стало последнее в нашей истории массовое восстание против коммунистического режима. Центр протеста находился в русской деревне, однако ее союзником на сей раз выступил и город. Ставшие объектами страшного террора во время Гражданской войны русские города, десятилетие после нее молчаливо покорялись большевикам. Однако, к 1930 г. многие из них вновь станут ареной протеста.

ЧАСТЬ II. ПОСЛЕДНЯЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Центром народного восстания против коммунизма в 1930 г. стала русская деревня. Даже многие группы заговорщиков, возникшие тогда в городах, ориентировались прежде всего на недовольство и готовность к бунту у жителей села.

Но центром кристаллизации протеста на селе стали прежде всего люди, хотя и традиционной сельской культуры, но хорошо знакомые с городом – грамотные, повидавшие мир, пожившие в разных местах России. Многие из них активно поддержали большевиков во время Гражданской войны, позволили этому, тогда еще крайне слабому красному монстру, сохранить и упрочить власть над страной. Теперь, спустя десятилетие, они часто переоценили свое прошлое...

Формы протеста, вовлекшие в последнее в советской истории массовое восстание в 1929—31 г. от 1 до 3 млн человек, были различны – от ненасильственных волнений до вооруженных восстаний и партизанских отрядов. Но лишенным ресурсов и оружия массам, стихийно поднявшимся в надежде вернуть украденную свободу, противостояла уже выстроенная тогда режимом мощная машина террора и силового подавления.

История советской тайной полиции пока описана довольно фрагментарно. А в применении к Алтаю речь вообще идет лишь об отдельных публикациях документов и статей, адекватно освещающих этот важнейший институт советского периода русской истории. Но подпольщики и ловящие их чекисты – были своего рода комплиментарной парой, *«некой невозможной помесью нигилистки с жандармом»*, как в свое время метко выразился Лесков. Наглядным символом этого можно считать то, что крупнейший повстанческий эпизод того периода – Добытинское восстание, было поднято как раз кадровым сотрудником ОГПУ.

И без понимания деятельности советской Охранки – ее приемов, практик и основных вех истории на Алтае и в Сибири мы не сможем понять и тех, кто боролся против этого режима.

6. Крестсоюз и чекисты

«Письмо с карикатурным рисунком Троцкого и Ленина... Вверху письма напечатано: „Мы обещали мир, хлеб и свободу – получайте“. На фоне письма с левой стороны горящая церковь, с правой избы крестьян с трупами людей, разбросанных вокруг».

Анонимная типографская листовка, райцентр Чаны, январь 1930 г.

Особую значимость для понимания восстания 1930 г. имеет вопрос Крестсоюза. Обвинения Органов в адрес этого формирования массово возникли на Алтае сразу после Гражданской войны (1920—21 г.). Но и почти десятилетие спустя мы встретим их буквально на каждом шагу: чекисты поминают арестованным прошлое участие в Крестсоюзе, находят у них некие связанные с ним документы и т. п.

В Органах находились даже те, кто само восстание 1930 г. был готов объявить делом чудом восставшего из пепла Крестсоюза. В особенности эта точка зрения была популярна в Барнаульском окротделе ОГПУ³⁴. Именно так барнаульские чекисты квалифицировали массовое недовольство крестьян весной 1930 г.

Видя полное безразличие властей к созданной ими чрезвычайной ситуации с голодом, алтайские крестьяне начали тогда массово высказывать свои оценки режима, который многие из них всего лишь 10 лет назад помогали установить вооруженной рукой. «...*Со стороны бедноты и середнячества начались открытые «крестсоюзовско» -террористические выступления, призывающие крестьян к организации восстания, совершения террора над работниками...*», – так оценил в ответ в мае 1930 г. Барокротдел ОГПУ эти настроения алтайской глубинки [5, л.63].

6.1 Крестсоюз и ПСР против коммунистов. Поэтому на активно педалируемой ОГПУ «крестсоюзовской» теме стоит коротко остановиться отдельно.

Сибирский крестьянский союз (СКС, Крестсоюз) – многократно упоминаемая в документах советских спецслужб 20-х годов подпольная структура (в Сибири, по оценке ОГПУ, преимущественно на территории Барнаульского и Бийского округов). «*В Сибири, в быв. Алтайской губ., в результате работы правых эсеров в 1917—1921 гг. существовал КС с ячейками по деревням, ставивший своей задачей вооруженную борьбу с соввластью; первой соввластью он был разогнан. В Барнаульском округе остались группки быв. активных деятелей КС,*» – так эта позиция чекистов отмечалась в Докладной записке информотдела ОГПУ об антисоветских проявлениях в деревне за 1925—1927 гг. [66, с.630].

Исторически Крестсоюз связывался с возникшим в 1905 г. Всероссийским крестьянским союзом, близким к партии эсеров (ПСР). В 1908 г. под давлением властей он прекратил свою работу, однако в 1917 г. возобновил ее. Считается, что после большевистского переворота деятельность союза прекратилась.

Впрочем, созданная некогда по инициативе Солженицына группа историков, еще в советское время пришла к выводу о том, что преемственности между Всероссийским крестьянским союзом 1905—17 г. и возникшими в период Гражданской войны Крестсоюзами нет – «*это совершенно самостоятельно возникшие стихийные организации*» [216, с.473]. И опровергающих этот вывод свидетельств и документов с тех пор не появилось.

³⁴ Вероятно, ее можно связать с фактическим его руководителем Яном Краузе, работавшем на Алтае в ЧК в начале 20-х и, видимо, причастным тогда к масштабному «делу Крестсоюза».

И хотя серия объединяющих крестьян стихийных групп времен Гражданской войны не вызывает сомнений, был ли «великий и ужасный» Крестоюз вообще реален – или это с самого начала мистификация, придуманная алтайскими и сибирскими чекистами?

Но советские спецслужбы десятилетиями были убеждены в том, что именно ПСР и ее детище – Крестоюз – являлись основным организатором массовых антикоммунистических восстаний начала 20-х годов в Сибири и на Алтае (убедительных доказательств этому, по мнению автора, в архивах не найдено, хотя такой вывод разделяют не все). А оставшихся в живых активистов ячеек Крестоюза (скорее всего, вымышленных) долгие годы после этого подозревали в нелояльности, и в финале – в организации и руководстве восстанием 1930 г. на Алтае.

Раннесоветские источники по истории СКС времен Гражданской войны противоречат друг другу, не содержат достаточных фактических подтверждений реальности существования Крестоюза и, напротив, имеют явные следы фальсификации этого дела со стороны алтайских и сибирских чекистов. При этом не связанных с Советами единичных первичных документов – сибирских структур ПСР или приписываемых самому Крестоюзу – совершенно недостаточно для восстановления картины деятельности этих структур.

На сегодня можно утверждать, что с восстановлением к началу 1920 г. в Сибири большевистской власти, здесь также поначалу стали восстанавливаться и немногочисленные группы социалистов – ПСР, РСДРП и др. В эти месяцы они питали надежды на сотрудничество с новым «социалистическим» режимом. Проф. Шишкин упоминает, что до марта 1920 г. такие группы были восстановлены в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Новониколаевске, Семипалатинске, Енисейске, а на Алтае – в Барнауле (РСДРП, ПСР) и Бийске (ПСР). В январе-марте сибирские социалисты обсуждали свою позицию по отношению к советскому режиму. Однако, их реакция если и колебалась – то лишь от предложений прямо присоединиться к большевикам, до – поддержать их власть, но сохранив при этом свои структуры. В феврале 1920 г. лоялистское заявление об отношении к новой власти сделал Всесибирский крайком ПСР. Он отвергает *«как нецелесообразную тактику бойкота советских организаций, считает необходимым в настоящее время деятельное участие партии в тех областях работы, которые направлены к борьбе с реакцией и восстановлению культурных и производительных сил страны, не беря на себя ответственность за общую политику Советской власти»* [248, с.94].

В первой половине 1920 г. процесс присоединения к РКП (б) различных (преимущественно эсеровских) групп в Сибири принял массовый характер. *«После освобождения Сибири от Колчака социалисты, главным образом левые группы, открыто перешли на сторону большевиков,»* – делает вывод на основе анализа массива архивных документов проф. Шишкин [248, с.100].

При этом каких-либо следов деятельности сибирских социалистов по развертыванию здесь колоссальной сети подпольных организаций Крестоюза в это время документы не фиксируют.

Сомнительность связей протестовавших в начале 20-х годов крестьян Сибири с эсеровскими вождями «по горячим следам» поначалу признавали и раннесоветские авторы. Так, осведомленный автор книги, изданной в 1923 г. в Москве на основе анализа полученного Политбюро и ГПУ «Парижского архива» близкого к ПСР Административного центра³⁵, при-

³⁵ Адмцентр действовал в 1920—22 г. на территории Европы, располагался в Париже и Праге. Формально являясь органом т. н. Внепартийного объединения, фактически контролировался ПСР (неформальный лидер – А. Ф. Керенский). Ставил задачу свержения режима большевиков и восстановления в России демократии, для чего пытался установить связь с восстаниями там. Имел связи с эсерами в Харбине, с группой Савинкова. Прекратил свои программы после сворачивания финансирования (сборы среди эмиграции, дотации Франции, Чехословакии). В июне 1922 г. архив центра (в настоящее время хранится в ГАРФ – Ф.Р-5893, 206 дел) [201, с.604—605] был похищен бывшим капитаном Валентином Коротенко, входившим в группу монархистов и затем продан большевикам, которые использовали его в пропаганде и на процессе правых эсеров в Москве.

знает, что в разработанных в 1920 г. парижскими эмигрантами-эсерами планах вооруженной борьбы Сибирь оценивалась как практически недоступная для связи область. Хотя в эсеровском архиве и упоминались «*Сибирская и [Туркестанская] базы*» – из Парижа с Сибирью предлагалось сноситься аж через ДВР и Китай.

«Особые условия, в которых находились эти две базы, заставили с.р. свести руководство восстанием в этих районах к самым общим директивам... В пределах этих широких директив местные органы движения должны были по собственной инициативе разработать и провести в жизнь детальный план вооруженного восстания... В отношении заблаговременной подготовки материальных средств борьбы районы... Сибири были признаны находящимися в особо неблагоприятных условиях» [198, с.30—31].

В докладах Адмцентру (декабрь 1920, январь, март 1921) крестьянские восстания в Сибири упоминаются, но как внешние для ПСР и с довольно критической оценкой [198, с.27].

Ничего внятного не сообщают о Крестсоюзе и советские активисты, лично руководившие подавлением сибирских восстаний в 1921 г. Например, в обзорной статье 1923 г. К. Хейфица (томский Истпарт), написанной на основе первичных документов и общения с руководителями операции по подавлению Сургутско-Нарымского восстания весной 1921 г., подробно рассказывается об идеологии, лозунгах, агитпродукции повстанцев, их связях с другими восстаниями в Сибири. Однако, в ней ни разу не упоминается Крестсоюз [231, с.90—95].

Этой же позиции придерживались впоследствии и русские эмигрантские историки. В известной документальной серии «Народное сопротивление коммунизму в России» ими делается вывод о том, что ПСР и Крестсоюзы не связаны. До 1920 г. эсеры индифферентны к ним, в 1920 г. принимают решение о создании Крестсоюзов. Но в противовес уже существующим стихийным антисоветским группам³⁶ – как свои партийные. Впоследствии же мифическая связь Крестсоюзов и ПСР раздувается большевиками [216, с.474—475]. «*Крестьянские союзы (другие названия в разных местах России – Союз трудового крестьянства, Крестьянские братства, Братства трудового крестьянства и т.д.) были массовыми беспартийными крестьянскими организациями, возникшими в 1918 г. независимо друг от друга во многих местах России и принимавшие активнейшее участие в антикоммунистических крестьянских и городских восстаниях на протяжении 1918—22 годов и отдельными вспышками и позже. Часто возглавляли эти восстания*» [216, с.57].

Практически к этому же приходит и современный российский историк, делая документально подкрепленный вывод о практически полной оторванности заграничных структур ПСР от антикоммунистического сопротивления в России: как в начале 20-х годов, так и в ходе последнего его этапа – в 1929—31 г.: «*Из-за слабой информированности они и представить себе не могли настоящие масштабы жестоких репрессий по отношению к крестьянству при коллективизации и раскулачивании*» [200, с.38].

Напротив, в СССР еще с начала 1920 г. возникает связанная с властью традиция громко, но бездоказательно обвинять эсеров и «контролируемый» ими Крестсоюз в антикоммунистических восстаниях – приводя в пример, прежде всего, Алтай. Ее носителем первоначально стали Алтайский губком РКП (б) и алтайские (а затем и сибирские) чекисты.

Так, алтайские большевики уже в июле 1920 г. связали необходимость создание своих партийных парамилитарных отрядов с тем, что они считают крестьянские восстания здесь инспирированными ПСР. «*Вооруженные контр-революционные эсеровские выступления создают необходимость боевой организации нашей партии. Конференция считает необходи-*

³⁶ При этом первое документальное упоминание о создании Крестсоюза связывается не с Сибирью, а с Уралом и не с 1920 г., а с началом 1918 г. [216, с.57].

мым создать при крупных вполне проверенных ячейках вооруженные отряды», – говорилось в постановлении Алтайской губконференции членов РКП (б) [199, л.9].

Этот подход был подхвачен раннесоветской большевистской пропагандой. Талантливый большевистский демагог Емельян Ярославский в статье 1921 г. «О Крестьянском союзе» нарисовал целую стройную схему его существования в Сибири: сельские ячейки – волостные ячейки – районный съезд – губернский комитет – всесибирский комитет. *«Организатором Крестьянского союза в Сибири, являлись, как мы уже указывали, эсеры... Богатые мукомолы, маслоделы, скупищики зерна и другие бывшие дельцы в мире богатой сибирской кооперации в Крестьянском союзе видели и создавали опору и реставрацию капиталистического строя,» –* вещал он [215, с.129].

На этой же базе выросла позднесоветская историческая традиция. *«СКС получал директивы и указания от ЦК партии эсеров, дальневосточной организации и зарубежных центров эсеров. Он имел свои отделы в губернских городах, комитеты – в уездах, „десятки“ – в волостях и „пятерки“ – в селах... Во время контр-революционного мятежа в начале 1921 г. в... Алтайской губернии подпольные ячейки кулацко-эсеровского „Крестьянского союза“ являлись боевыми штабами повстанцев,» –* сколь безапелляционно, столь же бездоказательно вторил Ярославскому советский историк [219, с.58].

Пережил этот подход и финал советского режима. Так, практически в чистом виде эту версию излагает в историческом очерке соответствующего тома выпущенное уже в 1998 г. справочное издание «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» [139, с.20—21].

6.2 Игнатъев, Юдин и дело СКС. Легенда об эсерах и СКС первоначально возникла в советских спецслужбах в Барнауле – в конце 1920 г.

Стоит отметить, что степень авантюризма алтайских чекистов того времени и готовности идти на рискованные комбинации даже «за спиной» правящей советской Россией РКП (б) была крайне высока. Здесь достаточно вспомнить ставшую известной лишь в постсоветские времена попытку реализации в эти же месяцы плана тайного политического убийства лидера алтайских партизан. Осенью 1920 г. председатель АлтгубЧК Х. П. Щербак приказал начальнику Бийского уездного политбюро Н. Путекле с помощью двух сексотов тайно убить популярного лидера партизан Ивана Третьяка, подозревавшегося чекистами в заговоре. Только нерешительность и боязнь выполнить рискованный план сексотов, выдавших Алтгубкому РКП (б) эти зловещие намерения, помешала тогда этой чекистской расправе. В 1937 г., впрочем, уже пенсионер Третьяк все же был расстрелян чекистами в Бийске как «японский шпион» [239, с.127].

Организатором гигантского подпольного заговора Крестсоюза в АлтгубЧК тогда называли арестованного ими в декабре 1920 г. Владимира Игнатъева³⁷, подчеркивая его прошлое положение министра в «белом» правительстве Северной области. Впрочем, работа Игнатъева там показала очень специфический человеческий потенциал этого политика (*«чрезмерное честолюбие и властолюбие, не имевшее границ»* [91], *«не было другого такого лица в Архангельске, которое сумело бы всех так объединить в чувстве недоброжелательства к себе... пышная, но дешевая революционная фразеология в выступлениях, столь не вяжущаяся при этом с натянутым и напыщенным видом снобизирующего бюрократа»* [92] – так отзывались в мемуарах об Игнатъеве хорошо знавшие его сослуживцы).

³⁷ Игнатъев Владимир Иванович (1887—1937), начинал в партии эсеров, был боевиком, участвовал в эсках. С 1917 – народный социалист, член ЦК. В 1918—19 г. в правительстве Северной области (управлял Архангельской губернией, внутренними делами). После окончания Гражданской Войны, истории с СКС, двукратным необъяснимым помилованием Советами и долгой работы в советском центральном аппарате, в 1937 г. приобщен как третьестепенная фигура к т.н. «Кремлевскому делу», расстрелян.

Странный политик-неудачник, без веских явных причин переместившись в Сибирь в августе 1919 г., еще при власти Колчака³⁸, затем, после прихода «второй» Советской власти, работал мелким служащим «Сибкредитсоюза» в Омске.

По словам сибирского полпреда ВЧК Ивана Павлуновского³⁹, начав с марта 1920 г., группа активистов партии эсеров (включавшая и Игнатьева) якобы создала в Сибири (Алтайская, Семипалатинская, Омская, Красноярская, Томская, Новониколаевская, Тюменская и Челябинская губернии) разветвленную сеть региональных организация СКС, с упором на развертывание его структур на Алтае. При этом оказавшиеся волей несчастной судьбы в тогдашнем городе-резиденции полпредства ВЧК – Омске, местные эсеры в обстановке чудовищной разрухи первых месяцев после активной фазы Гражданской войны (включавшей почти полный паралич транспорта) явно не располагали ни кадровым, ни иным ресурсом для реализации столь территориально грандиозного плана, который им вменил Павлуновский (хотя, кто-то из них, конечно, мог, в своем кругу не только восторгаться большевиками и планировать вступать в их партию, но и вести разговоры на тему – как бы здорово было бы выйти на недобвольное большевиками крестьянство).

Во внутренних рабочих документах отсутствие на Алтае таких мощных подпольных структур эсеров поначалу признавала и менее подверженная политизации местная советская военно-гражданская власть. Так, сохранился черновик письма информационно-инструкторского подотдела Алтгубревкома на запрос Алтгубчека (от 23.1.1920). Отвечая на вопрос о деятельности *«правых и левых партий в настоящее время»*, власти губернии отмечали, что *«правые партии активно нигде не выступают, почти повсеместно политической жизнью губернии руководит Рос. КПБ»* [210, л. 33, 34].

Близкую оценку высказывал в январе 1921 г. в докладе Ленину и председатель Сибревкома Иван Смирнов. Ситуацию в Сибири на тот момент он оценивает как спокойную – *«входящую в нормальную советскую колею»*, а очаги сопротивления как мелкие и разрозненные. *«Кое-где в городах стали возникать белогвардейские организации. Они не имели ни сильных руководителей, ни опыта подпольной работы. У них не было объединенной сибирской организации и какой-либо политической программы. Все эти мелкие организации были раскрыты чрезв. комиссиями и ликвидированы»*, – так излагал сибирский лидер явно принципиально отличающуюся от рапортов чекистов картину. Смирнов отмечает появлявшиеся в эти месяцы в Сибири лозунги крестьянских союзов, но относится к такому факту явно несерьезно, а связь всего этого с эсерами категорически отрицает. *«Восставшие... местами организовались в трудовой крестьянский союз. Кое-где была видна рука социалистов-революционеров, но расследование показало, что соц.-революц., как организация, в этом восстании участия не принимали, отдельные же их члены, плохо связанные партийной дисциплиной, вовлекались в движение»* [84, с.613].

Однако, в декабре 1920 г. Игнатьев был арестован ЧК на Алтае, утверждал познакомившейся с его делом Василий Гришаев [70, с.39]. Кооператор из камеры в подвале ЧК тогда написал покаянное письмо и дал показания о том, что он создал (в районе восстания Плотникова) 34 ячейки СКС (а всего на Алтае к концу 1920 г. было якобы создано до 400 ячеек СКС). Заявление выглядит предельно сомнительным – столь широко разъезжать в то время по алтайской глубинке, повсеместно охваченной мятежами, обычным уголовным и красным бандитизмом, было воистину самоубийственным занятием. Подобный городской «конспира-

³⁸ Предположительно, это могло быть связано с авантюрным планом снабжения испытывающей недостаток продуктов Северной области ледоколами через устье Енисея. В январе 1920 г. из Мурманска в Сибирь за продуктами действительно был отправлен ледокольный пароход «Соловей Будимирович» (впоследствии знаменитый «Мальгин»), затертый тогда льдами и ставший объектом резонансной международной спасательной операции.

³⁹ Павлуновский Иван Петрович (1888—1937). С марта 1920 по конец 1925 – полпред ВЧК/ОГПУ по Сибири (до лета 1921 – в Омске, затем в Новониколаевске).

тор» имел все шансы закончить такой вояж если не в первой, то уж точно во второй деревне, лишившись и сапог, и головы. А уж поверить в то, что хамоватый сноб Игнатьев, ни во что не ставящий простого человека (в его бытность в Архангельске много шума наделала история, когда он пытался отдать под суд просто лишь не заметившего его на улице и не отдавшего честь милиционера) быстро и эффективно сумел бы найти общий язык в алтайских деревнях с десятками групп не любящих город и горожан, гордых недавней победой и заносчивых бывших партизан и привлечь их в свой мега-заговор – нет никаких оснований.

Скорее, речь здесь идет о вынужденных показаниях малодушного арестанта, пытающегося выторговать у чекистов жизнь и готового ради этого на все. Знакомый с оригиналами признаний Игнатьева высокопоставленный большевик Емельян Ярославский утверждал, что тот даже *«предлагал примириться в Советской властью и в качестве меры к этому предлагал легально созвать съезд этих белогвардейских организаций Сибири, на котором он берется убедить своих сторонников, чтобы они отказались от вооруженной борьбы»* [215, с.132].

Примерно в том же ключе звучат и показания члена Сибирского комитета ПСР Юдина⁴⁰. Примечательно, что обвиненный чекистами в организации Крестсоюза и восстаний эсер не только твердо заявляет о своем неучастии в этом, но и призывает арестовавших его большевиков к подавлению таких крестьянских восстаний в Сибири. *«Мое отношение к начавшимся восстаниям резко отрицательное, хотя, по слухам, они и проходят под лозунгами Крестьянского союза. Вне той работы, которая предполагалась быть проделанной Крестьянским союзом и которая ни в какой мере, за исключением Алтайского района, не проделана, крестьянство, оставаясь распыленным, политически и организационно аморфным, неизбежно окажется слепым орудием в руках разного рода политических спекулянтов и авантюристов, несущих повторение колчаковщины и атамановщины, т.е. ту реакцию и военный деспотизм, от которого недавно избавились. Я полагаю, что начавшееся движение есть дело рук белогвардейщины, не имеющей и не могущей иметь никакой связи с организациями Крестьянского союза. Я считаю, что защита демократии в данный момент состоит в объединении для решительного отпора и ликвидации начавшейся белогвардейской авантюры. Ибо хотя бы и временное торжество последней несет с собой огромное падение народного хозяйства и политический развал страны»* [215, с.131].

Павлуновский замечал, что развертывание на местах сибирскими эсерами Крестсоюза было отложено до сентября 1920 г. – вероятно, как раз в связи с восстанием военкома полка Красной армии, бывшего партизана Плотникова. Полпред ВЧК в своем объемном очерке истории Крестсоюза также ожидаемо ничего не сообщает ни о сомнительной миссии Игнатьева на Алтай, ни вообще о какой-либо реальной работе омских эсеров в сибирской крестьянской глубинке. В состав же СКС, по подробному рассказу Павлуновского, вошли совсем не крестьяне и даже не сибирские социалисты – а почему-то несколько городских офицерских групп⁴¹ (составленных преимущественно из числа хорошо известных ЧК бывших участников Гражданской войны), якобы подготовивших восстания в ряде сибирских городов, но накануне выступлений, в феврале 1921 г., поголовно арестованных ЧК.

⁴⁰ По всей видимости, имеется в виду Юдин Иван Степанович – сибирский социалистический политик, с января 1918 г. входивший в качестве министра труда в нелегально возникшее уже при большевиках (в Томске) «сибирское правительство Дербера». Из-за угрозы ареста чекистами бежал в Забайкалье, потом в Харбин, Владивосток, где по свидетельству современника-мемуариста Георгия Гинса *«незаметно сошел со сцены»* [217]. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴¹ Любопытно, что в качестве одного из руководителя военных групп СКС (в статье Ярославского 1921 г.) всплывает «колчаковский генерал Белов» [215, с.130]. Хотя в Гражданской войне в Сибири упоминается два генерала с такой фамилией, весьма вероятно, что здесь мы впервые видим еще не раз появившуюся далее на наших страницах фигуру генерал-майора Петра Белова, тревожившую как белую эмиграцию фантастическими рассказами о похождениях его «партизан» на Алтае в середине 20-х, так и алтайских чекистов – во время восстания 1930 г. Напомню, что основная версия его биографии гласит, что реальный Белов был взят в плен под Красноярском и расстрелян чекистами в 1920 г. в Омске [114] – возможно, как раз в рамках дела СКС.

«Сибирский же крестьянский союз, начиная от ЦК [СКС] и кончая его местными отделами, ликвидирован и большая часть его участников расстреляна», – победно резюмировал глава чекистов Сибири [93, с.131].

А вот Игнатъев, в отличие от своих товарищей-эсеров и тысяч людей, расстрелянных и отправленных в концлагеря по сомнительным обвинениям в участии в СКС (в том числе и по его доносам), вышел из этого дела без последствий. Более того, будучи в 1921—22 г. привлеченным к процессу правых эсеров и осужденным в числе прочих на казнь, он получил отсрочку (!) приговора, а потом амнистию и освобождение (после чего до 1934 г. работал юристом в НКВД (!), затем в аппаратах ВЦИК и ЦИК СССР) [94].

Алексей Тепляков уместно замечал по подобному поводу, что *«выявлению секретных агентов помогают частые случаи выведения из дела тех или иных лиц с формулировкой о выделении дела на них в отдельное производство: если такие лица не были осуждены, то с высокой степенью вероятности речь идёт об агентуре, таким образом избавленной от уголовного преследования»* [100, с. 241].

6.3 «Методы Павлуновского». Новаторская для советской тайной полиции тех времен «крестоюзовская» разработка Павлуновского не пропала втуне, по-видимому, став на долгие годы неким образцом для чекистов. *«Павлуновский – безусловно, основатель первой чекистской генерации в Сибири и протагонист внедрения чекистских методов,»* – отмечал в этой связи проф. Папков [218, 2024, 10 сентября].

В рамках этих методов, располагая максимально широкой регистрационной базой «бывших», Органы всегда могли сконструировать из них «подпольную группу» нужной им конфигурации (тем более, что зафиксировать крамольные разговоры на любую нужную тему, ведущиеся этими часто нелояльными к новой власти людьми, для агентуры не представляло труда). Для этого Павлуновский предварительно проводил широкие аресты людей «по картотеке», из которых потом собиралась требуемая «к-р организация» (*«берем всех, потом фильтруем»*, по выражению Папкова).

На основе полученных в чекистских застенках признаний такая группа объявлялась руководящим центром организации, после чего под нее набирались местные ячейки – также преимущественно из нелояльных Советам людей (к коим в те годы относилось явное большинство).

Стоит отметить, что иногда, впрочем, подобный террор (за счет массовости) действительно мог вывести и на настоящую группу сопротивления – хотя реальная ее деятельность, скорее всего, была совсем не той, что вменялась ей Органами.

В финале огрехи следствия и пытки арестованных списывались массовой казнью «заговорщиков».

Советская тайная полиция впоследствии аккуратно фиксировала по всей стране обсуждения связанных с Крестоюзом тем все 20-е годы (и даже в начале 30-х годов). Они велись преимущественно в среде крестьян, поддержавших большевистский режим в годы Гражданской войны и сельских предпринимателей – разъездных торговцев, прасолов, владельцев чайных (количество зарегистрированных фактов таких разговоров по стране: 1924 – 139; 1925 – 543; 1926 – 1676, 1927 – 2312).

В середине 20-х годов даже временно возникла ситуация условно лояльного отношения некоторых представителей советского режима к идее подобной крестьянской организации – как вероятной партнерской ВКП (б) крестьянской прото-партии (или даже скорее профсоюза). Однако вскоре она потеряла актуальность и излюбленный чекистами жупел Крестоюза, едва ли когда-либо ощутимо существовавший в реальности, вновь стал преследуемой и нелегальной темой.

7. Органы и Сопротивление

*«Новой жизни занимается заря,
Цветок красный «коммунистник» уж отцвел,
И начал кругом облетать.
«Народник» же весело расцвел
И спешит разноцветные розы укреплять».*
*Крестьянское стихотворение времен Антоновского восстания,
Тамбовская губерния, 1921 г.*

7.1 Архивы следствия: страницы, пропахшие кровью и ужасом. Как и многим историкам, мне пришлось порядком поработать с томами архивно-следственных дел. Это одни из самых тяжелых документов, с которыми приходится иметь дело историку. И потому, что от этих страниц идет неощутимый физически, но явный запах крови, ужаса и смертного пота – запах допросных камер и расстрельных подвалов. И потому, что представленный в них материал бывает настолько противоречив и неоднозначен, что традиционные методы критики источников здесь перестают работать. Одновременно в каком-нибудь протоколе допроса необходимо учитывать:

– Человек на допросе чаще всего будет лгать и манипулировать информацией, из самых разных побуждений. Например, обеляя себя и своих близких и друзей (упрекнуть его в этом сложно – если только на этом пути он не топит невинных, перекладывая вину на них). Существенно чаще сознательно ложная информация исходит по разным мотивам от сексотов (идентифицировать которых также весьма непросто).

– Допросы в Органах регулярно сопровождаются пытками. И зафиксированный в протоколах текст может быть вложен в уста арестанта в их результате.

– Узник, напротив, может ложно обвинять следствие в пытках.

– Люди часто могут добросовестно заблуждаться, убежденно излагая известную им, но ложную или сомнительную информацию (например, «на голубом глазу» пересказывая некогда услышанные, но вызывающие у нас сегодня сомнения в реальности рассуждения лидеров подполья об их великих планах, значимости своей организации и т.п.).

– Память и кругозор людей (тем более людей малой грамотности – а такие сидели тогда чаще всего в допросной комнате по обе стороны стола⁴²) не идеальна – они часто путают имена, названия, даты и т. п.

Вот поэтому я не люблю работать с документами следствия советской охраны (но именно на них в значительной мере опирается эта книга). И не очень понимаю тех коллег, кто обильно и со вкусом цитирует преимущественно лишь этот тип сложных документов – как святую истину.

Однако, иной альтернативы восстановить сокрытое завесой прошлого нет.

Когда Мисюрев и его ученики в середине прошлого века собирали на Алтае рассказы о знаменитом бандите «беглеце Соробе» (есть все основания считать его сугубо легендарной фигурой, подобной Робин Гуду или полуполюгендарному прототипу Зорро – калифорнийскому бандиту Хоакину Мурьете), по рассказам моей матушки, глубина живой устной исторической памяти тогда часто достигала полутора (а может и двух) веков.

Но в советские времена, в условиях тоталитарной пропаганды и управления памятью, воспоминания о повстанцах и «социальных бандитах» советского периода были быстро забыты. *«Колоссальный личный престиж знаменитых преступников не спасает их славу от быстрого забвения... Можно предположить, что память в сугубо устной культуре – а те,*

⁴² В 1931 г. в ОГПУ лишь 1,4% имели высшее образование, а 73% – лишь начальное [102].

кто увековечивал славу бандитов-героев, были неграмотны – относительно коротка,» – писал по этому поводу Хобсбаум [240, с.145—146].

Герои былых времен, о которых век назад тайком перешептывались вечерами в крестьянских избах и рабочих бараках, и их слава ушли в небытие. И сегодня, часто только архивно-следственные документы приоткрывают нам завесу времени над тем, что было реальной историей наших соотечественников вековой давности: голоса и имена их пропали и ныне они лишь слабо слышны с этих мрачных страниц, с которых с нами пытаются говорить их тени.

7.2 Оперативные игры чекистов. Внутренние документы советской тайной полиции исследуемого периода содержат информацию о целой серии крупных подпольных центров, о ликвидации которых было заявлено на Алтае – прежде всего сотрудниками Бийского и, в меньшей степени, Барнаульского окротделов ОГПУ. В основном такие группы, по этим заявлениям, действовали в Бийском и Барнаульском округах, но несколько из них – на территории почти всего Алтая.

Большая часть таких сообщений алтайских и сибирских чекистов о ликвидации этих повстанческих групп и обществ, однако, вызывают обоснованные сомнения в реальности существования этих подпольных структур – по крайней мере, в том формате и объеме, какой был представлен в отчетах. Часто мы видим следы «методов Павлуновского» – подбор руководящей группы заговорщиков «по картотеке», из числа нелояльных, а периферийных групп заговора – из числа круга их знакомых или просто случайных людей. Особую значимость при этом приобретали рапорты сети осведомителей, по разным мотивам иногда высказывавших самые странные обвинения (жертвой чего часто становились они сами).

Так, Алексей Тепляков, ссылаясь на документы ЦА ФСБ, утверждает, что даже московская комиссия, проверявшая как раз весной 1930 года работу выносившей приговоры тройки при Полпредстве ОГПУ по Сибкраю, сделала сибирским чекистам в этой связи серию симптоматичных замечаний, хотя в целом проверявшие оценили работу ведомства полпреда Леонида Заковского (Генриха Штубиса) как успешную – *«ряд дел оказался особенно цинично сфабрикован, смертные приговоры выносились лицам, на которых не было обвинительного материала. Среди расстрелянных „повстанцев“ то и дело оказывались отслужившие своё сексоты, а начальник секретного отдела полпредства ОГПУ П. М. Кузьмин за протесты против особенно оголтелой фабрикации дел оказался исключён из состава тройки»* [87].

Подобные подходы к сексотам (особенно к такой малоценной категории, как временно привлеченные в ходе следствия) активно применялись и в практике алтайских чекистов. В качестве примера можно привести рапорт начальнику Барнаульского оперсектора ОГПУ Жабреву его подчиненного (по делу «Свободных»).

«Барнаульскому оперсектору ОГПУ

...В ваше распоряжение направляю стукача Мазурова Григория⁴³. При проверке сведений, данных Мазуровым оказалось что часть таковых им была дана вымышлено, последнее подтвердилось, когда я взял его в работу, то он мне сознался в этом и в результате оказалось что он на собраниях организации совершенно не был и на Подшивалова показал ложно в чем также признался (смотри агентур. материал и протокол допроса Мазурова). Со своей стороны считаю необходимым Мазурова не только за провокацию, но и во избежание компрометирования нашего органа, выселить из пределов нашего округа или приобщить к этому же делу и дать ему по заслугам. Уполн. ГПУ по Уч-Пристанскому р-ну Галактионов 9.11.1930 г.» [83, т.4, л.176—176об].

⁴³ В книге памяти Алтайского края как осужденный по полит. статье не упомянут (здесь и далее под книгой памяти имеется в виду справочное издание «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» [139]).

Таким образом, модель конструирования «массового заговора», заложенная еще в 1920—21 г. в базовом для Органов в Сибири деле Крестсоюза (при полпреде ВЧК/ОГПУ Иване Павлуновском), оказалась в 1930 г. широко востребованной.

Нет сомнений в существовании тогда на Алтае реального протестного ядра – многочисленных групп людей, готовых к публичному или даже к вооруженному протесту против террора советского режима. Однако, степень их организованности, территориальной структурированности, идеологизированности представляются существенно и сознательно завышенной авторами разоблачительных отчетов – полпредом Заковским и его доверенным исполнителем на Алтае – начальником Бийского окротдела, а с осени 1930 г. – уже начальником курировавшего весь Алтай Барнаульского оперсектора⁴⁴ ОГПУ Иваном Жабревым.

Хотя история алтайского антикоммунистического подполья того времени недостаточно документирована и требует продолжения ее исследования, имеющийся массив документов на сегодня рисует следующую картину.

В начале 1930 г. в связи с начатым советским режимом резким увеличением гражданского противостояния, ОГПУ в Сибири также начало подготовку к подавлению ожидаемых протестов. Работа с большим массивом архивных документов приводит к выводу о том, что с целью удовлетворить транслируемый свыше «соцзаказ», а также получить максимальную личную (карьерную) выгоду, эта подготовка велась полпредом Заковским и его доверенными подчиненными (и эта ситуация в Сибири совершенно не уникальна) преимущественно в рамках рекомендованных свыше схем, предполагающих делать упор на следующем.

– Разоблачаемые группы должны находиться на связи и под влиянием иностранных центров – как связанных с иностранными спецслужбами, так и со структурами белой эмиграции.

– Разоблачаемые группы должны выглядеть сложной структурированной сетью заговорщиков.

– Эти группы должны иметь разработанную, внятную, предельно враждебную большевизму и формализованную (подготовленная программа, флаг и т.п.) идеологию.

Именно в таком ключе полпредство ориентировало местные органы ОГПУ, выполнявших этот «соцзаказ» с широким использованием пыток арестованных и фальсификаций.

Тем не менее, я постарался собрать в книге максимально широкий (на сегодня) список подобных групп на Алтае – как имеющих признаки фальсификации (и даже однозначно фальсифицированные), так и выглядящих (хотя бы частично) реальными. Часть таких групп носит смешанный характер – например, центральная группа структуры сопротивления выглядит реальной, но в ходе следствия чекисты «пристегивают» к ней явно сомнительные периферийные группы.

Хотя информации по всем заявленным подпольным организациям в силу закрытости архивов на сегодня недостаточно (и работа историка здесь требует продолжения), я по-прежнему придерживаюсь версии, что в реальности тех лет можно говорить прежде всего о большом количестве слабо связанных и необеспеченных ресурсно людей, действительно стихийно и массово объединявшихся на местах в протестные и даже повстанческие группы – на фоне моря отчаяния и негодования, которые вызывали в то время в народе действия режима. При этом участники реального протеста часто были дополнены группами, сконструированными Органами из числа случайных жертв террора (преимущественно подобранными из регистрационных реестров и донесений агентуры по «анкетным» данным).

Даже стоящий на позиции максимальной оценки фальсификаторской составляющей в работе Органов Алексей Тепляков в этой связи признает наличие в Сибири *«очень немного-*

⁴⁴ После ликвидации летом 1930 г. округов, окротделы к октябрю были переформатированы в оперсектора ОГПУ, фактически не только сохраняя, но даже нарастив при этом прежний статус и территории ответственности. Так, в Сибири первоначально было создано лишь 5 оперсекторов – в Новосибирске, Барнауле, Минусинске, Омске, Томске [102].

численных настоящих антиправительственных организаций или инициативных групп, которые хранили оружие и боеприпасы, собирались бежать за границу, распространяли листовки, антибольшевистские слухи и пр., но весьма редко действительно готовили вооружённое выступление против власти» [100, с. 296—297].

История алтайского сопротивления описана здесь, но истории многих из этих людей еще ждет новых исследований.

7.3 Заграница нам поможет? Советская тайная полиция при работе по сопротивлению всегда была ориентирована на поиск «иностранный следа». Это имело источником идею «осажденной крепости», все соседи которой только и мечтают как-нибудь досадить и напасть. Такое видение мира стало одной из основных составляющих раннесоветского государственного менталитета. Годами эта тема активно пропагандировалась с самого верха советской властной пирамиды. Рассказы о засылаемых из-за границы врагами шпионах и диверсантах пронизывает бесчисленные образцы советского масскульта – книг, плакатов и кинофильмов.

На практике такое мировоззрение выливалось в ориентацию репрессивной машины на постоянные поиски внешнего фактора в любом случае народного протеста. В ситуации народного восстания 1930 г. в Сибири это вылилось в то, что полпредство ОГПУ активно ориентировало местные органы госбезопасности на Алтае на поиск зарубежных агентов, прибывших сюда для его подготовки.

«По ориентировке ПП ОГПУ по ЗСК в текущем году на территории бывшего Барнаульского и Бийского округов Сибкрая, расположенных в предгорьях и горах Алтая, зарубежными к-р объединениями (Китай) переброшены ряд эмиссаров со специальными поручениями по к-р работе с задачей подготовки и поднятия массового восстания против Соввласти,» – так описывал общие задачи Органов в этой связи осенью 1930 г. Иван Жабрев (уже в должности начальника Барнаульского оперсектора ОГПУ) [83, т.12, л.1].

Однако, ни в одном из многочисленных инцидентов на Алтае, несмотря на настойчивые поиски, по явно неохотному признанию Жабрева, Органы так и не смогли найти сколько-нибудь убедительный иностранный след.

При этом, внедряемые в антиправительственные группы их агенты-провокаторы активно будировали эту тему. Алтайских крестьян и горожан они пытались убедить в наличии реальных связей псевдо-заговорщиков с заграницей – с Монголией и Маньчжурией, где якобы расположены готовые вторгнуться в Советскую Россию сформированные эмигрантами отряды. Особенно популярны были спекуляции именем атамана Семенова, мирно проживавшим в те годы в Японии.

Образ советской пропаганды: одноглазый партизан-диверсант из Маньчжурии рассказывает товарищам о своем последнем рейде в Советскую Россию. Фильм «На границе», 1938.

7.4 Монголия. Ситуация в Монголии, однако, показывает, что практически уже после окончания Гражданской войны (примерно с 1923 г.) она вполне контролировалась местными властями (причем не только в Халхе, но и в граничащих с Алтаем отдаленных и малонаселенных местностях Западной Монголии). Советско-монгольская граница в Алтайских горах, хотя и охранялась, но была тогда вполне проницаема (здесь можно вспомнить известного алтайского повстанца из старого зайсанского рода Кармана Чекуракова, которого после амнистии за Гражданскую войну почти все 20-е годы ОГПУ подозревала в том, что он стал профессиональным контрабандистом) [127, л.2,18].

Но вот русские из Монголии в те годы в массе не очень-то спешили на историческую родину, вести откуда становились все мрачнее. Русская община в Монголии тогда еще была довольно объемной и была настроена индифферентно или антисоветски, но ни о каких базировавшихся там «отрядах» и т. п. не могло быть и речи.

Об этом уверенно свидетельствует составленный еще в декабре 1923 г. для АлтгубРКИ доклад Монгольской экспедиции, посланной туда из Барнаула «Монголгосторгом» – товариществом, созданном рядом предприятий алтайской столицы. Подробный отчет о «Политической обстановке в приграничной Монголии» рисует ситуацию уже на 1923 г. на обширных примыкающих к Русскому Алтаю территориях как совершенно мирную. Максимумом негатива, «злонамеренной агитации белогвардейских элементов», было мнение о том, что на торговлю с Советской Россией едва ли стоит надеяться. Экспедиция вполне ожидаемо не только не обнаружила в Монголии готовых вторгнуться в СССР белогвардейских отрядов, но констатировала, что основная позиция русских в Монголии – политическое безразличие. *«Интересы этих колонистов в большинстве не идут дальше обеспечения личного благополучия и рассматривать их как форпосты русского влияния совершенно невозможно»* [191, л.184].

В то же время, доклад переполнен опасениями и примерами негатива со стороны общины местных китайцев, еще недавно правивших Монголией как своей провинцией.

С каждым годом, с упрочением просоветского режима и ростом прямого советского влияния в Монголии, такая ситуация должна была только углубляться.

7.5 Китай. Работа с большим массивом документов б. Пражского архива русской эмиграции⁴⁵, не позволяет увидеть зловещую повстанческую базу и среди русской диаспоры в Китае. Здесь также видна совсем иная картина: неприятие и ненависть к Советскому режиму сочеталась у русской диаспоры с критической нехваткой ресурса и пониманием бессмысленности вооруженного противостояния с находящимися на пике силовой формы Советами.

Действительно, документы говорят нам о большой массе русских людей, оказавшихся тогда за пределами своей Родины (в том числе, выходцев с Алтая). Так, в докладе Комитета защиты прав и интересов русских в Шанхае, направленном 12.9.1925 в президиум Русского национального съезда в Париже, общее количество русских эмигрантов в Китае оценивалось на тот момент в 200 тыс. человек. *«Наиболее крупными пунктами расселения русской эмиграции в порядке численности такового являются: полоса отчуждения КВЖД и город Харбин, Синьцзянская провинция, Шанхай⁴⁶, Мукден, Чанчунь, Тяньцзинь, Пекин, Ханькоу»* – утверждает документ [148, л.44—45].

Однако, величина русской диаспоры при этом сочеталась с крайним недостатком находящегося в ее распоряжении материального ресурса. Да, многие из этих людей были крайне негативно настроены к большевистскому режиму (как, впрочем, и миллионы людей внутри Советской России). Однако, лишившиеся всего, массово вынужденные во враждебном инокультурном окружении тяжелым ежедневным трудом добывать насущный хлеб, они в лучшем случае могли лишь тихо собираться, ругать большевиков в своих газетках и не представляли никакой реальной угрозы для мощной и безжалостной красной диктатуры.

Эта ситуация в полной мере раскрыта в докладе председателя Совета и Правления Восточного казачьего союза⁴⁷ полковника Березовского⁴⁸ (Харбин, 26.12.1926) в Правление казачьего союза в Париже. Объединяющий остатки казачьих войск востока России харбинский союз с горечью отмечал, что оказавшиеся в Китае *«далеко не все Войсков. Правительства сохранили в своих руках средства, большая часть этих правительств никаких средств не имеет. Но некоторые Войсковые Правительства, как например Правительство Дальнего востока Казачьих войск успели вывезти из России кое-какие средства. Это обстоятельство, конечно, должно иметь особое значение ввиду того, что вообще казачья эмиграция средствами не обладает и в большинстве своей массы не только рядовых казаков, но и офицерства и интеллигенции живет службой или поденной работой в частных предприятиях, а чаще физическим трудом»* [149, л.55].

⁴⁵ Пражский архив – крупнейшее архивохранилище русской эмиграции, существовал в 1923—45 г. в Праге. С 1928 г. имел статус чехословацкого госархива. В 1945 г. передан правительством Чехословакии АН СССР, после чего активно использовался советскими спецслужбами для документирования репрессий. В постсталинское время тайно хранился в ЦГАОР, после ликвидации этого архива был передан в ГАРФ, описание фондов см. [201]. В процессе всех этих передач часть фондов расселялась по разным архивохранилищам.

⁴⁶ Численность русской диаспоры – 8 тыс. человек.

⁴⁷ Восточный казачий союз (ВКС) – существовал в 1923—33 г. в Харбине. Структуры ВКС и Казачьего союза в Шанхае, по утверждению проф. Базанова [207], якобы использовались для прикрытия деятельности Братства русской правды. После оккупации Маньчжурии японцами ВКС вошел в состав Союза казаков на Дальнем Востоке и бывших чинов Дальневосточной армии, созданного и первоначально возглавляемого атаманом Семеновым. Новый союз занимал прояпонскую позицию и был ликвидирован в 1945 г. после занятия Маньчжурии советскими войсками.

⁴⁸ Березовский Ефим Прокопьевич (1869—1953). Уроженец ст. Антоньевской Бийского уезда (сын станичного атамана). Кадровый офицер, полковник (1918). Участник свержения «первой Советской власти» в Сибири в мае-июне 1918 г., после чего некоторое время исполнял обязанности председателя правительства/атамана Сибирского казачьего войска. В 1920 г. эмигрировал в Харбин. В 1923—33 г. возглавлял Восточный казачий союз. Негативно относился к прояпонскому режиму в Маньчжурии. В августе 1945 г. арестован СМЕРШ, отправлен в советские лагеря, в октябре 1946 г. осужден на 10 лет (ст. 58—2,4,10/2,11). Умер в лагере. Реабилитирован.

Личность самого алтайского казака Березовского была ярким примером его оценок: в Китае «казак неимущий» (по собственному определению) работал в то время приемщиком зерна и продавцом муки на мельницах, счетоводом, был безработным, продавал книги и газеты.

Примером неспособности противостоять Советам не только вторжением на их территории – но даже и в тех случаях, когда вооруженные советские отряды проводили террористические рейды на территории Китая и разоряли приграничные поселения русских эмигрантов, стали трагические события конца 1929 г. в Трехречье. Вероятно, их можно считать периферийным эпизодом военного конфликта на КВЖД (в вялых приграничных боях в ходе которого участвовал осенью 1929 г. переброшенный на границу из Барнаула 63 СП). Руководителем карательных рейдов в Трехречье исследователи называют бывшего командира партизанского полка из Забайкалья Степана Толстокулакова⁴⁹ [153, с.139], однако о ведомственной принадлежности карателей данных нет (вероятнее всего, это могли быть действовавшие по заданию советских спецслужб созданные при ОГПУ местные комотряды).

Трехречье – малонаселенная историко-культурная область на севере современного автономного района Внутренняя Монголия (КНР), осваивалась забайкальскими казаками с конца 19 в. После того, как здесь осели казаки-эмигранты и русские крестьяне, бежавшие из России от голода и начавшейся коллективизации, русское население области выросло (на пике – до 11 тыс. человек). Осенью 1929 г. русские поселения стали подвергаться нападениям советских вооруженных отрядов, сообщалось о фактах массовых убийств мирных жителей⁵⁰, их похищениях и насильственном уводе в СССР. Однако, 200-тысячная русская община в Китае никак не смогла отреагировать на геноцид, кроме как сборами в пользу пострадавших [151, л.26] и посылкой телеграмм в адрес мировых лидеров (Приложение 7).

Китайские военные власти, впрочем, создали там несколько иррегулярных милиционных групп из русских эмигрантов (во главе с Иваном Зыковым и Иваном Пешковым), деятельность которых непропорционально активно освещалась тогда советскими газетами (в том числе, и на Алтае). Однако, вероятность участия этих маленьких отрядов в нападениях на советскую территорию сомнительна (хотя проблема и требует дополнительных исследований). Даже советские газеты на Алтае того времени обвиняли их лишь «в налетах на мирное население Трехречья и Хайлара» [4, 1930, 7 июня].

⁴⁹ Толстокулаков Степан Иванович (1888—1938). Командир 4-го кавалерийского партизанского полка во время Гражданской войны в Забайкалье. Затем участвовал в коллективизации и подавлении крестьянских восстаний, командовал тайными карательными рейдами в Трехречье. Расстрелян в 1938 г. (ст.58—1а,2,11). Реабилитирован.

⁵⁰ Например, старостой уничтоженного красными карателями хутора 28.9.1929 был составлен список на 53 человека «зверски расстрелянных большевиками жителей хутора Даманского» (Дамысово), включающий мужчин, женщин и детей – от 3 месяцев до 75 лет [151, л.82].

Образ советской пропаганды: русский антикоммунистический партизан ведет ведет японских захватчиков на территорию СССР. Фильм «На границе», 1938.

Лишь к 1933 г. ситуация в Маньчжурии изменится – оккупировавшие ее и создавшие марионеточное Маньчжоу-Го японцы добьются перебазирования туда атамана Семенова и станут спонсировать развивавшуюся вокруг его имени военно-разведывательную активность с привлечением к ней русских эмигрантов – в т.ч. из их новой массовой волны, вызванной коллективизацией.

Однако, в описываемое нами время Семенов еще мирно жил в Нагасаки и уж если и помышлял что-то в отношении покинутой Родины, то скорее не вторгнуться в ее пределы во главе мифических «эмигрантских войск», а о том, как бы половчее и повыгоднее выстроить новые отношения с большевистским режимом (Приложение 6).

Таким образом, на сегодня можно сделать вывод о том, что до момента оккупации Маньчжурии японцами какой-либо реальной системной активности против СССР русская эмиграция в Китае не имела возможности вести – и не вела. Если какие-то сомнения в отношении советской пограничной полосы и остаются, совершенно уверенно такой вывод может быть сделан в отношении дальних акций – засылке в Сибирь агентов, диверсантов и т. п. Напротив, именно советский режим предпринимал такие действия регулярно и максимально активно. Советская агентура пронизывала пограничные провинции Китая и Монголии, за границей СССР красными регулярно проводились силовые спецоперации (Дутов, 1921, Анненков, 1926) и даже масштабные войсковые операции (Бакич, 1922, Трехречь, 1929).

7.6 Европа. Братство Русской правды. Почти такой же вывод можно сделать и о русской эмиграции в Европе. Хотя в ходе первого постреволюционного десятилетия известны ряд рейдов/нелегальных поездок эмигрантов в Советскую Россию, практически все они были либо провокациями советских спецслужб, либо суицидальными действиями отчаявшихся людей

(напомним случай с захватом Савинкова). И к тому же территориально они охватывали лишь Европейскую Россию.

Единственное, что оставалось в этой ситуации в реальном распоряжении эмиграции – это публикации в своих малотиражных изданиях сомнительных текстов о подъеме повстанческого движения в СССР. Вполне символична здесь опубликованная осенью 1925 г. журналом «Русская правда»⁵¹ якобы «доставленная из Советской России народная песня, являющаяся русской переделкой „Интернационала“... Она уже и теперь поется во многих повстанческих отрядах» [205, Л.92об].

*От Петербурга до Алтая
Уж просыпается страна
Священной местию пылая
Вскипает Русская весна.*

«Братство Русской правды» (БРП), одним из проектов которого был этот журнал, перестало сейчас однозначно восприниматься историками как стопроцентная эмигрантская мистификация – после недавней находки его архива, приобретенного в 2021 г. Гуверовским институтом войны, революции и мира и ряда недавних отечественных публикаций.

Некоторые из них, однако, представленные как доказывающие реальность широкой подпольно-диверсионной деятельности БРП в Сов. России, едва ли выглядят особо показательными. Речь идет, например, о статьях «полицейских историков» из Хабаровска – Николая Егорова и др. сотрудников ФСБ. Авторы приводят в них большой список диверсий в 20-е годы на транспорте и связи в Забайкалье, Приамурье и Приморье, в совершении которых обвиняют диверсантов, подготовленных и посланных русскими эмигрантами в Китае. «С 1923 по 1928 год были полностью ликвидированы 22 „белопартизанских“ отряда общей численностью около тысячи человек, задержаны более 100 диверсантов,» – резюмирует Егоров [206, 2012, 19 мая]. Однако, ссылки на архивные документы ЦА ФСБ, верифицирующие эти факты, в публикации отсутствуют (хотя ее авторы явно имели возможность доступа к ним). Но процитированный финальный вывод сделан со ссылкой лишь на советскую книгу 1968 г. издания. И хотя упоминание БРП как одного из организаторов массового враждебного проникновения в СССР из-за границы у автора присутствует, оно, похоже, стоит недалеко от раннесоветской кинопропаганды.

Здесь мы можем вспомнить (как образец этого нарратива) выпущенный в 1938 г. «Ленфильмом» полнометражный художественный фильм «На границе» (18 млн зрителей), где живущие где-то далеко на границе (в Сибири или скорее даже на Дальнем Востоке) советские люди подвергаются серии нападений белогвардейских формирований из-за кордона. При этом в сцене допроса главного отрицательного героя фильма – бежавшего в Китай из Владивостока подражающего Есенину (!) русского поэта (и троцкиста) – он, после долгого отказа в признании, что он диверсант, в финале заявляет: «Меня послало Братство Русской Правды!»

⁵¹ Издававшийся в 1922—33 г. в Берлине эмигрантский журнал, вокруг которого было заявлено существование «Братства Русской Правды», БРП (1921 – середина 30-х) претендовавшего на статус покрывающей всю Советскую Россию боевой организации сопротивления. Лидеры БРП – герцог Георгий Лейхтенбергский, ген. Петр Краснов, литератор Сергей Соколов (Кречетов), полковник кн. Анатолий Ливен.

«Я – Волков! Меня послало Братство Русской Правды!» Фильм «на границе», 1938.

Обобщающим современным трудом о БРП можно считать книгу проф. Петра Базанова. В нем упоминается многочисленные попытки проникновения Братства на советскую территорию (преимущественно, на Западе, Северо-Западе и Дальнем Востоке), основанные, в значительной мере на провинциальных архивах ФСБ РФ. При этом автор признает в наследии БРП и существенную вымышленную составляющую. Так, говоря о «Русской правде», он признает, что *«разделы, посвященные внутрироссийским боевым операциям, относятся к чисто саморекламе, мало имеющей общего с реальной действительностью»* [207].

Однако, сегодняшняя недоступность документов из архивов спецслужб и значительный (а с начала 30-х годов – преимущественный) уровень фальсификаторской составляющей в этих предельно непростых для работы историка архивных источниках, по-прежнему оставляют открытым вопрос о степени реальности БРП и его влияния на внутреннее сопротивление в Сибири.

В итоге, подобные исторические сюжеты не могут не приводить нас вновь к выводу о том, что деятельность подобных БРП групп и советских чекистов составляла своего рода комплиментарную пару. Одни строили свою жизнь вокруг того, что добывали и тратили финансы мутного происхождения на изготовление макулатурных тиражей сомнительной антибольшевистской агитации, другие же зарабатывали награды и звания, пугая советских вождей «пресечением» враждебного заграничного проникновения в СССР (преимущественно выдуманного). И лишь кровь и страдания наших соотечественников, казненных и отправленных в концлагеря в результате этих игр – как невинных жертв, так и участников антикоммунистического сопротивления – были здесь совершенно реальны...

Во всяком случае, фонды Пражского архива показывают – о том, что происходит за Уралом, европейская эмиграция не знала практически ничего, питаясь совершенно фантастическими слухами. Здесь можно упомянуть единственный для данного периода, найденный при

объемного просмотре Пражского архива, документ о том, что, по мнению эмиграции, происходило в советской Сибири – абсолютно сказочный текст 1925 г. о похождениях на Алтае «повстанцев генерала Белова». Журнал БРП «Русская правда» в номере за сентябрь-октябрь 1925 г. в разделе «В Советской России (хроника бунтов и восстаний)» повествует о том, что *«в Западной Сибири в Алтайской области до сих пор, уже два года, держится вождь крупных повстанческих отрядов генерал Белов, владея городом Змеиногорском и всей округой. Этим летом ему удалось даже на три дня неожиданным налетом взять Томск, где большая часть коммунистов и чекистов была согнана им в один дом и сожжена. Красным газетам строго запрещено про это писать»* [148, л.92].

Позиции демонстративного невмешательства в дела Советской России придерживались в описываемый период на территории Сибири и немногочисленные там официальные представители иностранных государств. Так, когда в феврале 1930 г. экзальтированный активист действовавшей в Бийске подпольной группы «Народная воля» обратился в германское консульство в Новосибирске с просьбой о финансовой помощи, к последующему разочарованию арестовавших его чекистов он вполне ожидаемо получил от веймарских чиновников однозначный отказ [129, л.150].

8. Пытки и казни

*«У тебя два пути, один ведет к расстрелу, другой в коллектив».
Речь уполномоченного Киселева, Чумышский район, январь 1930 г.*

В этой главе мы рассмотрим экстремальные внутренние практики Органов в ходе подавления ими Сопротивления в СССР.

8.1 Пытки. Вопрос о практике применения пыток в деятельности советской тайной полиции того времени достаточно важен. Во-первых, системное применение пыток еще с конца 19 века маркирует такое государство как варварское. СССР здесь, однако, удалось добиться того, что мировое сообщество десятилетиями закрывало глаза на его чудовищные злодеяния, игнорируя факты жестокостей режима.

Однако, пытки несут и второе, «малое» последствие. Их системное применение во многом обесценивает результаты работы полицейских служб, делая все представленные ими доказательства и разоблачения априори сомнительными.

В целом практика применения пыток в истории российской полицейской корпорации имеет очень глубокие корни. В имперский период пытки неоднократно отменялись/запрещались – что, собственно, само по себе говорит об уровне глубины и болезненности проблемы. И хотя к советскому периоду Россия подошла с историей как минимум нескольких десятилетий без пыток, разделение общества на *«тех кого бьют в полиции, и тех кого – нет»* продолжало оставаться актуальным.

Ак. Дмитрий Лихачев, вспоминая отсидку в юности в концлагере на Соловках (в 1928—32 г.), отмечал, что в практике советской репрессивной системы тогда еще сохранялись остатки табу на избиения представителей образованного класса (с этой целью он демонстративно носил в лагере студенческую фуражку) [202, 1996, 5 марта]. В советские времена, однако, эта граница постоянно сдвигалась – к 1930 г. в твердой зоне «вне пыток» оставалась, пожалуй, лишь советская элита.

Потому уверенно себя чувствовал на допросах в ОГПУ в апреле-мае 1929 г. сосланный в Барнаул как троцкист бывший крупный партиец Лев Сосновский. В протоколах допросов он не скрывает своего брезгливо-иронического отношения «опального боярина» к мелким провинциальным шпикам из ОГПУ. Однако, вскоре, через считанные годы, и «тракцистам» придется испытать на себе все те ужасы, которые нес их режим народу России.

Да и то, в случае в случае серьезных подозрений уже тогда эти ограничения снимались. В качестве примера можно привести бывшего предисполкома Ребрихинского района Павла Долгова. Его поездка в Верхний Уймон в период, когда в горах действовала повстанческая группа Атаманова при разработке дела «Свободных» вызывала у чекистов подозрения, что бывший крупный советский чиновник из красных партизан выступал в качестве связи между повстанцами в горах и такими же группами на территории равнинного Алтая. Долгов, однако, это категорически отрицал. Он не слишком убедительно пояснял сверхдальний вояж намерением сделать фотографии и поехать оттуда через горы на курорт Рахмановские ключи в Рудном Алтае. В следственном деле сохранилась оперативная телеграфная записка высокопоставленного чекиста Яна Краузе, где он фактически открытым текстом требует от работавших с Долговым следователей путем усиления давления понудить его любой ценой дать признательные показания⁵².

Вопрос об истории и динамике применения пыток системно поднимал на сегодня, пожалуй, единственный специалист по истории советской тайной полиции в Сибири – Алексей Теп-

⁵² «т. Сурову. Нужно как следует нажать на Долгова, поторопить доставку нам Скворцова. Краузе» [83, т.5, л.375].

ляков. Однако, если к финалу 30-х годов доказательная база этого применения достаточно широка (и даже включает нормативные документы), в применении к более раннему периоду она сильно истончается.

Где были границы применения пыток в описываемое время?

Можно уверенно говорить о широко распространенной практике давления и угроз, находящейся на грани пыточных практик, например, при вербовке Органами секретных сотрудников. В ряде источников публиковалось ярко подтверждающее это письмо студента медфака Томского университета Николая Пучкина⁵³ Луначарскому [б.д., обнаружено в бумагах Луначарского за 1929 г.], в котором молодой алтайский медик характеризует кампанию давления ОГПУ на него как «пытки» и просит спасти его от участи доносчика (какая-либо резолюция Луначарского на этом архивном документе отсутствует – очевидно, призыв о помощи был проигнорирован). Юноша рассказывает о том, при каких обстоятельствах он стал сексотом ОГПУ в 1925 г. во время работы учителем в соседнем с его родным Павловске селе.

«Мне было в то время 20 лет, жизни я еще не знал, жил все время с матерью. И вот я вскоре подвергся грубому допросу со стороны агента Г. П. У., который с револьвером в руках заставил меня подписать согласие на службу тайным агентом... Моя натура и вовсе не подходит к этой деятельности, я отказывался. Ничего не слушая, агент кричит, что сейчас возьмет и увезет меня в г [ород] Барнаул (в 30 верстах), где я найду скорую кончину в подвале. Таким образом, он вынудил у меня подпись» [99, с. 107]. В дальнейшем (в 1926—28 г.) отказ медика от службы сексота вызвал исключение из вуза, новые угрозы – ссылки, расстрела и поставил его на грань самоубийства.

При этом нужно понимать, что такие угрозы убийством со стороны чекистов выглядели для современников отнюдь не блефом. Так, в октябре 1930 г. прокурор ЗСК сообщал о серии убийств на Алтае сотрудниками Органов в ходе оперативной деятельности: уполномоченный ОГПУ В. А. Гинкен за отказ от дачи показаний убил женщину в Белокурихе прямо во время ночного допроса, а в ночь на 3 сентября «комендант кулацкого посёлка с. Камышанки Алтайского района Синельников убил кулака Фёфелова» [102].

Достаточно типичную практику пыток во время следствия описал один из осужденных по делу «Свободных» – комсомольский активист Михаил Лебедев⁵⁴, попавший в ОГПУ по доносу председельского после конфликта с этим отомстившим ему чиновником. На допросе в ОГПУ в Алейске сам пришедший туда по вызову пешком восторженный представитель первого поколения индоктринированной «сталинской молодежи» был шокирован тем, что оперуполномоченный Майоров обвинил его в разговорах с крестьянами о скором приходе в родное село повстанцев-кулаков. *«Я ему ответил, что я таких вещей не говорил... А он пристаёт, говорит, а то посажу в темную или сейчас буду ломать пальцы дверями, я говорю, что хотишь, делай, но я не говорил. Он тогда вынул из кобуры наган и как меня ударит в левую косицу [висок] и я упал со стула без памяти и вошел в сознание, когда уже голова у меня была забинтована и возле меня стоял врач с тюрьмы, а Майорова уже не было и меня врач отвел обратно в камеру,»* – описывал Лебедев пытки на следствии [83, т.12, с.501]. Тяжело раненный следователем молодой человек 11 дней держал голодовку в камере, *«а потом был доставлен в тюремную больницу, где меня ввели в сознание»* и обманом добились от наив-

⁵³ О личности молодого человека известно немного – он сообщает о происхождении из райцентра Павловск (села Павловского) Барнаульского округа, где живет его мать (отец – сельский фельдшер, умер), там он окончил необходимую для поступления в университет школу 2 ступени.

⁵⁴ Лебедев Михаил Федорович, 1906 г.р., с. Моховское Алейского района, секретарь Моховского сельсовета, секретарь ячейки РКСМ. В 1920—21 г. подростком участвовал в комотрядах против повстанцев из бывших красных партизан – Плотникова, Чайникова, Зыкова. В 1929 г. участвовал в раскулачивании односельчан. 29.7.1930 арестован по делу «Свободных», 3.1.1931 г. осужден Особой Тройкой при ПП ОГПУ по ЗСК по ст.58—11 к 5 годам концлагеря. В 1933 г. освобожден из лагеря на Беломорканале после жалобы на фальсификацию дела. С августа 1941 по сентябрь 1945 – в армии, с 1943 г. член ВКП (б), дважды ранен, контужен, имел военные награды. После войны жил в Бухаре. Реабилитирован.

ного комсомольца подписания пустого протокола допроса (после чего Лебедев был отправлен в концлагерь).

В деле «Свободных» мы можем найти еще один документ, свидетельствующий о вероятности применения к арестованным пыток. Это записка начальника Бийского окротдела ОГПУ Ивана Жабрева в полпредство ОГПУ, касающаяся арестованного, служащего Александра Шурилова⁵⁵. Поскольку бывший партизан отрицал связи с повстанцами, Жабрев сообщил о том, что намерен подвергнуть его особой обработке для получения признания.

«Начальнику КРО ПП ОГПУ по Запсибкраю. 28.9.1930

Шурилов пока при очной ставке твердо придерживается своих старых показаний. Но полагаем, что после некоторой обработки Шурилов все-таки дополнит свои показания.

Начальник Окротдела ОГПУ Жабрев» [83, т.1, л.22—24].

Характерной приметой времени здесь можно считать то, что при обращении к начальству Жабрев пользуется эзоповым языком, избегая прямого упоминания пыточных методов. Впрочем, если даже случайно пристегнутый к делу «Свободных» комсомолец Лебедев едва не был убит на допросе следователем, то Шурилова – сослуживца-партизана и друга лидера «Свободных» Геримовича, видимо, ждала в застенках ОГПУ гораздо более печальная участь.

В то же время, говоря о Шурилове, мы видим с его стороны случай ложного обвинения в примененных к нему пытках. Эта ситуация возникла 12 октября 1930 г. в ходе очной ставки Шурилова с другими арестованными по делу «Свободных» – Митрофаном Сергеевым⁵⁶ и секретарем Вяткинского сельсовета Сергеем Авдеевым. На ставке Сергеев стал жаловаться на упреки Шурилова в слабодушии во время их совместного пребывания в тюрьме. *«Добавляю, что в камере ГПУ он просил меня в показаниях ссылаться на Геримовича. На мое заявление, что я сознался, он ответил, меня давили под ребра железными винтами, я и то не сознался...*

Вопрос к Шурилову: Скажите, кто и когда вас в ГПУ пытал, скручивал бока винтами или прутьями, как вы хвалились Авдееву и Сергееву.

Ответ: меня никто не пытал, об этом ни Авдееву, ни Сергееву я не говорил, это они врут» [83, т.2, л.364].

Широкую картину применения насилия мы видим в то время не только в ОГПУ, но и в деятельности (уже часто не политической) органов НКВД на Алтае. Например, в Быстроистокском районе участковый инспектор милиции Дроздов, допрашивая подозреваемого в краже, направлял ему в лицо револьвер со словами: *«Говори, где вещи, а то пристрелю»*. Допрос происходил по 7—8 раз в день в течение трех суток, сопровождался ударами по голове, туловищу, лицу. А в 1931 г. младший милиционер Баевского РУМа Крючков, возвращаясь из командировки, находясь в пьяном виде, начал проверять документы у встреченных им крестьян, после чего порвал документы. На замечание одного из крестьян о недопустимости подобных действий мгновенно застрелил его из нагана [137, с.156, 158].

В целом сохранившаяся картина применения пыток свидетельствует об их распространенности прежде всего «на периферии» деятельности Органов. Документы того времени сохранили нам свидетельства более частого применения пыток к людям низкого социального статуса и в отдаленных подразделениях. Исключения из этого правила допускались в то время обычно, когда признание арестованного представлялось особо значимым (например, для критически важного расширения масштаба конструируемого чекистами и находящегося

⁵⁵ Шурилов Александр Николаевич (1892—1931) Служащий Союзхлеба, Уч-Пристань, б. партизан (21 партизанский полк), до 1926 г. кандидат ВКП (б), исключен за отрыв от ячейки. Арестован 30.7.1930 (ст.58—11), как друг лидера «Свободных» Тихона Геримовича, отрицал это, но в финале дал признательные показания. Особой Тройкой при ПП ОГПУ по ЗСК осужден к ВМН, 13.1.1931 казнен в Барнауле. Реабилитирован.

⁵⁶ Сергеев Митрофан Михайлович, 1886 г.р., крестьянин с. Усть-Журавлиха Усть-Пристанского района, арестован 15.9.1930, по показаниям Авдеева, 5 лет ЛС (по ст. 58—11).

«на контроле» сверху заговора). Но даже в этих случаях организаторы пыток активно пытались не оставлять следов их применения в документации.

Существенным также представляется в условиях ничем не контролируемой власти применение пыток из садистских побуждений. Алтайский «полицейский историк» приводит в этой связи относящийся к данному периоду, но вполне узнаваемый и сегодня, факт: замначальника милиции Усть-Пристанского района Ильин и младший милиционер Пахомкин, задержав без достаточных на то оснований пьяного рабочего, после того, как он оказал сопротивление, уложили его на землю и ввели ему в горло загнутым концом железную трость. В результате рабочий скончался от пищевого прокола горла и повреждения внутренних органов, вызванных избиением [137, с.157].

При этом с уверенностью можно говорить об отсутствии в это время в практике тайной полиции в российской провинции высокотехнологичных способов пыток. Различного рода хитрая полицейская химия и сложная машинерия для застенков – это приметы несколько более позднего времени (хотя отдельные факты применения в столичных условиях могли иметь место и к 1930 г.). Собственно, и позднее все это в провинцию проникало очень туго.

Также нет информации о применении к арестованным квалифицированных пыток, ставших характерной приметой для Органов с середины 30-х годов (длительная выстойка на допросах в неудобной позе, длительное же лишение сна и т.п.). Все сохранившиеся случаи применения пыток к 1930 году описывают их как избиения разной степени тяжести, иногда, как видим, переходящие в откровенно садистические развлечения.

А вот сохранение формального «антипытчного» контроля в рамках следствия ОГПУ в 1930 году отмечается очень широко. Речь идет о процедуре медосвидетельствования подследственных перед оформлением обвинительного заключения и вынесения решения об их судьбе.

Не во всех, но в большинстве архивно-следственных дел перед предъявлением обвинительного заключения проводилось медосвидетельствование обвиняемых. Во многих делах сохранились пачки таких актов, например в деле каменской ДБОССР [106, л.154—165] или в отношении барнаульских интеллигентов по разработке «Повстанцы» [117, л.43—56]. Эти документы довольно лаконичны, однако все же содержат признаки реального осмотра арестованных врачом – индивидуальные ремарки типа «малокровие», «бронхит», «кашель». Однако, речь не идет о независимом свидетельстве врача (если вообще в ситуации того времени вообще можно говорить о каких-либо независимых от советской диктатуры оценках). Эта процедура проводилась в рамках ОГПУ, его штатным сотрудником, председательствующем в комиссии и врачом. Даже бланк свидетельства являлся документом не медучреждения, а ОГПУ (с его грифом). Поэтому оценивать такие документы с точки зрения реального противодействия пыткам возможно лишь как формальные.

Здесь можно упомянуть уже всю работавший в то время в Органах в условиях ликвидации внешнего контроля принцип корпоративной солидарности, основанной на круговой преступной поручке. Его массовую распространенность признают не только критично настроенные к деятельности советской репрессивной машины историки (Алексей Тепляков), но и те из них, кто настроен к ней вполне благожелательно.

Так, «полицейский историк» Денис Кузнецов делает на этот счет вывод: *«Имела место так называемая „круговая поручка“ среди работников правоохранительных органов, а также действовал принцип корпоративизма, т.е. руководство в системе РКМ стремилось не придавать гласности информацию, которая могла скомпрометировать ведомство... На практике это часто вело к сокрытию фактов, безнаказанности и увеличению числа противоправных действий со стороны милиционеров в отсутствие должного контроля»* [137, с.159].

8.2 Казни. Регулярные (и все более массовые) казни политических противников стали визитной карточкой советского режима с первых дней его существования. Призывами к ним

переполнены документы его создателя – Владимира Ленина. В первые годы советского режима казни проводились с минимальным вниманием к формальностям – просто по праву сильного.

В 1922 г. был принят первый УК РСФСР, однако реальная практика казней от этого изменилась слабо. УК относительно широко (хотя и не повсеместно) применялся в узкой сфере казней по суду, в то время как основное поле бессудных казней, занимаемое советской тайной полицией, преимущественно продолжало его игнорировать.

К 1930 г., в описываемое время, средний процент осуждаемых на казнь по архивным документам на Алтае можно оценить примерно в 20% от количества осужденных по политическим делам.

8.3 История казней. Свидетельств практики применения казней во времена первой Советской власти на Алтае (т.е. в период с конца 1917 г. до июня 1918 г.) сохранилось мало. Нет даже ясного понимания того, проводились ли экзекуции напрямую красногвардейцами или большевики все же успели развернуть здесь структуры своей тайной политической полиции – ЧК?

[4, 1926, 20 мая]

Барнаульский совдеп в то время имел в Сибири неофициальную репутацию одного из наиболее жестоких. Однако, сказать что-либо определенное о его карательной практике на сегодня нет данных. Сохранились, однако, свидетельства того, как были организованы в те месяцы казни в соседнем Новониколаевске. Томская газета «Сибирская жизнь» в репортаже

о падении Соввласти там описывает найденный большевистский каземат для экзекуций – одну из камер на гауптвахте бывшего 17-го запасного стрелкового полка в Военном городке.

«Полы и нары покрыты запекшейся кровью. Доски нар и на другой своей стороне, когда их перевернули, оказались сплошь покрыты кровью и так истыканы штыками, как будто на них рубили котлеты. В одном месте на стене висит прилипший кусочек человеческого мяса, на стенах – брызги крови. Кого здесь убивали? Общее мнение говорит об убитых здесь во время осадного положения⁵⁷ грабителях, ворах-рецидивистах, хулиганствующих красногвардейцах и армейцах, снятых с поезда «семеновцах», – писал журналист, упоминая также о казни в то время ряда горожан [251, с.21]. Впрочем, больше шансов погибнуть от пуль и штыков красногвардейцев у горожан было тогда во время уличных облав и обысков, сопровождавшихся мало отличимыми от грабежей конфискациями.

Претензии к деятелям Барнаульского совдепа и то, что город стал единственным местом в Сибири, вокруг которого велись жестокие бои между красными и белыми, возможно, стало поводом для последовавшего здесь белого террора. В отличие от большевиков, последовательно сменявшиеся в Сибири белые режимы декларировали возврат к правовой форме организации. Это, однако, не отменяло неизбежных в условиях их слабости эксцессов на местах. Организаторами их были офицеры – участники антибольшевистского подполья, а позднее эта роль перешла к т.н. «атаманщине», связываемой прежде всего с именами Анненкова, а на востоке Сибири – Семенова. Казни в Барнауле проходили в форме расстрелов – за городом или на городских кладбищах, иногда – в тюрьме или во время конвоирования.

Количество казней в ходе белого террора в Барнауле в 1918 г. оценивалось советскими историками в несколько сот человек (называлась цифра в 400—500 человек). Верифицировано (известны обстоятельства казни или хотя бы имена), однако, только лишь около 10% людей – преимущественно деятелей совдепа, большевистских активистов и красногвардейцев. Так, например, на наиболее массовом месте казней – Нагорном кладбище – справочник проф. Уманского сколько-нибудь уверенно идентифицирует лишь 17 жертв [263, с.18].

Можно предположить, что число жертв белого террора в Барнауле могло быть серьезно завышено. Представляется маловероятным, что суперактивно использовавший впоследствии в пропаганде эту тему советский режим на Алтае⁵⁸ отказался бы в 20-е годы восстановить полный мартиролог жертв, ограничившись немногочисленными известными с тех пор именами. Еще одним аргументом в пользу сомнительности такого значительного пула жертв является отсутствие массовых претензий от их родственников на социальные льготы. В 20-е годы органы гражданской власти в Барнауле (как и везде) практически на каждом заседании рассматривают многочисленные ходатайства частных лиц на соцльготы, выплаты, пенсии и т.п., сопровождаемые апелляциями к разной степени сомнительности революционным заслугам – своим или близких родственников. Однако, среди этого потока архивные документы практически не сохранили ожидаемые сотни подобных обращений от семей барнаульцев, казненных во время белого террора.

Более обоснованными выглядят сообщения о белом терроре и казнях в алтайских селах, преимущественно связываемых с сибирской «атаманщиной» (например, с рейдами подразделений Барнаульского полка голубых улан, вошедшего в дивизию Анненкова). Но и здесь поле для работы профессионала открыто. Тема террора и казней как времен первой Соввласти, так и белых режимов явно нуждается в специализированном исследовании историков.

⁵⁷ Осадное положение в Новониколаевске (а также на Алтае – в Славгороде и Камне-на-Оби) в связи с ростом антибольшевистских настроений вводилось Совдепами в марте-апреле 1918 г.

⁵⁸ В те годы активной разработкой в деталях недавней революционной истории (в т. ч. Гражданской войны) в Барнауле занималась большая группа просоветских историков – созданный при Алтгубкоме РКП (б) Истпарт, а также близкая к советскому режиму группа «Краевед».

В целом, однако, ситуация тех лет однозначно свидетельствует о разгуле террора всех участников революционных событий. *«Ценность жизни превращается в фикцию, достояние – в случайность. Власть вмешивается во все. По поводу и без повода люди убиваются пачками – ad majorem gloriam революции и контрреволюции. Суда и гарантий нет. Апеллировать не к кому. Гражданин превращается в улитку, которую может безнаказанно раздавить каблук любого комиссара»*, – так оценивал эти времена и противостоящие в них силы П, Сорокин [258, с.334].

Приход второй Советской власти на Алтай начался с короткого (декабрь 1919 – январь 1920), но кровавого периода террора красных партизан в захваченных городах (Кузнецк, Барнаул), а также и в сельской местности. Перехвативший у них власть режим Ленина первое время также был довольно хаотичен в политике экзекуций.

В первые годы Советской власти на Алтае (1919—1921) единой территории совершения казней не было – расстрелы производились как в городах, где действовала политическая полиция, так и на местах – в селах, в полях и лесах, где преимущественно было поле для карательных отрядов, команд и просто для карательной самодеятельности групп местных просоветских активистов. Многочисленные свидетельства того времени повествуют о том, что казни заложников, повстанцев и т. д. могли совершаться практически повсеместно.

Казни же в Барнауле предварялись расследованием в АлтгубЧК, кстати, с крайней обидой относившегося к подозрениям барнаульцев в широком применении бессудных расстрелов. *«Враги Советской власти распространяют по городу ложные слухи, что будто бы Губчека расстреливает много граждан и не публикует об этом в газете. Сообщаем, что все постановления коллегии... о применении высших мер наказания – расстрелах и исполнении таковых... своевременно публикуются в местной газете „Алтайский коммунист“. Лица же, уличенные в распространении заведомо ложных провокационных слухов, понесут строжайшее наказание, как враги рабоче-крестьянского правительства»*, – публично негодовал первый руководитель АлтгубЧК Иван Карклин [226, 1920, 2 марта].

Бессудные казни же «на местах» могли быть произведены во исполнение Обязательного постановления Алтгубисполкома, обещавшего расстрелы обвиненным в пособничестве повстанцам *«даже в таких случаях, если это содействие будет не прямое, а косвенное, и совершенно незначительное»*, либо в виде расстрела заложников, *«которые будут расстреливаться в количестве 10 человек за каждого убитого коммуниста или ответственного советского работника»* [4, 1920, 10 сентября].

Заявленный Совластью на Алтае градус репрессии выглядит предельно жестоким. Так, в изданной по горячим итогам Антоновского восстания Тамбовским губкомом РКП брошюре упоминался приказ №130 полномочной комиссии ВЦИК, по которому *«семьи и все имущество бандитов объявлялись заложниками. За укрытие бандита грозил арест и расстрел»* [214, с.45—46]. Однако, казни заложников на Алтае по принципу 1 к 10 даже на этом фоне выглядят исключительными. Часто, впрочем, в тот период расправы представителями режима совершались просто «по праву силы» – и казнимых никто не считал.

Своего рода символическим памятником той эпохи на Алтае, видимо, можно считать безвестную могилу группы молодых людей из села Сорочий Лог, расстрелянных в ходе подавления Сорокинского восстания (и закопанных в овраге за околицей села), где впоследствии в 1925 г. открылся привлекавший тогда тысячи православных паломников «Святой ключ».

Стоит также отметить, что и антикоммунистические повстанцы – и на Алтае, и в целом в Сибири – не отличались гуманизмом, ни когда они еще были красными партизанами во время Гражданской войны, ни когда воевали с Красной армией и комотрядами в начале 20-х годов. Впрочем, едва ли можно было ожидать иного от почувствовавших свою силу, обозленных и малограмотных людей.

Известно много рассказов о жестоких расправах повстанцев с советскими активистами во время восстания Плотникова (хотя некоторые из них можно признать вызывающими сомнения в связи с зашкаливающей политической ангажированностью авторов). Среди историков известен подробно освещающий эту тему мемуар ставшего пленником сибирских повстанцев в 1921 г. советского активиста Ивана Ленского-Зыкова «Дневник кровавого пути» [220]. Написанный по горячим следам, в 1923 г., он не связан с Алтаем, но живо и ярко описывает типичный для того времени разгул диких нравов в среде сибирских крестьян-повстанцев. Характерно, что едва не погибший от истязаний в повстанческом плену автор, упоминает череду встретившихся и спасших его добрых людей, среди которых на первом месте – представители сельской интеллигенции, фельдшер и священник.

А. Тепляков также приводит связанный с последствиями таких ситуаций пример – столяра из Барнаульского уезда Андрея Федоровича Щербакова, ставшего при Советах палачом из чувства мести за замученную белыми карателями жену. Дважды с проблемами покинув Красную армию, чтобы стать чекистом в Новониколаевске, он нашел там выход своим чувствам в роли занимающегося казнями сотрудника комендантской службы и коменданта концлагеря [238, с.28—29].

8.4 Формы казней. Форма казни в СССР была в то время универсальной – расстрел (иногда она прямо так и указывалась в документах – но чаще в ходу были различные эвфемизмы). Формы расстрела могли быть разными, но чаще всего практиковалось убийство несколькими выстрелами из револьвера в затылок.

А. Тепляков описывает несколько актов о казни (по приговорам суда), составленных старшим горсудьей Бийска Прапорщиком. Судья *«изошрлся, в деталях описывая способ казни во всех составленных им актах: так, над расстрелянным 27 марта 1933 г. «за хищение соц. собственности» Е. М. Чурилиным «приговор в 23 часа 25 минут приведён в исполнение посредством произведения четырёх выстрелов из нагана в область затылочной части головы...»; осуждённого по указу от 7 августа 1932 г. А. М. Киреева казнили 7 апреля 1933 г. «через посредство выстрела двух пуль из нагана в голову»; двух осуждённых по этому же указу казнили 15 августа 1933 г. «через посредство выстрела из револьвера системы «Наган» в область задней части затылка»* [238, с.32—33].

На практике, однако, в раннесоветские годы мы иногда встречаем и применение других методов уничтожения людей: удушение удавкой, запарывание шомполами, утопление, замораживание, сожжение, закапывание живыми. В ходе крестьянских восстаний (и не только) часто встречались казни холодным оружием (еще в 1923 г. казнимых даже в Барнауле могли рубить пашками).

После Гражданской войны в этой сфере советский режим стал стремиться к единообразию (т.е. расстрелам). Однако, впоследствии, с ростом количества смертных приговоров и нарастающим разложением Органов, в 30-е годы вновь стали отмечаться случаи различного рода садистских умерщвлений приговоренных. В Куйбышевском оперсекторе Новосибирской области в 1937—38 г., например, до трети казненных были убиты чекистами с помощью удавки, также практиковались убийства ударами ногой в пах, раздирание рта, выворачивание с помощью специнструмента зубов и т. п.

В чудовищной обстановке возникали даже устойчивые циклические легенды на эту тему, признанные, впрочем, историками тюремным фольклором. Например, это бытовавшие в целом ряде регионов Советской России передаваемые среди заключенных рассказы о «гигантской мясорубке» в чекистских подвалах. *«Ходили упорные слухи о тюремной мясорубке. Вызывают будто в подвал, где он попадает под ножи и мялку специального аппарата и уничтожается, а потом получившаяся кровавая каша, разбавленная химическими средствами выбрасывается через канализационные трубы,»* – так передавал этот услышанный во время заключения (1936) в Челябинской тюрьме рассказ Иван Ленский-Зыков [220]. Видимо, таким образом сознание

оказавшихся в застенках людей пыталось осмыслить бесчеловечный характер советской карательной машины, с которой они столкнулись лицом к лицу.

8.5 Захоронение казненных. Тела казненных хоронились в тайне. В посвященной процедуре раннесоветских казней работе А. Тепляков анализирует документы сибирской прокуратуры 20-х годов, делая вывод, что *«техника расстрелов (а нередко и сами казни) тщательно скрывались от общества»* [238, с.7]. Если сведения о немногочисленных казнях по суду (после введения УК) все же передавались родственникам, то в случае внесудебных казней получить их часто было невозможно: Органы на местах отказывались их давать или сообщали ложные сведения типа «отправлен на Соловки». Сибпрокуратура в 1925 г. рекомендовала прокурорам на местах обеспечить передачу данных о казнях родственникам – но исключительно в устной форме. Письменные справки о казни родственника формально тогда можно было взять в ЗАГСе, но фактически он чаще всего не мог получить такую информацию ни от НКВД, ни от ОГПУ. В финале, в 30-е годы эта практика эволюционировала в тотальную выдачу ложных справок об осуждении казненных «на 10 лет лагерей без права переписки».

В середине 20-х, когда количество казней было ограничено, известны документированные примеры сдачи Органами (например, комендантской службой полпредства ОГПУ по ЛВО) трупов казненных в морг дежурной городской больницы – для освидетельствования и последующего анонимного погребения (вероятно, на общегражданских местах погребения в рамках процедуры для безвестных и невопросованных трупов). Однако, данных для вывода о том, что эта практика носила в те годы повсеместный характер, недостаточно.

Впрочем, и в сохранившихся в архивах и доступных сегодня первичных документах о казнях место их совершения обычно не фиксировалось, лишь иногда указывалось приблизительно: *«трупы их преданы земле и закопаны в 3 клм от ст. Топчиха»*, *«труп его предан земле и закопан в 4 клм от ст. Топчиха»*, двух человек расстреляли *«на территории ст. Алейская»*, *«погребены в могиле на степи, в расстоянии от г. Славгорода на 17 клм»* [238, с.40].

Небрежное отношение к процедуре захоронения тел казненных характерно для всех 20-х годов, делает вывод исследователь, т.к. исполнение инструкций требовало конвоя, инструментов, заблаговременного рытья могилы где-то в глуши (что было особо непросто сибирской зимой). В этой связи все 20-е годы в Новосибирске чекистами практиковалось сбрасывание трупов в Обь. Акты о казнях свидетельствуют, что безлюдными зимними ночами жертв вывозили к городской проруби для полоскания белья (с сооруженной поверх нее «теплушкой»), убивали, а тела спускали под лед, после чего прибирали там до прихода местных жителей [238, с.45]. Аналогичные данные о сбрасывании трупов казненных в реку есть также и на Алтае.

8.6 Места для казней. Сохранившиеся свидетельства о казнях в регионах России в начале 20-х годов в основном говорят о том, что они проводились малыми группами (при необходимости, с разбивкой большой группы обреченных на малые партии), чаще всего в дальних углах двора здания Органов, либо в его подвале.

Яркую картину чекистского расстрельного подвала в первый год Соввласти оставил член Сибревкома В. Н. Соколов, в июне 1920 г. обследовавший работу Енисейской губЧК, чье руководство во главе с В. И. Вильдгрубе за несколько недель расстреляло более 300 человек (считается, что именно здесь писатель Заzubрин собирал материалы для своей знаменитой повести «Щепка»). В телеграмме, адресованной в Сиббюро ЦК РКП (б), Соколов сообщал: *«Расстреливали в подвалах на дворе. Говорят о пытках в этом подвале, но, когда я его осматривал, [он] оказался закрытым, и я подозреваю, что его подчистили. Кровь так и стоит огромными черными лужами, в землю не впитывается, только стены брызгают известью. Подлый запах... гора грязи и слизи, внизу какие-то испражнения. Трупы вывозят ночью пьяные мадьяры. Были случаи избиения перед смертью в подвале, наблюдаемые из окон сотрудниками чека. Отбираемые все запасы, ценности не сдаются, а остаются в распоряжении чека»* [238, с.36].

С отходом от ужасов Гражданской войны и структурированием советского режима (ориентировочно, с 1922 г.), количество мест казней на Алтае стало сокращаться, а их ритуал формализовываться, стягиваясь в алтайскую столицу. Так, если в 20-е годы казни осужденных совершались во всех шести алтайских городах – центрах уездов/округов, то после их ликвидации летом 1930 г. это сохранилось лишь в Барнауле, Бийске и Улале (Горно-Алтайске). Рубцовск, Славгород и Камень-на-Оби временно перестали быть местами казней – после ликвидации там окротделов ОГПУ, а в конце 1930 г. и Домзаков [137, с.89]. В 30-е годы казни там, впрочем, возобновились и могли уже проводиться тогда практически в любом из гор/райотделов [238, с.13,31].

Однако, ни одного документа о том, как и где конкретно совершались казни в Барнауле в 20-е годы (здесь до 1925 г. базировалась губернская политическая полиция, а с 1925 по 1930 г. – окружная), исследователями по сей день не обнаружено.

«Расстрелы производились не только в подвалах губчека, но и в укромных местах на окраинах городов – как правило, ночью. Иногда во время конвоирования осуждённым удавалось бежать,» – отмечает на основе вторичных документов А. Тепляков, приводя в пример случай 1925 г., где описана организованная алтайскими чекистами в 1920 г. экзекуция. Осуждённый в июне 1920 г. АлтгубЧК на казнь за к/р деятельность при белых Т. И. Морозов (он же В. М. Колпаков) во время расстрела тогда был лишь ранен и, потеряв сознания, упал в ров (т.е. казнь видимо проводилась за городом). *«Придя в себя, он выбрался из общей могилы и затем успешно скрывался от властей в течение пяти лет (о том, как следует поступить с обнаруженным Морозовым-Колпаковым⁵⁹, сибирская прокуратура в 1925 г. запрашивала вышестоящие власти)»* [238, с.15].

Несмотря на предельную скудость источников, это не мешает некоторым исследователям делать по этому поводу категоричные заявления. *«В домах заключения, расположенных в Алтайской губернии, приводили в исполнение высшую меру наказания – расстрел. В городе Барнауле обычным местом приведения в исполнение смертных приговоров были Нагорное кладбище и территория станции Присягино, где некоторые трупы даже не закапывали в землю, просто сбрасывали в реку,»* – заявляет (применительно к периоду до 1925 г.) без ссылок на документы «полицейский историк» из Барнаула [136, с.177].

8.7 Изумрудный, Ползуново, Присягино и далее... Действительно, можно уверенно сказать про использование этих двух площадок – Нагорного кладбища и Присягино – для казней и захоронения жертв в период антибольшевистского террора второй половины 1918 г. в Барнауле (связанного с именами его организаторов и исполнителей Авенира Ракина, Виталия Бархатного и др.).

Этот список можно даже расширить, вспомнив еще три локации, отмеченные памятными знаками как места захоронений казненных в это же время – в парке Изумрудный (б. Кресто-Воздвиженское кладбище), на ст. Алтайская (Новоалтайск) и на ст. Ползуново (12 км от центра Барнаула по жд линии на Семипалатинск).

Первая из них, впрочем, выглядит довольно сомнительной. Хотя сам факт захоронения на ныне «парковом» кладбище жертв белого террора весьма вероятен, однако эта тема для внесения полной ясности нуждается в тщательной работе историков и заслуживает специальной монографии.

Краевед Владимир Терёшкин ссылался на известную ему публикацию в тогдашней официальной советской газете Алтгубернии «Алтайский коммунист» (25.4.1920). В ней, по его словам, местный житель выражал возмущение тем, что на этом кладбище на тот момент было несколько растаявших после первой «советской» зимы в Барнауле незарытых ям с человеческими телами (братские могилы были вскоре зарыты красноармейцами). Однако, такого

⁵⁹ Ни под одной из фамилий этот человек в книгу памяти Алтайского края не внесен.

номера издания нет среди держателей фондов «Алтайского коммуниста» – ни в коллекции Алтайской краевой библиотеки, ни в библиотеке Томского университета. Не ясно также и происхождение тел предположительно казненных (кроме более чем вероятной их связи с соседней городской тюрьмой).

Терёшкин выражал уверенность, что речь идет о заключенных тюрьмы, казненных в последние дни пребывания в Барнауле белого гарнизона полковника Камбалина. Однако, можно уверенно говорить, что в последние дни белой власти в Барнауле таких казней не было и тюрьма 10 декабря без боя перешла в руки красных партизан со всеми заключенными. Этот вопрос подробно освещен в мемуарах руководителя большевистского подполья в Барнауле. *«Они начали эвакуацию и готовили вывести и расстрелять всех сидящих в тюрьме – около 400 человек,»* – делился своими страхами тех дней он. В ответ большевистский комитет выпустил листовку, где *«было прямо сказано, что приведение в исполнение плана уничтожения арестованных и расправы с рабочими приведет к тому, что все захваченные белогвардейцы и буржуазия будут уничтожены вместе с семьями»* [253, с.144]. В итоге, тюрьма была захвачена подпольщиками, а просоветские заключенные освобождены. Сомнительно, что честный вояка Камбалин действительно готовил такую чудовищную гекатомбу, однако факт ухода белого гарнизона без каких-либо расправ не вызывает сомнения.

Напротив, существуют уже советские документы о массовом терроре в Барнауле, устроенном красными партизанами в декабре 1919 г., в первые дни после его занятия (и об использовании ими для этого тюрьмы). Тогда в городе проходили бессудные и недокументированные расправы, жертвами которых стали минимум 250 горожан (обнаруженных в тюрьме после прихода в город Красной армии⁶⁰) и подвергнутых партизанами грабежам и истязаниям [213, л.13—13об]⁶¹.

Случайно же найденное при строительных работах в 70-е годы объемное коллективное захоронение, действительно было расположено на окраине б. кладбища, в сотне метров от существовавшего столетие назад комплекса строений городской тюрьмы. Администрация парка в настоящее время связывает его с якобы существовавшим на этом месте то ли с 30-х, то ли с 1957 г. мемориальным знаком якобы казненным здесь просоветским активистам (впоследствии при неясных обстоятельствах уничтоженном). Подтверждающие это документы, однако, в публичный научный оборот не вводились. На сегодня нет ответа: действительно ли там лежат останки жертв антибольшевистского террора – либо, что более вероятно, наоборот – террора красного. Нет даже уверенности в насильственном характере смертей похороненных там (массовое захоронение на кладбище, например, могло возникнуть после эпидемии⁶²) – документы исследования останков никогда не обнаружались и неизвестно даже, существуют ли они.

Отмеченное памятником в современном Новоалтайске место захоронения вывезенных туда и расстрелянных в ноябре 1918 г. в роше пятерых советских активистов вполне аутентично, однако для нас малоинтересно – это все же случайная и довольно населенная локация, малопригодная для многолетних регулярных казней (не удивительно, что трупы расстрелянных там были вскоре найдены местными жителями и опознаны).

⁶⁰ Участниками расправ могли быть в то время даже и представители регулярных частей Красной Армии. Так, например, в Барнаульской тюрьме отбывал тогда 2-летний срок (полученный по приговору реввоен трибунала) красноармеец 232 полка Гаирфан Ахмадеев. В конце 1919 г., назвавшись комиссаром, он арестовал трех граждан, из коих одного при аресте избил прикладом и руками, а другого освободил, сняв предварительно с него шинель и френч, отдав ему свое худое [186, л.1].

⁶¹ Данных о числе жертв красного террора в те дни в Барнауле в архивах не найдено, но список горожан, исчезнувших без вести на рубеже 1919—20 г., свидетельствует о том, что их количество могло быть значительным.

⁶² В конце 1919 – 20 г. в Барнауле, как и везде в Советской России, свирепствовала эпидемия тифа. По оценкам врачей, смертность от нее составляла тогда в городе 5% от заболевших. При этом среди неблагополучных групп («алкоголики») смертность доходила до 25%. [226, 1920, 6 марта].

Справочник проф. Уманского упоминает в Барнауле еще несколько мест вероятных казней времен белого террора – подвал дома контрразведки (ул. Пушкина,40), Дунькина роща, пер. Мостовой (ул. Горького) в районе Хлебной площади [263, с.19—20]. Но все они носили случайный характер и никак не могли стать местами казней в советский период.

По такой же причине малопригодным для казней в раннесоветское время было и Нагорное кладбище, расположенное внутри еще более плотной городской застройки.

Аутентичность возникшей в нынешнем виде в 1957 г. мемориальной площадки на месте казней на ст. Ползуново не вызывает сомнений. Несмотря даже на то, что в реестр Объектов культурного наследия Алтайского края она внесена под странным названием «Братская могила партизан»⁶³ [144] (соседнее с захоронением заброшенное сейчас РЖД старинное здание ж.д. станции, где установлена старая мемориальная доска о том, что именно здесь в июне 1918 г. и проходили казни «Борцов за Советскую власть», в реестр вообще не внесено). Нельзя, впрочем, исключать, что основанное на справке 1949 г. название имеет в виду другую могилу, находившуюся в 200 м к юго-востоку от упомянутой.

Данных о личностях похороненных в Ползуново и их количестве нет. Вероятно, что останки могли быть собраны уже после возвращения Соввласти на Алтай, спустя полтора-два года после казни и, возможно, не опознаны. Да это было и невозможно, в случае, например, если это были тела воевавших в Барнауле на стороне Советов мало кому известных здесь поименно бывших венгерских военнопленных (именно они в июне 1918 г. были оставлены в районе вокзала в Барнауле прикрывать отступление из города красных – и версия об их казни в Ползуново после пленения выглядит вполне вероятной).

Заброшенный ныне РЖД старый вокзал в Ползуново, возле которого проходили казни в 1918 г.

⁶³ Никакого партизанского движения на Алтае в июне 1918 г. не было.

Во всяком случае, то, что старые памятные таблички уверенно относят эту казнь именно к июню 1918 г. (время падения первой Советской власти в Барнауле), позволяет рассматривать утверждение о «Борцах за Советскую власть» как обоснованное.

Хотя и здесь можно вспомнить о том, что именно через ст. Ползуново прошли эшелоны с отступавшими в июне 1918 г. из Барнаула (на ст. Алейская) советскими войсками и активистами. Писатель и историк Андрей Вдовин упоминает, что перед эвакуацией ими были взяты 40 заложников из числа барнаульцев, жизни которых должны были обеспечить выход красных эшелонов из Барнаула [145].

Известно, впрочем, письмо начштаба этой группы красных Дмитрия Сулима, отправленное им 19 июня со ст. Алейской Леониле Гук в Барнаул.»[Мы отпустили всех] *подозреваемых, задержанных в Барнауле и по дороге. Ни одной казни не было, и пока я буду в силах сдерживать* [наших людей] – *не будет,*» – успокаивал он свою молодую жену, признавая, впрочем, что ситуация среди его подчиненных лишь в шаге от массового террора: «*Сегодня озлоблены отступлением и недалеко было до самосуда...*» [253, с. 117].

Сулим, однако, нетипичная фигура в рядах алтайских красных. Бывший учитель, доброволец 1 Мировой, офицер, и как мы видим – человек чести и гуманист – если бы он не погиб в финале рейда группы Сухова, едва ли бы он долго сумел находить общий язык с большевиками (Сулим был членом ПСР и несколькими месяцами ранее даже был избран на министерский пост в антибольшевистском правительстве Дербера – но предпочел этому быть с новыми товарищами до конца на Алтае).

Писатель-краевед Сергей Ужакин, в свою очередь, утверждал, что на ст. Ползуново была расстреляна «*большая группа рабочих барнаульского депо*» и публиковал в местной прессе душеспитательные подробности казни – «*чудовищного пикника*» с духовым оркестром, вышшим светом города, дамами, детьми и кружечным сбором. К сожалению, краевед счел излишним подтвердить свою глубокую осведомленность ссылками на документы. Справочник проф. Уманского, ссылаясь на неких неназванных свидетелей, также излагает нечто подобное, называя жертвами казни именно венгров из оставленной на вокзале группы прикрытия и нескольких железнодорожников из Бийска [263, с.20].

Как бы то ни было, удобная по транспортной доступности и малонаселенная местность возле Барнаульского ленточного бора у ст. Ползуново (как и покрытые озерами и протоками Оби заливные луга у ст. Присягино), действительно, достаточно удобны как регулярное место для тайных казней и захоронения единичных жертв и малых (до 10 человек) групп людей.

Можно не без оснований предположить, что эти места в течение ряда лет могли продолжаться использоваться чекистами и после прихода в Барнаул второй Советской власти. Однако, между – пусть и обоснованным – но лишь предположением, и категоричным утверждением об этом – дистанция огромного размера.

Говоря о вероятных местах совершения казней персональных (и малых групп) в начале и середине 20-х годов в Барнауле, можно также указать:

– Ныне несуществующий комплекс зданий старой городской тюрьмы – «Дом лишения свободы» (на месте современного Алтайского краевого колледжа культуры и искусств на пр. Сибирский).

– Территорию Барнаульского концлагеря⁶⁴ (с 6.9.1920, три одноэтажных деревянных здания, б. лагерь военнопленных I Мировой) [209, л.217об].

⁶⁴ В докладе президиума Алтгубисполкома (на 1 квартал 1922 г.) содержится весьма живописное описание концлагеря, показывающее, что погибнуть в нем было весьма вероятно и без смертного приговора, однако как место для регулярных казней эта площадка едва ли была пригодна. «*При обследовании концентрационного лагеря принудительных работ найдено, что лагерь – сарай довольно большой вместимости; отапливается при сорока градусах мороза двумя печами, что почти не давало никакого тепла. Весь сарай, служащий местом заключения арестованных, загроможден нарами, ничем не покры-*

– Здание Алтайской губЧК/Алтгуботдела ГПУ (1920—1922), ул. Анатолия (б. Павловская), 96/98 //Особый местный батальон при АлтгубЧК (1920), ул. Анатолия (б. Павловская), 113 (номера домов не актуализированы).

– Здание Алтгуботдела ОГПУ/Барокротдела ОГПУ (1923—1925), ул. Б. Олонская, 13.

– Здание Барнаульского окротдела ОГПУ/оперсектора ОГПУ (1925—1932), ул. Короленко, 63. Архивно-следственные дела свидетельствуют о том, что здесь располагались несколько камер, где на следствии содержались наиболее важные заключенные. Кроме того, на следующем участке (с ныне несуществующим номером 65) располагалась б. усадьба предпринимательского семейства Кульмаметьевых, где в 20-е годы квартировал конвойный батальон). Строения усадьбы сейчас полностью уничтожены, однако ранее там находилось большое количество примыкающих к зданию ОГПУ вспомогательных каменных помещений (среди предприятий татарской купеческой семьи был кирпичный завод), где чекистам было возможно на уже и без того режимной территории легко и дешево оборудовать малый расстрельный каземат.

– Среди мест заключения в 20-е годы также упоминаются Каталажные камеры Баргормилиции, однако использование их как места казней сомнительно. Губернское управление милиции в 1922 г. описывало это место так: «*Арестный дом Горюездной милиции помещен на Никитинской улице дом №66 в нижнем этаже, занимая два помещения, под камерами и караульным помещением...*» [187, л.3]. Помимо довольно жалкого состояния милицейской тюрьмы того времени, чекисты уже тогда крайне ревниво следили за тем, чтобы милиция «не залезала» на поляну тайной полиции⁶⁵ (каковая и была сопряжена с регулярными казнями).

8.8 Палачи. Непосредственно расстрелами занималась комендантское подразделение ОГПУ – это была не единственная, но, пожалуй, основная его обязанность. «*С точки зрения чекистов, хороший начальник тюрьмы или комендант – это штучная должность, требующая человека закалённого и проверенного. Такими кадрами дорожили всё время, поэтому и в центре, и на местах исполнители приговоров были весьма важными персонами,*» – этот вывод делал собравший большую фактуру о деятельности этих подразделений А. Тепляков. Большой процент сотрудников таких подразделений рекрутировался из союзных советскому режиму нацидаспор (например, в Сибири – из латышей, встречались также венгры). «*Латыши, мадьяры, китайцы были на заре ЧК и вспомогательным персоналом при массовых «ликвидациях,*» – отмечал он [238, с.23].

Сотрудники комендантских служб часто плохо заканчивали свою карьеру. «*Исполнители испытывали страшные психологические перегрузки. Профессиональные палачи дежурно жаловались на подорванное здоровье, прежде всего нарушения психики. Они часто заболели эпилепсией, кончали жизнь самоубийством, совершенно спивались. Но начальство могло предложить им, помимо ведомственного уважения, только обилие алкоголя, премии, ордена да вещи казнённых по дешёвке,*» – заключает А. Тепляков [Там же, с.25].

Иногда, впрочем, алкоголя и иных благ не хватало и работники комендантских служб могли брать взятки. В августе 1921 г. комендант Славгородского политбюро М. С. Теплых (бывший комэск 26-й СДРККА, демобилизованный после трех ранений) вместе с сотрудником политбюро К. Ф. Дидякиным брал взятки самогоном от жен арестованных, обещая освободить их, взяв на поруки, но этого обещания не выполнили. Проверявший их дело помуполномоченного секретного отдела АлтгубЧК М. Г. Рыбаков отмечал, что в результате «*у обывателей сложился взгляд на политбюро как на орган взяточничества и самопроизвола*». Однако

тými. Совершенно не исполняются общие правила о мытье полов и вообще даже самые элементарные понятия о чистоте» [187, л.137об].

⁶⁵ Это ярко иллюстрирует угрожающая телефонограмма главы АлтгубЧК №6119 начальнику гормилиции Барнаула (28.6.1920): «*Губчека предлагает вам не производить никаких арестов и обысков и розысков по политическим делам, не получив на это согласие секретно-оперативного отдела губчека. Председатель чека Карклин*» [188, л.39].

Рыбаков предложил простить Теплых – как имеющего «громкие» революционные заслуги, а Дидякина – как неопытного и молодого работника [Там же, с.26].

С нарастанием количества казнимых к *исполнению* активно привлекались сотрудники тюрем и даже оперативники ОГПУ. Архивные документы свидетельствуют о том, что в 30-е годы, при наиболее массовых казнях в Барнаульской тюрьме, когда число умерщвляемых в течение одного дня людей могло составлять уже сотни, расстрельная команда включала в себя значительную часть наличного состава местных чекистов – до четырех десятков человек. Однако, в исследуемые нами времена единовременным казням в Барнауле подвергались группы максимум в десятки человек. такой же по количеству характер носили казни политзаключенных в Бийске. Так, например, уже в 1930 г., в ночь с 9 на 10 апреля в Бийске было расстреляно сразу 44 человека [113, л.125].

Активным сторонником привлечения оперативников к казням А. Тепляков называет Ивана Жабрева. На посту начальника Барнаульского оперсектора ОГПУ он *«сознательно вязал свой аппарат кровавой порукой, одновременно воспитывая у следователей чувство безнаказанности: сами арестовали сотни крестьян по поддельным справкам о кулацком происхождении, сами пытали, сами тайно и расстреляли»*. Здесь речь идет о расстреле в апреле 1933 г. 237 алтайских крестьян (включая отца Василия Шукшина), в котором участвовало 37 сотрудников оперсектора во главе с помощником Жабрева. Участник чудовищной казни барнаульский чекист М. А. Клеймёнов несколько месяцев спустя в знак протеста против незаконных дезертировал из ОГПУ и, после неудачной попытки бежать в Китай, перешёл на нелегальное положение [238, с.31,32].

В мемуарах также описаны случаи того, что к участию в расстрелах могли привлекаться гражданские представители режима – например, партработники. Это зачастую рассматривалось как акт лояльности, своего рода «присяга кровью». А. Тепляков приводит факты добровольного участия в расстрелах двух начальников кирпичного завода при Бийском изоляторе в 1933—34 г. – М. Ф. Трунова и Павлова. Также, как свидетельство подобного волонтерства и советской эмансипации женщин, он цитирует акт казни от 15.10.1935: *«Я, судья города Барнаула Веселовская, в присутствии п/прокурора Савельева и п/нач. тюрьмы Дементьева... привела в исполнение приговор от 28 июля 1935 о расстреле Фролова Ивана Кондратьевича»* [238, с.33].

8.9 Казнь офицеров на Павловском тракте. Однако, если речь идет о сколько-нибудь массовых казнях политзаключенных в Барнауле в 20-е годы, в нашем распоряжении все же имеются подробные современные материалы об одном таком инциденте. Речь идет о случайно найденных в 2009 г. в ходе строительных работ в районе Павловского тракта останках 33-х (число носит приблизительный характер) человек – 20-30-летних мужчин. Проведенные исследования позволили восстановить дату казни – середину 1923 г. (скорее всего, конец мая).

Социальный состав казненных предположительно позволял идентифицировать их как минимум, по преимуществу, бывших белых офицеров. Об этом свидетельствовали сохранившиеся элементы военной одежды (фрагмент погона, гербовая пуговица, английская форма) и обуви (ботинки военного образца под обмотки и сапоги характерного фасона, употреблявшиеся в армии Колчака). О нерядовом характере казненных могли говорить найденные с останками вещи – два золотых креста, золотая цепь, медные медальоны, мундштуки, кольцо с гравировкой «Марія», расчески, зубная щетка, импортные химические карандаши – из Японии и чешский «Кох-и-Нор» и др.

Тогда удалось восстановить личность лишь одного из казненных – идентифицированного как служившего в 3 Барнаульском полку капитана Николая Осиповича Кузьменко. Найденные в кошельке его документы и дневник свидетельствуют о том, что он был арестован в декабре 1922 г. ГПУ во Владивостоке, затем освобожден. В апреле – мае 1923 г. он ехал на поезде из Приморья в Новониколаевск, где, вероятно, был вновь арестован (по другой версии, он

не выходил из заключения и мог быть этапирован по железной дороге из Приморья в Барнаул). Последняя запись в дневнике сделана 22 мая: «Отправились в Барнаул из Новониколаевска».

Дело и документы о казни историкам найти не удалось. Значимым представляется тот факт, что казненные были преимущественно зарублены (или добиты) холодным оружием (рубленые раны были обнаружены на 22 черепаха). Тела были захоронены в небольшом овраге, при этом с них не были сняты ценные личные вещи, одежда и обувь. Дисциплинарные ограничения мародерства в этом случае свидетельствуют о формальном характере расправы – несмотря на отсутствие так и не найденных документов, она выглядит именно казнью.

100 лет назад это была пустынная степная местность. Место казни находится на расстоянии 5—6 км от границ тогдашней городской застройки Барнаула. Вероятно, партию смертников вели туда под конвоем по существовавшей уже тогда и примерно совпадавшем с современным Павловским трактом дороге Барнаул – Новомихайловка (современный Аэропорт Барнаула) – Шахи – Павловск. Высказываются версии о том, что они могли быть отправлены на казнь сразу же после прибытия в Барнаул. Однако, никаких документальных подтверждений этому нет. Ясно лишь, что речь идет о массовой казни в ходе этапа (вероятно, постановочного) с использованием холодного оружия преимущественно бывших офицеров Белой армии, как минимум, частью привезенных в Барнаул. Место казни и захоронения явно носит случайный характер и было выбрано по своей удаленности.

19 декабря (в день исхода Белой армии из Барнаула) останки казненных были перезахоронены на Булыгинском кладбище.

8.10 Некрополь у Барнаульской тюрьмы. Впоследствии многолетним местом казни и захоронения тел политзаключенных стала территория вокруг б. Богородице-Казанского женского монастыря, где с 1925 г.⁶⁶ (и по настоящее время) в Барнауле действуют тюремные учреждения. Точное число похороненных здесь жертв репрессий советского периода неизвестно. Историки, обсуждая этот вопрос, в своих оценках называют цифру до 30 тысяч человек. Здесь нашли свое последнее место и десятки героев нашей книги. К финалу советской эпохи сохранилась лишь незначительная часть этого некрополя, большей частью за долгие годы уничтоженного строительными работами в ходе позднесоветского расширения тюремного комплекса.

Существование этого (и подобных ему) некрополей десятилетиями держалось в тайне. Обоснование такого подхода мы можем найти в предварявшей массовые казни 1937 г. установочной речи начальника УНКВД по ЗСК Сергея Миронова (25.7.1937). «Чем должен быть занят начальник оперсектора, когда он придет на место? Найти место, где будут приводиться приговора в исполнение, и место, где закапывать трупы. Если это будет в лесу, нужно, чтобы заранее был срезан дерн и потом этим дерном покрыть это место, с тем, чтобы всячески конспирировать место, где приведён приговор в исполнение – потому что все эти места могут стать для контриков, для церковников местом [проявления] религиозного фанатизма. Аппарат никоим образом не должен знать ни место приведения приговоров, ни количество, над которым приведены приговора в исполнение, ничего не должен знать абсолютно – потому что наш собственный аппарат может стать распространителем этих сведений...» [238, с.53].

В апреле 1989 г., прошла экспедиция по поиску места этого захоронения. Площадкой стала опушка бора между локацией «Лесной пруд» и существовавшими на тот момент строениями тюремного комплекса. Часть находившегося здесь места массового захоронения свидетельствовала о том, что тут погребены от нескольких десятков до нескольких сотен казненных. Датировка захоронения позволяла отнести его к середине 30-х годов. Затем здесь был соору-

⁶⁶ Дата перевода требует уточнения. Так, Барнаульский исправтруддом (1029 заключенных) еще в мае 1926 г. находился в старом здании городской тюрьмы, рассчитанной на 350 мест, и лишь готовился к переезду в комплекс зданий б. монастыря [4, 1926, 23 мая].

жен памятный знак (открыт 20 августа 1991 г.). С этого времени некрополь жертв репрессий в Барнауле существует и имеет охраняемый законом статус.

Мемориал на некрополе в ленточном бору возле Барнаульской тюрьмы.

Однако, открытым остается вопрос о дате возникновения этого места казней/захоронения. Несомненно, что лес возле тюрьмы был местом казни и захоронения тел жертв в 30-е годы (и долгое время позднее). Есть серьезные основания полагать, что этот статус территория в Барнаульском ленточном бору возле тюрьмы приобрела как минимум с 1929—30 г. Именно с этого времени казни политзаключенных становятся в Барнауле регулярными и массовыми (часто, по несколько десятков человек одновременно). Любые альтернативные места казней к тому времени просто не могли обеспечить такой объем *исполнения* в устраиваемом Органы «тихом» режиме. Однако, я не могу уверенно сказать – в каком именно году сюда была перенесена площадка для казней? Можно лишь говорить, что это произошло в период с 1925 (а, учитывая задержку с фактическим переездом ИТД, скорее с 1927) по 1929 год.

9. «Это восстание!»: вилы и кулак в защиту справедливости

«На... письме изображен человек с нарукавником «комиссар», с вилкой и иконой в руках ведущий за веревку крестьянку. В правой стороне крестьянин с поднятыми руками и в ногах плачущий ребенок. В отдалении фигура красноармейца с мешком за плечами, погоняющий корову. Вверху написано: «Реквизиции иконы, жены и коровы советскими комиссарами», а ниже карандашом вставлено «грабители».

Описание анонимного агитписьма, январь 1930 г., райцентр Чаны.

В этой главе представлена максимально широкая панорама стихийных низовых крестьянских выступлений против советского режима на Алтае в 1930 г.. Зачастую они очень похожи друг на друга – как и любой внезапный бунт. И, возможно, у читателя встанет вопрос – нужно ли было фиксировать все эти многие известные автору на сегодня массовые протесты и волнения?

В ситуации, когда развитие исторической науки идет нормальным путем, когда существуют публикации сотен статей и материалов краеведов и историков местных общин, логичен был бы отрицательный ответ. Однако, мы находимся в другой ситуации. Общее поле отечественной истории советского периода не прошло еще и начальной стадии – в виде публикаций представительного массива документов и статей по отдельным локальным событиям и темам. Это еще далеко не прочный фундамент, а скорее хаотично лежащие отдельные камни. И попытка свести воедино первичные факты (даже в рамках одной историко-географической провинции России) и как-то осмыслить их неотделима сейчас от максимально широкого свода и описания самих этих фактов.

9.1 Корявыми словами на листке. Сообщения о голоде в начале 1930 г. на Алтае (и не только) приходят со всех сторон. Столь же массовый характер носят сообщения о вызванных голодом и репрессиями протестах в окружающей Барнаул сельской местности. Значительная часть протестов поначалу носит ненасильственный характер – это выступления на митингах, распространение листовок, разговоры о политике.

1 апреля в записке по прямому проводу в УЧОСО полпредства ОГПУ местные чекисты сообщают: *«Отмечены новые случаи распространения анонимок в Чистюньском районе следующего содержания.: «Да здравствует чистая Советская власть без коммунистов и без коммуны если не освободите крестьян от коммуны, то сами пойдем освободим»* [5, л.9—10].

Это лишь одна из волны протестных прокламаций, фиксируемых Органами тогда, бывало по несколько раз в день. Чаще всего они вывешивались на стенах, иногда подбрасывались, иногда отправлялись по почте (довольно часто – в местные газеты). Но, в конечном итоге, все они попадали в распоряжение советской тайной полиции.

Судя по документам ОГПУ, обычно речь шла о рукописных листовках, написанных на клочках бумаги от руки. Довольно часто эти листовки крайне малограмотны, нередко – в них не всегда даже можно понять, что хотел сказать нам их автор, в них ясно слышен лишь крик оскорбленной несправедливостями и негодующей человеческой души. Авторов листовок скромный объем собственной грамотности явно не смущал, для них было важно хоть как-то выразить свое возмущение деятельностью властей.

Иногда авторы листовок, однако, были весьма изобретательны в попытках отстоять анонимность своей личности – однажды в эти месяцы ОГПУ изъяло у простого крестьянина из сибирской глубинки набор изготовленных им для прокламаций литер-букв из обожженной глины.

Помимо листовок, нередко были надписи политического или протестного содержания – обычно, карандашом на стенах (в каком-нибудь из людных мест) и т. п.

По итогам находки каждой такой листовки ОГПУ фиксировало: кто успел с ней ознакомиться, проводило агентурную разработку личности вероятного автора, занималось для этого анализом бумаги, конвертов, сличением почерков.

9.2 Первомай:дохлые куры вместо демонстрантов. Каналом для публичного недовольства крестьян и горожан советским режимом стали на Алтае весной 1930 г. первомайские митинги, которые местные власти, несмотря на ситуацию массового голода, опрометчиво решили проводить, сами попытавшись собрать там под красными знаменами голодающих и совсем не склонных к выражению восторгов крестьян.

Картинка с пафосными демонстрантами из алтайского официоза 1930 г. – в реальности они оказались толпами недовольных коммунизмом.

В одном из сел Мамонтовского района 1 мая ознаменовалось вместо традиционной демонстрации лояльности новому режиму, целой эпопеей разнообразных протестных акций местных жителей.

Донесение Барокротдела ОГПУ (10.5.1930): «В селе Долгово Мамонтовского района утром 1 Мая были обнаружены расклеенные [листовки] следующего содержания:

1) Да здравствуйте Долговские, временное правительство и коммуна, дожидайте нас в гости, приедем корчевать коммунарские горелые пни и пенечки. 2) (Написано на татарском языке) «Дождидайте горных орлов, довольно нам биться по скалам и утесам, время нам выйти на ровные степи» [5, л.84].

А за несколько часов до появления листовок, в ночь на 1 мая в этом селе «произошел целый ряд эксцессов следующего характера: ночью к церкви стало собираться кр-н – до 200 чел., со стягами и топорами в руках, собранные ударом в набат, среди которых раздавались крики: „Кто позволит себе выступить на демонстрации 1-го мая – будет убит“. В эту же ночь в народоме, во время торжественного заседания райисполкома, были выбиты окна», – сообщает УЧОСО полпредства ОГПУ по Сибкраю [75, л.246].

Утром 1 мая в Славгороде утром были обнаружены расклеенными сразу 16 листовок-лозунгов: «Долой Советскую власть», «Долой Соввласть. Да здравствует Временное правительство». Вскоре, во время демонстрации и митинга в городе было брошено 2 аналогичных листовки, которые сразу же были изъяты.

А в райцентре Ключи на митинг 1-го мая крестьяне не явились, а вместо них к трибуне было подброшено 8 дохлых кур [75, л.241].

«В селе Шелаболиха Павловского района 1 Мая на митинге представлено было слово средняку Гритишиникову, который с трибуны заявил: «Коммунисты заключили договор с буржуями, чтобы нас окончательно опутать, не надо им доверять, нас всюду обманывают, мы

напрасно здесь знамена треплем. Да здравствует Соввласть! Долой обман!» Крестьяне ему аплодировали.

В селе Лебяжьем Павловского района на митинге выступил середняк Василькевич, который сказал: Коммунисты партизан не ценят, издеваются над ними, мы завоевали власть, а они теперь управляют. Да здравствует чистая Соввласть! Долой паразитов земли!»...

В пос. Успенском Алейского района бедняк Рябченко говорил: «Власть над мужиками смеется, нас хотят добить совсем, а крестьянин бессилен. Они были бы сильнее, если у крестьян был свой союз»...

Село Борисово Залесовского района Пятайкин... говорил: «Вы говорите, чтобы все шло в коллектив. А из коллективов ничего не выходит, сейчас там и жрать нечего... Опять видно подходит 21 год – что придется начинать сначала, такими порядками начинают насильно заставлять брать пики» [5, л.33—34].

9.3 Крестьяне – о бунте, пока лишь словами. Серию высказываний алтайских крестьян (в мае 1930 г.), выражающих охватившие их настроения о готовности к бунту против Соввласти (в качестве реакции на созданный ею массовый голод), содержит докладная записка Барокротдела ОГПУ.

«Панкратов Антип, бедняк, село Ивановка Шадринского района. В сельсовете в присутствии 10 человек сказал: «Все равно еще немного и все голодные будут вынуждены организоваться для восстания, да и нужно будет организоваться. Эти гады (уполн.) ездят к нам и мутят нам головы со своим просвещением, вот ухлопать их несколько, тогда не будут ездить».

Простынин Василий (поселок Крутой, Чистюньский район): «Коммуны долго жить не будут, везде и всюду идут бои, в Бухтарме уже две недели не утихает орудийная стрельба. На Урале сейчас идут сильные бои, в Учпристани уже приготовлено 1000 винтовок, везде шныряют разведки, у нас скоро тоже полетят мухи (пули), как только пройдет вода, как со всех коммунарков и коммунистов полетят головы, всех порубят на куски».

Кривчикова Анна, кулачка, село Шатуново, Залесовский район: «Приехал из Барнаула у меня сын и рассказал, что четыре державы во главе с папой римским объявили войну, скоро обезоружат наших насильников, скоро они отцарствуют».

Фролов Алексей, село Володарка, Чистюньский район: «В Чумьшском районе организовался большой отряд, банды из всех сел и эта банда скоро придет сюда».

Елисеев Дмитрий, бывший спекулянт, Шмаково, Залесовский район: «В Алтайских горах много организовалось банд, банды производят разгром всех коммун, убивают коммунарков и с ними ничего не могут красные войска сделать, так как они хорошо вооружены и пользуются уцельями».

Щукин – зажиточный, село Калманка (приехал с Турксиба): «Около Семипалатинска создана банда около 4000 человек бьют коммунистов и коммунарков» [5, л.63—64].

9.4 Вилы, топоры и дубины. Случаи активного сопротивления крестьян показывают, что оно повсеместно носило традиционные для этой группы черты – отсутствие организации и необеспеченность ресурсом. Против правящей Россией мощной диктатуры возмущенные произволом алтайские крестьяне выходили чаще всего с голыми руками. Опираясь на социальную структуру традиционной сельской общины, крестьяне (в большинстве – женщины) быстро и эффективно собирались на протест – чаще всего толпами в несколько сот (иногда – до тысячи) человек. Однако, затем чаще всего протест быстро выдыхался. Достигнув ближайших целей – сиюминутного пресечения выселения земляков или конфискации у них имущества, разбития амбара с запасами зерна и т. п. – протестующие обычно расходились. Этот тип массовых волнений в оперативной документации ОГПУ получил название «волынка».

Иной характер волнения принимали, когда возникало активное противостояние с низовым аппаратом власти на местах, или когда у крестьян оказывались ведущие их лидеры. Тогда

крестьяне вооружались подручными сельхозорудиями и противостояние могло закончиться кровью.

9.5 Волнения в Ребрихинском районе. Массовые волнения в Ребрихинском районе шли почти без перерывов всю первую половину 1930 г., завершившись попыткой восстания и массовыми арестами.

Сложившаяся в этом алтайском районе чрезвычайная ситуация фактически была прямо спровоцирована партийными властями Барнаульского округа. На рубеже 1929—30 г. окружком ВКП (б) несколько раз подвергал руководство района упрекам за мягкотелость в проведении коллективизации. В районе в колхозы загнали лишь 3,9% крестьянских хозяйств, почти не шел процесс выселения крестьян из их домов и распродажи имущества «за налоговые долги». Еще в феврале 1930 г. прошел последний, репрессивный «тур» – Барокружком ВКП (б) было распущено бюро Ребрихинского райкома партии, и отданы под суд секретарь райкома Вакарин, председатель райисполкома Колодей и уполномоченный окрисполкома в районе Полежаев [4, 1930, 17 февраля]. Партийными властями округа было решено организовать в Ребрихе публичный показательный процесс. Рассмотрев вопрос «О ребрихинском деле» и заслушав информацию окрпрокурора Мальцева, Бюро Барокружкома ВКП (б), 1.3.1930 решило: *«Процесс провести в самой Ребрихе, поручив тов. Мальцеву и Иванову⁶⁷ перенести центр тяжести судебного разбирательства на халатность, отсутствие работы по коллективизации, отсутствие сбора семян, недостаточный нажим на кулака, отсутствие работы с батрачеством и беднотой и т.д.»* [34, л.86].

Открытый процесс в Ребрихе, однако, начался лишь 4 апреля. К тому времени обстановка в районе была полностью дестабилизирована – в том числе, усилиями бригад «кризисных управленцев», присланных туда из Барнаула. О человеческом качестве этой публики хорошо говорит тот факт, что в их состав попал даже будущий резонансный преступник – прибывший на Алтае коллективизатор, «ленинградский рабочий», бывший член ВКП (б) Булавин, несколько месяцев спустя осужденный на публичном процессе в Барнауле за убийство в Ребрихе вышедшей за него замуж и быстро надоевшей ему местной девушки и растрату казенных денег.

Свою роль в дестабилизации этой округи сыграло и развертывание в южной части Ребрихинского района, на расстоянии 26 км от райцентра, одного из четырех в Барнаульском округе спецпоселков для выселенных в ходе коллективизации крестьян [62, л.52]. Все это сделало Ребриху одним из центров протестов против коммунистического режима на Алтае.

Возможно затяжка с показательным процессом над местными вождями могла быть связана и с тем, что барнаульское начальство решило взять в этом мутном деле паузу и осмотреться – март с полосой крестьянских восстаний, появлением статьи Сталина «Головокружение от успехов», смены руководства Барокружкома ВКП (б), явно дезориентировало головы местных партийных вождей. Тем не менее, процесс над руководителями в Ребрихе начался и с 7 по 9 апреля огромные передовицы с репортажами о нем публиковал «Красный Алтай»⁶⁸. Содержание обвинений руководителей района (в изложении партийной прессы) по-прежнему было крайне невнятным, но в целом они в основном сводились к тому, что подсудимые недостаточно интенсивно загоняли крестьян в колхозы и проводили репрессии против «кулаков».

Начатый с невероятным для Алтая пафосом процесс, однако, завершился, пшиком. На фоне практиковавшихся в эти месяцы ОГПУ массовых казней повстанцев и просто недобровольных, подсудимые (все они, кроме Глазова с его тулупом, покаяться и признали вину) полу-

⁶⁷ Руководитель Барнаульского окрсузда.

⁶⁸ К уже названной троице на процессе присоединили зав. финчастью РИК Никитина и члена комиссии по раскулачиванию крестьянина Глазова (за присвоение кулацкого тулупа) [4, 1930, 7 апреля].

чили невероятно мягкие приговоры: Вакарин и Колодей – по году условно, Полежаев – полгода условно⁶⁹.

Тем временем, серия протестов вокруг распределения семенного зерна в Ребрихе (возникших, как и везде тогда на Алтае, на фоне голода), здесь началась еще в феврале. Однако, к маю пожар протеста охватил уже весь район – и пиком его стал случай, когда сотни возмущенных произволом власти местных жителей пытались воспрепятствовать выселению своих земляков.

Первым зафиксированным ОГПУ значимым инцидентом в Ребрихинском районе стало нападение крестьян 3 февраля в селе Малая Боровлянка на активистов, пытавшихся конфисковать имущество у местного жителя – *«при изъятии, описанного за несдачу семенного фонда, имущество кулака ТАРАСОВА собравшиеся родственники последнего, в числе 6-ти человек, не дали комиссии произвести отчуждение имущества. Комиссия захватив председателя и члена с/совета вторично пошла к кулаку ТАРАСОВУ, где была встречена толпой в 120 человек, состоящая преимущественно (на 75%) из женщин, которая набросилась на членов комиссии, нанеся последним несколько ударов и только после того, как пред. с/совета было произведено два выстрела вверх – толпа разошлась... Арестовано несколько кулаков»* [75, л.71].

А 1 апреля 1930 г. в селе Большая Боровлянка толпа в 300 человек (60% женщины) препятствовала выселению кулаков, пытались разогнать активистов, сообщается в записке по прямому проводу в УЧОСО полпредства ОГПУ. Волнения были подавлены – четверо протестовавших против репрессий арестованы (Маралины, Шилнов, Мартыненко) [24, л.10].

Далее широкую картину развернувшихся в районе в апреле-мае массовых протестов вновь дает УЧОСО ПП ОГПУ по СК: *«В с. Подстепное, Ребрихинского района, 27/IV-с/г. было созвано собрание бедноты о результатах работы комиссии по распределению 1671 пуда семматериала между беднячко-средняцкими единоличными хозяйствами. На данное собрание кроме бедноты собралось почти все село и сразу же после сделанной информации о распределении семян, из толпы послышались крики: «Неверно»; «неправильно распределили» и т. д., благодаря поднявшегося крика и шума – собрание было сорвано. 28/IV-с/г. толпа до 250 человек, собравшись у нардома, требовала открыть собрание для продолжения сорванного вчера и получила отказ от пред. сельсовета, силой заставила его открыть таковое и, избрав президиум, наметила следующие вопросы:*

1). распределение семян из фонда сельККОВ; 2). распределение из кооператива картошки, принадлежащей Алтсоюз; 3). о предупреждении пред. Коопхлеба не давать вывозить семена; 4). о перевыборах комиссии по распределению семян; 5). об оплате за размол не хлебом, а деньгами; 6). о восстановлении раскулаченных кулаков и возвращении их из ссылки; 7). о заброске семян; 8). о прошедшем плане хлебозаготовок и 9). о выявлении участников производивших экспроприации.

В толпе слышались крики: «Нам не надо никаких общественных организаций», «что это за власть, которая морит людей без хлеба и заставляет голодать семьи кулаков». Попытка восстановить на собрании порядок, не увенчалась успехом и толпа, не разрешив поставленных вопросов, с шумом и криком разошлась.

На место для урегулирования вопроса выехал Упол. О [круж] К [ома] ВКП (б) и член Райкома партии».

Еще одним центром протеста в Ребрихинском районе стало село Белово, где, по сообщению ПП ОГПУ, «идут массовые волынки»:

⁶⁹ Никитин получил год принудработ, Глазов 6 месяцев. О дальнейшей судьбе руководителей района данных нет, в книгу памяти Алтайского края как подвергшиеся политрепрессиям они не внесены.

«29/IV-с/г. из собравшейся на кладбище (для проведения родительского дня) толпы, выделилось 30 чел., во главе с бедняками ПОДОПЕЛОВЫМ, СТАРОДУБЦЕВЫМ и середняком ЗАЦЕПИНЫМ, которые направились на паровую мельницу, открыли кузницу и сковав запоры – закрыли ими все хлебные (общественные) амбары, требуя от зав. мельницей ключи. Пытались избить зав. мельницей и присутствовавшего милиционера, в результате чего последние вынуждены были скрыться. Затем указанная группа пошла к сельсовету, где к этому времени собралась толпа, требовавшая открытия общего собрания, которое, под угрозой расправы, председателем сельсовета было открыто, и выбрала делегацию в РИК с требованием раздачи всего находящегося в Белово продсемфонда.

30/IV-с/г. по возвращении из РИК'a делегации, ударом в набат было собрано все село и на заявление последней: «Хлеб полностью не дают» – в толпе слышались крики: «Бей их!», «дави их!» и кем-то из толпы были нанесены удары активисту ЛУКЪЯНОВУ (зав. мельницей). После чего избрана комиссия по раздаче хлеба.

После описанных эксцессов, в селе Белово было роздано единоличникам 1924 пуда семян и 500 пуд. продхлеба, но несмотря на это, «вольнка» не ликвидировалась, а наоборот приняла еще более затяжной характер. Единоличники категорически отказались ехать за получением 1320 пудов семян в село Шелаболиху (за 60 верст от Белово) и от получения 400 пудов кулацкого хлеба, заявляя: «Пусть в Шелаболиху едут коммунары, а кулаки берут свой хлеб» – требуя раздачи всего семфонда, находящегося в селе Белово. В результате 6-го мая собралась толпа до 300 чел., которая избрала комиссию, поручив ей в течение ночи распределить 2500 пуд. оставшихся семян, предназначенных для двух местных коммун. 7-го мая комиссия приступила к раздаче семян единоличникам, оставив только одной коммуне по 30 фунтов на едока. Руководителями этого выступления являются бедняк ПОДОПЛЕКОВ и середняк ЛОЖКОВ.

Волнения используются местными кулаками, которые, заняв обратно свои дома, ведут открыто повстанческую агитацию. Местные партийцы и сельактив, растерявшись, не принимают никаких мер, а предсельсовета бежал.

По партлинии на место выехали работники РК и ОК ВКП (б). Приняты меры к охране амбаров. Окротделом ОГПУ производится расследование и принимаются ряд оперативных мер».

Массовый бунт имел место также и в райцентре – Ребрихе.

«По телеграфным сведениям в с. Ребриха того-же района, 30/IV-с. г., в момент приезда коммунаров на мельницу за получением хлеба, около последней собралась толпа до 150 человек, которая с криками: «Не дадим увозить хлеб, мы голодные!» – не допустила отгрузку, требуя немедленной раздачи хлеба крестьянам, угрожая разгромить все хлебохранилища. Пришедшие на место происшествия секретарь Райкома и Упол. ОК ВКП (б) – не могли уговорить толпу, а последнему кем-то из собравшихся был нанесен удар. К ночи толпа разошлась, выставив к мельнице свой караул в 20 человек.

5/V – толпа до 200 человек вновь собралась около РАО⁷⁰, требуя освободить арестованного, за избивание активиста, бедняка, также угрожая разгромом амбаров. Вольнка была ликвидирована только по прибытии в Ребриху охраны, после чего единоличники сняли с амбаров замки» [75, л.251—252].

В мае волнения в Ребрихинском районе на фоне голода продолжали нарастать. «В Ребрихинском р. в селах Сарай и Ключки единоличники категорически сопротивляются вывозу с мельницы хлеба местным коммунанам по мотивам „мы сами голодные“. В с. Шадрино того же района по инициативе кулачки Поскотиновой толпа 80 женщин произвела налет на проходивший по селу обоз с гарницевым сбором, попытка растащить хлеб не удалась, Поскоти-

⁷⁰ Районного адмотдела, т.е. милиции.

нова арестована, в 15 колхозах района отмечается голодание, в некоторых коммунах питаются исключительно жмыхами,» – отмечалось в обзорной записке по прямому проводу Ягоде от ИНФО ПП ОГПУ по СК (на 25 мая) [108, с.196].

При разработке повстанческой организации «Свободные», Ребрихинский район рассматривался ОГПУ как один из ее опорных пунктов. Именно здесь, в селе Пеньки, прошел 14 июля 1 съезд делегатов «Свободных».

Однако, накануне даты восстания (28 июля) в села, где, как утверждали чекисты, действовали группы «Свободных», были введены вооруженные отряды. В частности, в Ребриху прибыло примерно 200 сотрудников ОГПУ, милиционеров «с пулеметами», усиленных парторганизацией, были произведены массовые аресты [83, т.5. л.16]. Смогли ли они полностью предотвратить вооруженное выступление – уверенных данных нет. В документах ОГПУ не сообщается о вооруженных стычках на территории района. Между тем, ряд арестованных по делу в протоколах допросов уверенно упоминает о таких боях.

Это, например, содержащий едва ли не самую трагическую и трогательную картину того года, финальный документ о протестах в Ребрихе – показание в ОГПУ обвиняемого по делу «Свободных», священника Терентия Потапкина⁷¹. «О том, что в Ребрихинском районе было восстание я никому не говорил, так как сам об [нем] услышал только когда будучи арестованным, проезжал через с. Шахи, от карауливших меня в с/совете исполнителей, которые сказали мне, что в Ребрихе было восстание, т.к. оттуда провезли несколько автобусов⁷² крестьян со связанными руками» [83, т.8. л.162].

Объем и продолжительность протестов в Ребрихинском районе беспрецедентны, однако весной 1930 г. массовые бунты крестьян в алтайской глубинке пошли сплошной волной.

9.6 Тальменский район. Крестьяне напали на изымающих зерно советских активистов и местных чиновников и в Тальменском районе. Описание инцидента содержится в отправленном 12 марта 1930 г. совсекретном рапорте ВРИД начальника Барокрадмоддела Машинского в Сибкрайадмуправление. «Доношу, что 11 марта с/з в селе Луговом Тальменского района кулаки лишенцы напали и избили бригадиров, собирающих семфонд и отобрали 20 рублей денег. Затем трое кулаков этой же шайки зашли в Сельсовет и избили Зам. Председателя Сельсовета и Председателя коммуны... Шайка кулаков, совершивших перечисленное, в числе пяти человек арестована. Подробности будут сообщены дополнительно,» – пишет руководитель барнаульской милиции [46, л.88].

Подробности продолжившегося месяц спустя бунта в Тальменском районе мы найдем в сводке УЧОСО ПП ОГПУ по СК: «В селе Старо-Крайчиково, Тальменского р., вернувшись из бегов кулаки СМОЛКИН, ТРОШИН и САТУНКИН, повели усиленную агитацию среди крестьян за выход из коммуны, всячески им угрожая.

14/IV явившись на общее собрание подняли шум, чем сорвали собрание.

15/IV с. г. указанная группа, собрав 8 ч. (из которых 5 кулаков, 1 зажиточный и 3 середняка), явилась в потребкооперацию, где в это время беднота проводила сортировку семфонда бедноты. С целью вызова скандала, пришедшие стали хулиганить: бросать грязь в чистое зерно, толкали бедняков, переносивших мешки с зерном, а когда это не помогло, они стали придираться к весовицику БОРИСОВУ, кандидат ВКП (б) и один из этой группы КОНДРАТЬЕВ (спекулянт), подкачив ударил его, отчего БОРИСОВ упал, а остальные пришедшие стали его

⁷¹ Потапкин Терентий Матвеевич, (1882—1931), священник (рукоположен Бийским епископом в 1928 г.), с. Шелаболиха Павловского района. Арестован 21.8.1930 (ст. 58—11), осужден к ВМН, казнен в Барнауле. Реабилитирован.

⁷² Хотя документы про это не найдены, можно уверенно предположить, что автобусы, набитые арестованными крестьянами со связанными руками были мобилизованы чекистами путем снятия их с единственной в то время на Алтае линии городского общественного транспорта (маршрута Базар-Вокзал в Барнауле). Мало того, что это был единственный тогда доступный резерв из 6—7 автобусов, но именно на следующий день после спецоперации и массовых арестов в Ребрихинском районе – 29 июня – неосведомленные барнаульцы стали по наивности жаловаться на то, что перевозки в городе остановились и на линии неизвестно почему в этот день остался ходить лишь один автобус [4, 1930, 4 августа].

избивать. В избиении активное участие принимала кулачка СМОЛКИНА, которая вцепившись в волосы БОРИСОВА – вырвала горсть волос.

На поднявшийся шум сбегалась толпа до 700 человек, среди которой раздавались выкрики: «бей коммунистов и бедняков». Выступивший на защиту БОРИСОВА агроном Рай [з] о СЕМЕНОВ, демобилизованный кр-ц, активист, был также избит. После этого кулак ТРОШИН Роман взобравшись на возвышенность призывал собравшихся «Довольно братцы терпеть, приходите завтра с топорами и ломами, будем ломать амбар и делить хлеб», а кулак СМОЛКИН бегая, кричал: «Давайте бить коммунистов, комсомольцев и активистов, за это нам ничего не будет, т. к. в городе Барнауле уже всех коммунистов перебили и там Соввласти уже не существует, власть теперь у нас в руках» [75, л.229].

Смолкин был не так уж неправ – именно в это время в Барнауле шли массовые голодные волнения рабочих (слухи о которых, вероятно, дошли в недалекий от города Тальменский район). Однако, если на репрессии против рабочих власти тогда не решились, волнения в Тальменке завершились печально – в итоге там было арестовано 12 человек инициаторов и активных участников «вольнок».

9.7 Тюменцевский район. «По телеграфным сведениям в селе Тюменцево, того же р-на – 26/IV в -с. г. собравшаяся толпа, угрожая требовала от РИК”а выдачи хлеба, а 27/IV – толпа женщин из 200 человек, под руководством кулаков КУЗНЕЦОВА, КОВЕШНИКОВА и жены б [ывшего] /б [елого] офицера БОЛЬШАКОВОЙ, разбив амбар СельККОВ⁷³ растащила 40 пудов хлеба. Толпа угрожала расправой с работниками Райкома и Райисполкома. Кроме того были попытки подстрекательства к разгрому амбара Союзхлеба, но принятыми со стороны РАО мерами дальнейшее хищение было приостановлено». Инициаторы протестов были арестованы, сообщается в сводке УЧОСО ПП ОГПУ [75, л.235].

9.8 Ключевский район. Еще один эпизод произошел, согласно сводке УЧОСО ПП ОГПУ по СУ 26 мая в поселке Попасное, где «толпа женщин и мужчин в 50 человек, под руководством САНКОВОЙ (соцположение выясняется) – с криком: „Давай хлеб“ подошла к с/совету, и пытаясь избить сторожа, намеривавшиеся оказать сопротивление, ворвалась в сельсовет, где подняв шум и крик: „Если не дадите сегодня хлеба, то завтра разобьем общественный амбар и заберем хлеб“ – настойчиво требовала хлеба, закончилось разбором 125 пудов семфонда». Со стороны сельсовета не было принято никаких мер, а партиячка ударила в панику, заявляя: «Это восстание» [75, л.235, 259].

9.9 Верх-Суетка и Знаменка. В селе Верх-Суетка (сейчас – райцентр Суетского района) произошел один из наиболее трагичных актов разыгрывавшейся той весной массового действия. Вот как рассказывает о поразивших буквально всех местных жителей событиях Сводка УЧОСО ПП ОГПУ.

«25/IV-с. г. в с. Верх-Суетке, Знаменского р-на⁷⁴ по инициативе кулака КОШЕВАРОВА (впоследствии сбежавшего) к сельсовету собралась толпа в 120 человек (50 мужчин и 70 женщин) которая под угрозой насилия заставила председельсовета и СККОВ открыть амбар с сортированным семфондом, откуда разобрала 199 цнт. семян. [В] выехавшим на место упол. Окр. Отд. ОГПУ у некоторых участников „вольники“ установлено по 50 пудов своего продовольственного хлеба. Окр. Отд. ОГПУ приняты меры к розыску КОШЕВАРОВА и ведется расследование». [75, л.236].

Спустя несколько недель состоялась вторая серия суетской трагедии.

«Инициаторы массового выступления в с. Верх-Суетке, Знаменского р-на Выездной Сессией Славгородского Округа 16/IV-с. г. приговорены:

⁷³ Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи – созданная по инициативе Соввласти в 1921 г. сеть общественных формирований, призванных оказывать помощь беднякам, впоследствии трансформировались в кассы взаимопомощи.

⁷⁴ Существовал в 1924—1932 и 1935—1963 гг.

- 1) СПИТЧЕНКО Николай – кулак,
- 2) ЯГЛО Иван кулак и 3). ЧЕРЕДНИК Иван – кулак к высшей мере социальной защиты – РАССТРЕЛУ,
- 4) ПЕРШИН – середняк к лишению свободы на 5 лет
- 5) КОШЕВАРОВА Дарья – зажиточная и 6) РЫБЧЕНКО Лукерья – середнячка к лишению свободы на 3 года каждую, с поражением в правах на 5 лет, без конфискации имущества.
- 7) ЕВДАН Ольга и 8) ЕВДОН Анна (обе кулачки) к высылке в отдаленное место Сибири, первую на 10 лет и вторую на 5 лет, с соединением отбытия ссылки ЕВДОН Анной в течение первых 2-х лет с принудительными работами.

После вынесения данного приговора (дело слушалось в В-Суетке) на площади собралась толпа около 1000 человек, которая с криком и шумом делала попытки освободить осужденных и произвести расправу над судом. Принятыми мерами со стороны члена суда РАБИНИНА и пом. прокурора ТРОИЦКОГО, мобилизовавших местных партийцев и коммунаров, осужденные, под конвоем последних, были вывезены, а вся толпа с плачем сопровождала их» [75, л.308].

Почти такие же события, как в Верх-Суетке, произошли в этот же день в тогдашнем райцентре Знаменка.

«25/IV-с. г. в с. Знаменке, того же района к пред. Райисполкома явилась толпа женщин и числе 50 человек, с настойчивым требованием выдачи продхлеба, угрожая, в случае отказа, взломать амбар и самовольно растащить хлеб». [75, л.236]. Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на Северном Кавказе и Сибири (27.05.1930) описывает их требования: «Зашли в кабинет [председателя] райисполкома и с угрозами стали кричать: „Не уйдем, пока не дадите хлеба!“, „Мы мирным путем от этой сволочи ничего не добьемся, пойдем всей партией по квартирам служащих и будем отбирать весь имеющийся хлеб!“ Раздавались антисоветские выкрики с предложением разобрать семафонд и т.д.» [65, с. 363].

В итоге противостояния власти временно пошли назад: остронуждающимся 10-ти хозяйствам был выдан продовольственный хлеб, после чего собравшаяся толпа разошлась.

9.10 Завьяловский район. В этом ныне известном своим курортным потенциалом районе в начале мая 1930 г. вследствие голода и недостатка семян также прошла серия крупных волнений.

«В с. Глубоком 4-го мая с. г. население согласно вынесенного общим собранием (в числе 700 чел.) постановления – разобрало 350 центнеров семзерна, принадлежащего сельККОВ. Прибывших на место происшествия для предотвращения разбора семян, пред. РИК'а и Нач. РАО – толпа пыталась обезоружить, требуя раздачи зерна, принадлежащего Райколхозсоюзу и угрожая в случае отказа через два дня самолично разобрать таковое.

В с. Завьялово, того же р-на, общее собрание крестьян послало во ВЦИК на имя т. Калинина телеграмму с просьбой дополнительной выдачи семян на посев. В РИК прибыла делегация из с. Гилево-Лога с просьбой выдачи продхлеба и семян на посев. В с. Овечкино на общем собрании крестьян избит секретарь ячейки ВКП (б) – лени [н] градский рабочий, СТЕПАНОВ, после чего население разобрало принадлежащий сельККОВ хлеб. На место для расследования выехали Упол. Окотдела ОГПУ и Пом. Прокурора,» – сообщает УЧОСО ПП ОГПУ [75, л.253—254].

9.11 Мамонтовский район. 7 мая в селе Кадниково толпа численностью до 200 женщин «напала на секретаря местной парт'ячейки и угрожая ему расстрелом, предложила раздеться. Секретарю удалось бежать, при чем во время бегства ему в спину был нанес [е] н удар кирпичем. В дальнейшем толпа с требованием семян приходила в сельсовет» [75, л.260].

9.12 Каменский округ. В деревне Соколово Каменского района толпа женщин в конце мая разбила замки в амбаре ККОВ и растащила 48 пудов семян. Аналогичные инциденты были

отмечены ОГПУ в Панкрушихинском и Кочковском⁷⁵ районах, говорит Справка ИНФО ОГПУ о продовольственных затруднениях на Северном Кавказе и Сибири [65, с. 363].

9.13 Бийский округ. Женский бунт в Старо-Белокурихе. В мае 1930 г. в Бийском округе прошла серия крестьянских голодных бунтов. ИНФО ПП ОГПУ по СК в записке по прямому проводу Ягоде (на 25 мая) сообщает о 4 таких новых случаях волнений. В с. Последниково Ельцовского района 17 мая толпа женщин не допустила отгрузки семян. В с. Березовка Михайловского района толпа из 200 женщин не допустила вывоза семфонда. В с. Карабинка Новиковского района 19 мая группа из 23 батраков и бедняков категорически требовала в сельсовете снабжения продовольственным хлебом и послала делегацию в райисполком с этим требованием. В с. Букреево 24 мая толпа из 50 женщин требовала в сельсовете созыва общего собрания с целью обсуждения вопроса о возврате высланных кулаков, заявляя: «Верните кулаков, они нас накормят, или давайте хлеба и семян». 25 мая толпа из 200 женщин явилась в сельсовет с аналогичным требованием [108, с. 196].

Еще одним типичным примером женского бунта была попытка 18—19 мая 1930 г. около 300 женщин в с. Старо-Белокуриха воспрепятствовать выселению кулаков. Она подробно описана Василием Гришаевым по материалам архивно-следственного дела [70, с.213—220]. После ряда столкновений там с местными советскими активистами (женщины избили несколько человек), один из них ранил участницу протеста выстрелом из ружья. В июне Бийское ОГПУ арестовало 14 участниц бунта, в том числе раненую Анну Попову, вскоре 10 женщин были отправлены в концлагерь на сроки 3—5 лет [70, с.218].

9.14 Протесты в Рубцовском округе. Два случая крестьянского бунта в мае описаны в записке для ПП ОГПУ по СК отдела ОГПУ в этом округе. В райцентре Угловском 19 мая общее собрание постановило разделить единоличникам семена ККОВ, а 20 мая толпа в 100 человек явилась в райисполком с требованием о немедленной выдаче этих семян, «волынка» была ликвидирована раздачей 300 пудов нуждающимся беднякам, однако ее инициаторы: торговец Ковалев, Семенова (ОГПУ характеризует ее как «жена бывшего бандита») были арестованы. В с. Салейке толпа из 50 женщин разломала амбар и растащила 50 пудов хлеба [108, с.196].

9.15 Голод и протесты летом 1930 г. Голод в алтайских селах продолжился и в июне. В этом месяце случаев нападений крестьян, пытающихся раздобыть на «большой дороге» пропитание, было не меньше. ИНФО ОГПУ в сводке за 5 июня приводит обзор нападений алтайских крестьян, ищущих себе пропитание.

«На почве продзатруднений в последнее время приняли широкие размеры явки толпами, главным образом единоличников, к сельсоветам и РИКом с категорическими требованиями хлеба. На этой же почве в ряде мест зарегистрированы массовые выступления, которые нередко принимают форму вооруженных налетов на амбары ККОВ и мельниц с целью захвата продовольствия.

Павловский район. В с. Арбузовка толпа в 60 человек у сельсовета потребовала у председателя сельсовета об удовлетворении хлебом, угрожая избить. Председатель сельсовета скрылся. Толпа отправилась к мельнице промкомбината, имея намерение захватить хлеб.

Шадринский район. В с. Тонька толпа женщин, выходцы из коммуны, прибыв в сельсовет, потребовала выдачи продуктов. После эта группа направилась в контору коммуны. По дороге встретила коммунарскую повозку с хлебом, на которую произвели налет, повозку разбили и хлеб в 100 пуд. растащили [72, с.949].

Завершим этот обзор волнениями в селе Сычевка Бийского округа – там 25 августа, по сообщению полпреда Заковского по прямому проводу в центральный аппарат ОГПУ, «на почве ареста кулаков, самовольно вернувшихся с места расселения, собралась толпа, пре-

⁷⁵ В 1939 г. передан из Алтайского края в состав Новосибирской области.

имущественно женщины – 300 чел., которая не допустила до ареста кулаков. Из толпы были выкрики: „Нам нужна Советская власть без коммунистов!“ Для охраны кулаков участниками волынки были выделены 40 чел. верховых патрулей, которые разъезжали по селу» [65, с.430].

9.16. Дорожные банды колхозников. Любопытным явлением тех месяцев стал «коммунарский бандитизм» – свой протест выражали тогда не только крестьяне-единоличники, но и члены и руководителя разного рода «коллективов». В условиях почти полного прекращения снабжения деревни промтоварами на Алтае была зафиксирована серия случаев, когда руководители колхозов формировали из своих подчиненных фактически банды, занимавшиеся грабедом/реквизициями на дорогах.

«Наряду с продовольственными затруднениями наблюдается также повсеместно полное отсутствие товаров первой необходимости, как-то: сахара, спичек, табака, керосина, кожевенных товаров и т. д. В отдельных местах в связи с отсутствием в местных ПО⁷⁶ товаров некоторые колхозы выставляют по дорогам заслоны, которые производят у проезжающих из города возчиков самовольный захват товаров.

Чумьшский район. В с. Кытманово коммунары, узнав о получении кооперацией махорки, пошли и всю полученную махорку в количестве 3 ящиков забрали.

Председателем Дмитро-Титовской коммуны в связи с острым кризисом в кожтоваре в целях добычи такового было на дорогу выслано несколько коммунаров, которыми были встречены проезжающие возчики с товарами, у которых коммунарами был изъят весь кожтовар» [72, с.949].

Подобные грабежи отмечались в столь же голодном 1931 г. Так, во время милицейских мероприятий по контролю над вывозом зерна в Сибири при хлебозаготовках милиционеры часто грабили крестьян, отбирая у них для себя различные продукты, при этом часто по указанию руководителей милиции [137, с.158].

Несмотря на внешнюю несерьезность, это явление «вынужденной преступности» было весьма значимым. Наблюдаемое здесь в максимально чистом виде, впоследствии оно на десятилетия стало базовым для поведения миллионов доведенных государством до предельного состояния людей: между дилеммой погибнуть от голода и лишений или украсть, как простые жители советской России, так и представители низовой части режима, часто были вынуждены выбирать последнее.

«Единственным путем для выживания некоторых советских граждан становилось совершение преступления,» – был вынужден признать по этому поводу занимающий явную провластную позицию алтайский «полицейский историк» Денис Кузнецов [137, с.91].

9.17 Поиски Беловодья. Наряду с активным протестом, жители Алтая часто выбирали пассивные формы его – прежде всего, пытаясь убежать от сатанинской власти в обетованные земли. Такая реакция является традиционной для Алтая – с момента появления здесь в 17 веке первых русских поселенцев.

Если жители Барнаула и других алтайских городов в такой ситуации, скорее, выбирали для переезда какую-нибудь активно развиваемую тогда промплощадку в Кузбассе – с высокими зарплатами и хорошим продуктовым снабжением, алтайские крестьяне, как и века назад, массово пытались спастись в горах и лесах.

В записке Ягоды и Евдокимова Сталину 15 марта 1930 г. отмечались попытки сибиряков спастись от чудовищного режима в глуши: *«Также характерен групповой и одиночный уход махровых вооруженных контрреволюционных кулацких элементов в тайгу и горы с намерением „отсидеться“ известное время с тем, чтобы весной начать активные бандитско-повстанческие действия. Образующиеся из этих элементов банды уже сейчас при столкновении с нашими отрядами проявляют особую ожесточенность и упорство» [71, с.720].*

⁷⁶ Потребительских обществах, т.е. сельских кооперативных лавках.

Это массовое стремление отмечало и руководство ОГПУ на Алтае: среди жителей Барнаульского округа *«усиливаются настроения за свертывание хозяйства и стремление к переселению в необжитые места, где они могут выйти из поля зрения финансовых органов: «Нужно отсюда убраться, здесь нам житья не будет, все будут давить индивидуальным налогом, в новом же месте нас знать никто не будет»* [66, с.988].

О том, как это реализовывалось на практике, свидетельствует секретный рапорт Барнаульского окрادمотдела от 14 июня 1930 г.

«НачСибкрайадмуправления, председателю ОИКа и секретарю ОК ВКП (б)»⁷⁷

В дополнение к информационной сводке, направленной вам 9/VI с.г. к №595/с доношу, что за последнее время наблюдается перекочевка населения в поселки, примыкающие к Черновой полосе. По Верх-Чумьшскому району проезжает ежедневно 10—15 семей. Переезжают под предлогом, что в Черни /тайга/ легче прокормиться. ВРИД Начальника Барокрادمотдела Пинаевский» [62, л.60].

Подобные тенденции ОГПУ отмечала и в соседних с Алтаем местностях, например в Новосибирском округе. *«С 1-го января с. г. отмечается массовое переселенческое движение кулаков в тайгу, едущих через Баксинский р-н (ежедневно проезжает 150—200 и до 300 подвод). Переселенцы временно устраиваются в земляных ямах или без всякого разрешения занимают квартиры и все теплые помещения, вплоть до скотных дворов у старожилов, живущих ранее в тайге, последние продают свои постройки кулакам по повышенным ценам и уезжают в глубь тайги.»* – сообщается 1 февраля 1930 г. в Оперсводке УЧОСО Полпредства ОГПУ по Сибкраю [75, л.51].

По свидетельству Георгия Волкова, работавшего в 1930 г. секретарем райисполкома в Быстром Истоке, в то время среди алтайских крестьян действительно широко распространились настроения о поисках Беловодья. Для их нейтрализации властями даже была проведена специальная кампания.

«Была одно время попытка двинуться за границу советскую. Где-то какая-то страна Беловодье в горах. Двинуться туда, на Беловодье. Собирались люди. А куда, где оно, это Беловодье – этого же никто не знает. Ну и в результате эти райкомовцы, райисполкомовцы собирали народ, объясняли: „Где же это Беловодье, никакого Беловодья нет, вам все это кулаки внушают. Колхоз единственный путь, другого пути нет“. Шум был, возня была – но никто не знает, что есть какая-то страна Беловодье и люди там свободны, никакой коллективизации нет. Где-то там в горах, где-то за Монголией. Разговоры эти поднимались где-то в 1931 г., в Быстроистокском районе» [67].

9.18 Борьба за информацию. Степень информированности алтайских крестьян о реальных событиях, происходящих тогда в стране, ожидаемо выглядит предельно низкой. Даже о событиях десятилетней давности – партизанской борьбе («бандах») времен Гражданской войны и антибольшевистских восстаниях начала 20-х годов их воспоминания спустя десятилетие часто точнее и адекватнее, чем рассуждения об окружающей их действительности. Слово «банда», впрочем, в этой среде не имело явно отрицательного смысла – анализ большого количества сохранившихся в архивах высказываний алтайских крестьян на эту тему показывает, что очень часто оно выступает как равнозначный синоним самодеятельно организованному ими партизанскому отряду.

«В горах и лесах банды жестоких и вооруженных мужчин... вне пределов власти и закона принудительно навязывали свою волю жертвам, используя грабежи и насилие. Бандиты временно бросали этим вызов экономическому, общественному и политическому порядку, провоцируя тех, кто держал в своих руках власть, закон и контроль над ресурсами,» – отмечал исследующий повстанчество и бандитизм социальный антрополог. Но при этом подобные

⁷⁷ ОИК – Барнаульский окрисполком, ОК – Барокружком ВКП (б).

банды часто имели потенциал стать центрами мятежа, восстания (чего всегда до дрожи боялись советские большевики). *«Бандиты, по определению, отказываются подчиняться, находятся за пределами воздействия власти, сами являются потенциальными центрами власти и, следовательно, потенциальными мятежниками»* [240, с.20,25].

В этой связи распространение информации о ходе массовых протестов против власти в 1930 г. стало важнейшим. И это соревнование власть выиграла. Крестьяне в 1930 г., как правило, ничего не знают о случаях близких реальных крестьянских восстаний и массовых беспорядков – о партизанском отряде Чупина (декабрь 1929 г.), восстаниях в Усть-Пристани и в Барабинском округе⁷⁸ (март 1930 г.), о массовых волнениях в Ребрихинском районе (апрель 1930 г.) и в Старо-Белокурихе (май 1930 г.). Вместо этого среди них распространяются фантастические слухи о готовых прийти им на помощь «папе Римском и четырех державах», о восстаниях на соседних территориях Казахстана (в Рудном Алтае и Семипалатинске), в Алтайских горах. И лишь иногда в этой волне будоражащих слухов можно разглядеть отдаленные отголоски реальности – о голодном бунте в Барнауле, о восстании Толстоухова на Бухтарме.

Это свидетельствует об эффективности уже выстроенной к тому времени Советским режимом системы контроля над информационными потоками.

Сибирский коммунар читает стенгазету, агитирующую «за Советскую власть» [266, 1929, №1, с.43].

⁷⁸ Восстание, продолжавшееся 10 дней, охватывало 17 населенных пунктов на территории 3-х районов [71, с.720]. СОУ ОГПУ в Оперсводке №7 о ходе «ликвидации контрреволюционных кулацко-белогвардейских и бандитских элементов» за 5—10 марта 1930 г. описывает его так: «2 марта в Муромцевском районе Барабинского округа началось к/р кулацкое выступление, охватившее 6 селений, с общим числом участников до 1 тыс. чел. Повстанцы, вооруженные винтовками и охотничьими ружьями, разгоняли колхозы, избивали и арестовывали колхозников и советский актив. Выступление в основном ликвидировано. В боях убито 75 бандитов, взято в плен – 442. Захвачено много оружия. Ведется следствие. Среди остатков повстанческих сил началось разложение. Восстание проходило под лозунгом «Долой коммунистов, да здравствует Советская власть!» [65, с.249].

Хотя наполняющая их пропаганда (и сами пропагандисты) и вызывает у народа повсеместное презрение и откровенную ненависть (отчасти переходящую даже на часто сроченную с пропагандой советскую систему просвещения), власти явно удавалось уже тогда эффективно блокировать и контролировать каналы информационного обмена – как формальные (газеты, радио), так и неформальные – слухи и разговоры (через разветвленный аппарат сексотов).

Действовала на Алтае также и система перлюстрации почтовых отправлений (подразделение ведомства ПК – «политконтроля» ОГПУ), позволяющая местным властям эффективно контролировать переписку и изымать опасные для них письма. При этом местные руководители могли использовать ее и в своекорыстных интересах, пытаясь блокировать даже вполне лояльные к режиму, но опасные для их карьеры жалобы, отправленные руководству СССР. Такой случай, происшедший в Шелаболихинском районе, описан в секретной информполитсводке (15—30.9.1927) Барнаульского окружкома ВКП (б).

«В районе замечается недовольство некоторых партизан. Что их забыли, не ведут с ними никакой работы... В августе один из партизан, некто Королев, бедняк... раньше был в партии, но выбыл, согласованное другими партизанами подал в райком заявление с жалобой на невнимание к ним со стороны партии. После этого группа в 20 чел. написала заявление на имя Сталина, но оно было перехвачено Райкомом и не послано» [48, л.76].

Гравюра: женщина-агитатор в красном уголке [4, 1926, 21 февраля].

9.19 «Чувствовалось почти безвластие». Начавшиеся в январе-феврале 1930 г., десятки подобных описанным выше протестных инцидентов на Алтае, к лету 1930 г. стали реже и как ожидалось властями, казалось, бесследно «ушли в песок». Однако, оценки современников, наблюдавших за этими событиями, были другими.

К лету на фоне протестной волны жители Алтая по-прежнему массово ждали восстания против ненавистного режима, а местные власти большей частью были деморализованы и подавлены.

Интересный рассказ о динамике общественной атмосферы мы найдем в протоколе допроса в ОГПУ (5.8.1930) свидетеля по делу организации «Свободных» – малограмотного бедняка Михаила Анисимовича Золотухина (1901 г.р., б/п), из ставшего повстанческим центром села Вяткино.

«После того, как в апреле-мае сего года в селе Вяткино был растащен амбар с зерном, то среди населения, в том числе середняков и бедноты шли разговоры о том, что Соввласть стала не крепкой, что вот растащили амбары с зерном и нам ничего не сделали. „Вообще правительство разваливается... Даже в Учпристани теперь найдешь мало людей, которые стоят твердо за Правительство...“ Высказывались отдельные мысли вроде того, что теперь мы все можем и власти нам ничего не сделают... В июле месяце у нас в селе чувствовалась особенная напряженность и боязнь. Члены с/совета не стали ходить в с/совет, исполнители⁷⁹ тоже. Чувствовалось почти безвластие и чье то подпольное командование» [83, т.1. л.46].

9.20 Протест становится вооруженным. Начавшись еще в конце 1929 г. в ненасильственных формах, градус противостояния в алтайском селе на фоне голода и террора потихоньку поднимался – к концу зимы крестьяне стали вооружаться и думать об уходе в банды. Пиком таких настроений стала середина лета – традиционное время перерыва в крестьянском рабочем календаре. *«Те месяцы в сельскохозяйственном годовом цикле, когда пищи было мало и работы тоже мало, становились месяцами грабежей. Когда наводнения уничтожали хлеб, они умножали бандитов»,* – отмечал историк [240, с.23].

Местная же власть и коммунисты на Алтае, видя это «безвластие», начали разбегаться.

«На почве продзатруднений в ряде мест зарегистрированы массовые выступления, вооруженные налеты на амбары ККОВ и мельницы с целью захвата продовольствия. В Каменском окр. имели место 23 случая разбора семенных материалов. При возникновении указанных эксцессов массовая разъяснительная работа часто положительных результатов не дает. Сельский актив, партячейка и сельсоветы, опасаясь расправы, не показываются, а иногда разбегаются. В большинстве случаев эксцессы на почве продзатруднений ликвидируются удовлетворением требования толпы. В ряде случаев они заканчиваются разгромом общественных амбаров и самовольным разбором семян (Барнаульский, Каменский и др. округа).

На почве продзатруднений за апрель и май зарегистрировано 70 массовых выступлений...

Недостаток продовольствия также сильно ощущается среди сельских служащих: учителей, врачей, работников милиции и др. Среди некоторых групп сельских работников хлебный кризис до того обострился, что вызывает массовые тенденции к уходу с работы. В Рубцовском окр. от учителей и др. сельских работников поступило свыше 40 заявлений об увольнении ввиду отсутствия хлеба; получив отказ, все 10 подали заявления об увольнении. В Колыванском, Угловском и Локтевском районах Рубцовского окр. из-за отсутствия хлеба учителя уходят с работ,» – описывает ситуацию на 12 июня 1930 г. совсекретная справка ИНФО ОГПУ [72, с.966—967].

В результате ОГПУ приходит к выводу о том, что мирный протест крестьян с начала 1930 г. лавинообразно растет количественно и становится все жестче и активнее, массово переходя из мирных форм к насильственным. Этот вывод делается в аналитической записке «Материалы по вопросам о кулацкой контрреволюции на 1 февраля 1931 г.»

«Следует подчеркнуть не только то, что массовые выступления большие, чем в 3 раза увеличились количественно, но и то, что они нередко проходят весьма бурно, сопровождаясь

⁷⁹ Сельсисполнители – полупрофессиональные сотрудники низовой милиции того времени.

избиением местных работников, длятся по несколько дней, отличаясь большим упорством, численностью участников и активным сопротивлением тем начинаниям соввласти... Отличаются эти массовые выступления зачастую значительной организованностью, с выставлением наблюдательных постов, „стукачей“, на обязанности которых „в случае опасности“ – созывать народ, с установлением сигналов для оповещения соседних сел – набатом в колокола, с выставлением одновременно наблюдения за сельс [оветом] и сельским активом» [65, с.591].

Среди территорий Сибири, где в максимальной степени возник массовый народный (и при этом часто силовой) протест против советского режима, руководство ОГПУ в первой половине 1930 г. выделяет Бийский округ (а также Барабинский и Новосибирский). Бийский округ действительно стал центром народного сопротивления режиму на Алтае – отдельные территории его признаются ОГПУ практически целиком охваченными восстанием.

«В Бийском округе, в свою очередь, выделяется Алтайский район, целиком охваченный, по данным на 10 марта, массовыми антиколхозными выступлениями, сопровождающимися попытками разбора обобщественного скота, срывами собраний и т. п.», – пишут Ягода и Евдокимов Сталину [71, с.720]. Именно здесь, в Бийском округе, мы увидим весной-летом 1930 г. крупнейшие вооруженные выступления местных жителей. Однако, именно здесь также мы видим самый высокий уровень фальсификации дел.

10. Подпольные центры. «Вставляйте под наше черное знамя!»

«АБЕВЛЕНЬЕ Пастой, дорогие хот закрывается с первого мая потому займут эту местность отряд Полотникова кто, партийный проходу не будит». Под листовкой сделаны 3 росписи: РОТОВ, ПЛОТНИКОВ и 3-я неразборчива.

Прибитая к столбу листовка в Поспелихинском районе, апрель 1930 г.

Но перейдем, наконец, к подпольным и повстанческим группам на территории Алтая. В этой (и следующей) главах будут представлены группы, действовавшие или ориентировавшиеся на подпольную работу среди алтайских крестьян. Примеры чисто городского сопротивления будут описаны в следующий, третьей части нашей книги (хотя такое деление в некоторых случаях довольно-таки условно).

Ряд подпольных организаций того времени носили переходный характер – например, возникая в городах и имея в своих лидерах горожан, они ориентировались на подпольную работу и подготовку восстаний против коммунизма в деревне. В этой части будут представлены те из них, кто находится при этом в культурных рамках русского традиционного общества (например, такая важная для общей картины сопротивления на Алтае группа, как «Охотники»). Рассказ же о тех, кто явно вышел за эти рамки в мир модерна (бийская «Народная воля» и др.), можно найти в посвященной городскому сопротивлению следующей части книги.

10.1 «Курынская организация» Дробышева. Первой по времени (в этот период) крупной повстанческой группой на Алтае, по-видимому, следует признать созданную в райцентре Курья (и двух соседних селах) Рубцовского округа организацию бывшего начальника районной милиции и сотрудника ГПУ Федора Дробышева.

В 1929—30 г. Курья – довольно крупное село (с населением в 5675 человек), центр развитого сельскохозяйственного Курьинского района (население 29.305 человек). Хотя до ближайших заросших лесом гор Горной Колывани от Курьи лишь 25—30 км, это все же ровная степная местность, преимущественно занятая полями. До центра округа – города Рубцовска – от Курьи 96 км, до ближайшей железнодорожной станции Поспелиха 60 км. В округе находятся два небольших города – недавно возникший тогда вокруг железнодорожного узла его центр, Рубцовск (15.904 жителя) и старинный, но уже тогда клонящийся к упадку Змеиногорск (9.804 жителя). Грамотность городского населения на то время – 47%, сельского – 27,7% [85, с.131].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.